

№ 3, Том 9
2018

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik.isras.ru

Тема номера:

**Политические процессы:
социальные протесты
и протестные настроения**

/ Этнически маркируемые
социальные протесты

/ Тенденции материальной
дифференциации общества

/ Ценности интересной работы,
семьи, надёжных друзей

ISSN 2221-1616

Состав Редколлегии

ГОРШКОВ Михаил Константинович – главный редактор, академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ХАЛИЙ Ирина Альбертовна – зам. главного редактора, доктор социологических наук, руководитель Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – ответственный секретарь, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула);

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва);

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург);

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва);

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург);

КИВИНЕН МАРККУ – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хальсинки (Финляндия);

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университет им. Гедиминаса (Литва);

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Чехия);

МИХАЙЛЕНОК Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва);

ПАТЕЛ Сажата – профессор социологического факультета Университета Хидерабад (Индия);

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл);

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея).

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail K., Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KOZYREVA Polina M., Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

KHALIY Irina A., Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center of politology and political sociology of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PODYACHEV Kirill V., Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

BATANINA Irina A., Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia);

BARABANOV Oleg N., Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia);

DUKA Aleksandr V., Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia);

ZHELEZNYAKOV Aleksandr S., Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

ZABOROVA Elena N., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia);

KIVINEN Markku, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland);

KAČERAUSKAS Tomas, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania);

KOSTELECKY Tomas, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic);

MIKHAILENOK Oleg M., Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATRUSHEV Sergei V., Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

PATEL Sujata, professor of Sociology, University of Hyderabad (Hyderabad, India);

POKROVSKY Nikita E., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia);

PROKAZINA Natalya V., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department "Sociology and Informative Technology", The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia);

CHOI Wooik, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Hunkuk, South Korea).

Содержание

<i>Халий И. А.</i> Представляю номер	7
Тема номера: «Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения».....	10
<i>Адиев А. З.</i> Этнически маркируемые социальные протесты в Дагестане	10
<i>Кубанова Л. В., Щербина Е. А.</i> Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности	31
<i>Цибенко С. Н.</i> Медийные технологии национальной мобилизации черкесов	42
<i>Марин Е. Б.</i> Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества).....	63
Неравенство в российском обществе.....	83
<i>Беляева Л. А.</i> Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы	83
<i>Мареева С. В.</i> Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения	101
Социология труда: жизненные планы настоящих и будущих работников	121
<i>Темницкий А. Л.</i> Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России	121
<i>Мозговая А. В., Яишников А. Ю.</i> Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности.....	143
Научные форумы	158
<i>Левченко Н. В.</i> Конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» в Ингушетии.....	158
<i>Бийжанова Э. К.</i> Всероссийский научно-практический семинар «Семья и социальное благополучие в контексте мобильности» во Владивостоке	162

Contents

<i>Khaliy I. A.</i> Presenting This Issue	7
The Theme of the Issue: “Political Processes: Social Protests and Protest Moods”	10
<i>Adiev A. Z.</i> Ethnically Marked Social Protests in Dagestan.	10
<i>Kubanova L. V., Shcherbina E. A.</i> Conventional Forms of Protest Behavior in the Karachay-Cherkess Republic as a Display of Civil Activity	31
<i>Tsibenko S. N.</i> Media Technologies in the Circassians’ National Mobilization.....	42
<i>Marin E. B.</i> Youth Protest Moods in Primorsky Region (On the Example of Students).....	63
Inequality in Russian Society.....	83
<i>Belyaeva L. A.</i> Income Inequality in Russian Society: Social Consequences and Issues.....	83
<i>Mareeva S. V.</i> Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population.....	101
Sociology of Labor: Life Plans of Present and Future Employees.....	121
<i>Temnitsky A. L.</i> Life Success Values and Their Fulfillment for Russia’s Working Population	121
<i>Mozgovaya A. V., Yaishnikov A. Yu.</i> The Ability to Secure a Job as a Resource for Personal Professional Adaptation	143
Scientific Forums.....	158
<i>Levchenko N. V.</i> Conference «Humanitarian and Socio-Political Problems of Modernization of the Caucasus» in Ingushetia	158
<i>Biyzhanova E. K.</i> All-Russian Scientific and Practical Seminar “Family and Social Wellbeing in the Context of Mobility” in Vladivostok.....	162

И. А. Халий,
заместитель главного редактора журнала
«Вестник Института социологии»

Представляю номер

Актуальность темы номера [«Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения»](#) сегодня очевидно не подлежит сомнению, поскольку массовые протестные выступления распространились по всему миру, включая и наиболее развитые экономически страны. Каковы мотивы протестных настроений в нашей стране на нескольких примерах рассматривают авторы статей, вошедших в эту рубрику.

[А. З. Адиев](#) (Махачкал, Республика Дагестан) [«Этнически маркируемые социальные протесты в Дагестане»](#) с позиций этнических групп и сообществ анализирует социальные протесты в Республике Дагестан, организованные общественными организациями этнокультурной направленности и их активистами. Описаны социально-экономические и политические проблемы, вокруг которых происходит протестная мобилизация социальных групп различных народностей, проживающих в Дагестане.

В статье [Л. В. Кубановой](#) и [Е. А. Щербины](#) (Черкесск) [«Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности»](#) рассмотрены формы протестного поведения в полиэтничном регионе – Карачаево-Черкесской Республике. Выделены особенности и типичные черты современных протестных акций, к которым относятся конвенциональность, этничность, наличие первичных и вторичных субъектов протестов, индоктринация, перенос реальных практик протеста в виртуальные.

Тему продолжает статья [С. Н. Цибенко](#) (Ростов-на-Дону) [«Медийные технологии национальной мобилизации черкесов»](#). Черкесский национальный проект автор считает возможным назвать первым опытом современного нациестроительства на Северном Кавказе. Его начало относится ещё к периоду присоединения к Российской империи территорий проживания черкесов в ходе Кавказской войны (1817–64 гг.). Новый виток национальной мобилизации черкесов пришёлся на период рас-

пада СССР, когда кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги стали вновь объединяться под черкесскими флагами и выдвигать требования для решения т. н. черкесского вопроса.

Завершает рубрику статья [Е. Б. Марина \(Владивосток\) «Молодёжные протестные настроения в Приморском крае \(на примере студенчества\)»](#), в которой представлены значимые факторы протеста – социальные проблемы, в наибольшей степени беспокоящие молодёжь. Главным образом, это проблемы в социальной, а также в правовой и экономической сферах. Наименее значимыми являются проблемы в силовых ведомствах, а также в политической сфере. Низкий индекс протестности присущ проблемам в национальной и религиозной сферах.

В рубрике [«Неравенство в российском обществе»](#) представлены две статьи московских учёных, которые подтверждают вероятность нарастания протестных настроений в связи с углублением социально-экономических проблем в современной России.

[Л. А. Беляева](#) в статье [«Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы»](#) рассматривает проблемы структуризации российского общества по уровню доходов населения России в постсоветский период. Проанализированы тенденции материальной дифференциации общества как единого целого, где сложилась значимая дистанция между теми, кто достиг относительного материального благополучия, позволяющего вести социально приемлемый образ жизни, и теми, кто лишён возможности удовлетворять свои потребности и имеет ограниченные ресурсы для развития человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса.

[С. В. Мареева](#) в статье [«Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения»](#) представляет результаты анализа представлений россиян о социальной структуре современного российского общества и характеризующих его неравенствах. Показано, что проблема неравенств сегодня очень остро воспринимается населением, и за годы последнего кризиса не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее. Продемонстрировано, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается.

Следующая рубрика [«Социология труда: жизненные планы настоящих и будущих работников»](#) также содержит две статьи московских социологов.

[А. Л. Темницкий](#) в статье [«Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России»](#) на основе факторного анализа ценностных представлений об успехе в жизни выявляет шесть типологических категорий работников. Основное содержание статьи направлено на рас-

крытие связи этих категорий (факторов) с социально-демографическими характеристиками работников, моделями достижения успеха в трудовой и семейной сферах, в материальном благополучии, реализации жизненных планов и индивидуальных устремлений.

[А. В. Мозговая и А. Ю. Яишников](#) в статье [«Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности»](#) представляют анализ проблемной ситуации, суть которой состоит в «несостыковке» потребностей рынка труда с подготовкой профессионалов, Авторы доказывают, что одним из важнейших направлений выхода из кризиса является формирование у студентов способности к трудоустройству, названной специалистами «трудоустраиваемостью». Эта компетенция позиционируется как социальный ресурс, востребованный всеми субъектами социального взаимодействия: рынком труда, институтом образования, специалистом.

В рубрике [«Научные форумы»](#) представлены научные мероприятия, состоявшиеся в России в текущем году: [конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» в Ингушетии](#) и [Всероссийский научно-практический семинар «Семья и социальное благополучие в контексте мобильности» во Владивостоке](#).

Т е м а н о м е р а Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения

Адиев Асланбек Залимханович –
кандидат политических наук, учёный секретарь,
Региональный центр этнополитических исследований,
Дагестанский научный центр РАН, Махачкала

E-mail: Khalid_84@mail.ru

Этнически маркируемые социальные протесты в Дагестане

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.521

Аннотация. В работе с позиций этнических групп и сообществ анализируются социальные протесты в Республике Дагестан, организованные общественными организациями этнокультурной направленности и их активистами. Описаны социально-экономические и политические проблемы, вокруг которых происходит протестная мобилизация общественности кумыков, ногайцев и чеченцев-аккинцев, проживающих в Дагестане. На примере протестных акций последних лет изучены формы и методы проведения социальных протестов, повестки дня, транслируемые неформальными лидерами и активистами этнокультурных общественных организаций. В качестве основной причины протестной мобилизации представителей равнинных этносов Дагестана (кумыков и ногайцев) рассматривается земельная реформа, стартовавшая в республике в 2015 г. и предполагающая перекраивание административных границ сельских муниципальных районов и поселений из-за появления на территории республиканских пастбищ (земель отгонного животноводства) множества застроенных участков, претендующих на статус сельских поселений. По мере игнорирования дагестанскими властями сигналов о назревании протестной этнической мобилизации среди ногайцев происходило расширение протестного движения от имени целой этнической группы с включением в этот процесс не только дагестанских ногайцев, но и представителей ногайских общин из других субъектов России. В работе исследована проблема затянувшегося процесса восстановления Ауховского района Дагестана, актуальность звучания которого на контроле лидеров общественных организаций чеченцев-аккинцев, ежегодно проводящих 23 февраля памятный митинг, посвящённый репрессиям 1944 года. Описываются сложности учёта органами государственной власти Республики Дагестан интересов всех этнических сообществ, затронутых проблемой восстановления Ауховского района. Анализ реакции дагестанских властей на протестные действия этнических активистов показывает, с одной стороны, заинтересованность и активность власти в решении обозначенных на митингах социальных проблем, с другой – нежелание поддаваться давлению со стороны этнических общественных организаций или отдельных активистов. Отмечается конструктивная роль социальных протестов, сигнализирующих органам власти о потенциальных социальных кризисах и конфликтах, которые всё труднее замалчивать и игнорировать в условиях, когда протестная мобилизация людей с помощью современных средств массовой коммуникации не требует чрезмерных усилий.

Ключевые слова: Дагестан, социальный протест, этнические группы и сообщества, региональные и местные власти, земельная реформа, реабилитация репрессированных народов

Понятие этнически маркируемого социального протеста используется нами применительно ко всем возможным формам публичного выражения недовольства граждан, ассоциированных по этническому принципу, на действия или бездействие органов власти. Этнически маркируемые протесты направлены на то, чтобы власть «услышала» требования сообщества и постаралась учитывать его интересы при решении тех или иных социально значимых проблем. Протест в этом смысле, как отмечают политологи, это средство воздействия на власть, т. е. действие, с помощью которого общество пытается повлиять на решения и действия власти [Руденкина, Керимов 2016: 60]. Задачей любого социального протеста является выражение некоторой позиции (публичное выражение общественного мнения). Именно возможность сделать публичное заявление, сформулировать коллективное требование и быть услышанными определяет смысл публичной акции. Любая протестная акция сигнализирует о неблагополучии, тем самым потенциально содействуя его преодолению. В этом смысле протест как бы предупреждает угрозу социальных взрывов, если адресат (чаще всего – власть) вовремя и адекватным образом реагирует на него [Артюхина 2017: 33]. Следовательно, человек, придя на акцию, по выражению социологов, становится адресантом, который отправляет адресату сообщение с помощью одного или нескольких кодов [Архипова, Радченко и др. 2018: 18]. Соответственно, этнически маркируемая протестная акция рассматривается нами как коллективное сообщение, в котором главную роль играет акт коммуникации представителей этнического сообщества с представителями властных структур.

Важным вопросом в изучении этнически маркируемых социальных действий является проблема делегированного представительства этнических групп. Кому этническое сообщество делегирует право представлять свои коллективные интересы и позицию перед органами власти, если официальные структуры не решают должным образом их проблемы? В 2000 г. исследователи, изучавшие посредством экспертных интервью проблему становления в России института национально-культурных автономий (НКА), задавались схожим вопросом: «Кто и на каком основании может (имеет право) выступать от имени этнической группы?» [Филиппов, Филиппова 2000: 50]. Ответы респондентов, существенно разнившиеся в начале исследования (от варианта «никто» до варианта «множество общественных организаций данной этнической группы»), позволили в итоге сформулировать консолидированное экспертное мнение, согласно которому ни одна общественная организация, ассоциированная по этническому принципу, не может монополизировать исключительное право выступать от имени целой этнической группы. Соответственно, этническая общность, решили учёные, может иметь несколько обществен-

Этнически маркируемые протесты направлены на то, чтобы власть «услышала» требования сообщества и постаралась учитывать его интересы при решении тех или иных социально значимых проблем.

ных организаций, каждая из которых способна выступать от имени этнической группы лишь в той области, которая отнесена к компетенции данного объединения.

На практике проблема представительства интересов этнических групп значительно сложнее и выходит за рамки простого распределения функций представительства коллективных интересов по сферам деятельности неких НКА. Общественные организации этнокультурной направленности в своих уставных целях и задачах часто прописывают универсальные лозунги мира, добрососедства и развития, направленные на сохранение культурного наследия этноса, его языка и т. д., а задачи отстаивания этнических интересов в сфере, к примеру, земельных отношений, никто, как правило, не обозначает. Более того, социально-экономические проблемы, которые реально волнуют ту или иную этническую общность, поднимаются не их региональными или местными НКА, а совершенно другими общественными организациями и неформальными лидерами, которые по молчаливому согласию или по просьбе общественности начинают публично выступать от имени отдельных сельских общин или целых этносов. Кроме того, у одних этнических сообществ есть богатый опыт общественной самоорганизации в виде работы всевозможных неправительственных организаций, в том числе зарегистрированных в министерстве юстиции. У других – мало или вовсе нет таковых, но есть неформальные лидеры, способные мобилизовать куда большее количество людей на протестные акции, чем руководители формально существующих общественных организаций, позиционирующих себя в качестве представителей интересов своей этнической группы.

На основе материалов мониторинга этнополитических процессов в Республике Дагестан и событийного анализа этнически маркируемых социальных протестов, проходивших в регионе в последние несколько лет, мы пытаемся показать, какими акторами, по каким проблемам и в какой форме осуществляется протестная мобилизация людей по этническим мотивам в республике; какие «сообщения» отправляются властям от имени этнических групп и как на эти протесты реагируют органы государственной власти.

Мониторинг общественно-политических процессов в Республике Дагестан в контексте межэтнических отношений осуществляется научным коллективом Регионального центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН. Данные мониторинга позволяют выделить несколько этнических сообществ, от имени которых чаще, чем от других этнических групп республики, проводятся в последнее время публичные мероприятия с теми или иными требованиями в адрес властей. Это кумыки, ногайцы и чеченцы-аккинцы (см. [рис. 1](#)).

В диаграмме приведены цифры по протестным событиям, которые имели место только в физическом пространстве, а не в интернет-сайтах, социальных сетях и мессендже-

рах. Последние, т. е. протесты в виртуальном пространстве, исчисляются для каждого из выбранных нами сообществ десятками видеообращений, коллективных публичных писем, петиций, резолюций. Рассматривая и сравнивая протестную активность от имени каждой из перечисленных этнических групп, мы можем составить общее представление о ключевых проблемах в сфере межэтнических отношений в Дагестане.

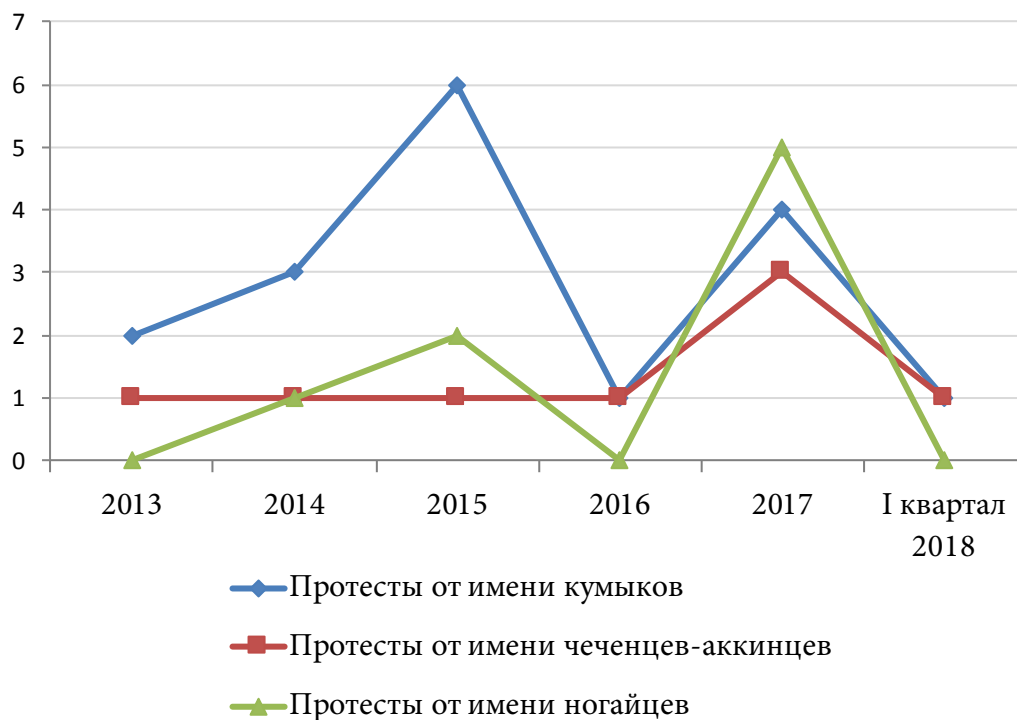

Рис. 1. Количество протестных акций от имени кумыков, ногайцев и чеченцев-аккинцев в Дагестане в период с 2013 г. по I квартал 2018 г.

Протесты от имени кумыков¹

В последние годы наиболее часто протестующими в Дагестане, по данным мониторинга, представляются кумыкские общины. Социальные протесты, организованные их общественными активистами, транслировались как акции, касающиеся всего кумыкского народа или же затрагивающие интересы отдельных кумыкских сельских обществ (например, жителей притаркинских сёл). Общей для всей кумыкской общественности проблемой, по которой организуются протестные акции, является земельный вопрос.

¹ Кумыки – крупнейший тюркоязычный этнос на Северном Кавказе и третий по численности этнос среди коренных народов Дагестана. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., из проживающих в Российской Федерации чуть более 505 тыс. кумыков свыше 431 тыс. чел. (т. е. более 85%) проживают в Дагестане. Историческим ареалом расселения кумыков является равнинный и предгорный Дагестан – территория от реки Уллучай на юге – до реки Терек на севере.

Кумыкское протестное движение в Дагестане появилось уже в конце 1980-х гг., когда признаки ослабления центральной власти в регионах стали очевидными. В это время сформировалось кумыкское народное движение «Тенглик» (Равенство), боровшееся за этнотерриториальную федерализацию Дагестана и политическое самоопределение кумыкского народа в условиях распада СССР. В 1990-е гг. лидеры движения «Тенглик», добиваясь уставных целей движения, организовывали массовые протестные акции от имени кумыкского народа. В октябре 1991 г. митингующими были перекрыты железная дорога и автотрасса Ростов–Баку, предпринята попытка заблокировать Махачкалинский аэропорт. В окрестностях г. Хасавюрта был создан и длительное время функционировал лагерь забастовщиков. В 1992 г. на очередном съезде кумыкского народа было принято решение провести референдум о создании «Автономной Кумыкии» в составе Дагестана и России. Съезд принял также постановление «О путях реализации национального суверенитета кумыкского народа». Все эти протестные акции и решения сигнализировали властям о недовольстве кумыкской общественности сложившейся в республике ситуацией в сфере земельных отношений, кадровой политики и распределения ресурсов. Постепенно, ближе к середине 1990-х гг., этнополитическая ситуация в регионе начала стабилизироваться, а активность этнических движений – спадать. Этому способствовало появление определённости и единовластия в федеральном центре. Принятие Конституции РФ позволило начать формирование органов государственной власти Дагестана, учитывающее этнополитическую специфику региона. Вместе с тем, земельный вопрос на равнине (в особенности вопрос по землям отгонного животноводства), который поднимали активисты кумыкского протестного движения, до сих пор не утратил своей актуальности.

Наиболее резонансными среди последних протестных акций от имени кумыкского народа стали сход 47-ми кумыкских сельских общин и общественных организаций 04.11.2015 г. и чрезвычайный съезд представителей муниципальных образований, общин и общественных организаций кумыкского народа 01.03.2017 г. в Махачкале. Второе мероприятие организовали 10 кумыкских общественных организаций¹, которые выразили протест кумыкской общественности из-за проводимой в респу-

¹ Общественный совет кумыков «Къумукъ халкъ совети» (председатель Вагидов В.), дагестанская региональная общественная организация «Национальный совет кумыкского народа» (председатель Мурзаев А.), дагестанская региональная общественная организация «Союз общественных объединений «Сплочённость» (председатель Сулейманов З.), местная общественная организация «Кяхулай» (председатель Валиев З.), община «Атлыбоюн» (п. г. т. Ленинкент, г. Махачкала, председатель Бамбатов Г.), общественный комитет «Анжи» (председатель Дадаев С.), Совет старейшин кумыкского народа (председатель Акаев А.), кумыкское народное движение «Тенглик» (председатель Алиев С.), местная общественная организация «Нижнее Казанище» (Буйнакский р-н, председатель Шугаилов П.), Совет старейшин пос. Тарки (г. Махачкала, председатель Зайналов А.).

блике земельной реформы, предполагающей легализацию переселенческих сёл, стихийно образовавшихся на землях отгонного животноводства (ЗОЖ) на равнине Дагестана. Земли, на которых возведены эти населённые пункты, отнесены специальным законодательным актом к республиканскому ведению. Общая площадь ЗОЖ – 1 млн 241 тыс. га [Рущенко и др. 2000: 112]. Значительную часть дагестанской равнины (от Каякентского района на юге – до Бабаюртовского района на севере) кумыки воспринимают как свою историческую родину, а внутрирегиональная миграция аварцев, даргинцев и лакцев с гор на равнину за последние полвека кардинально изменила этнический состав этих территорий. По оценкам Министерства по земельным и имущественным отношениям РД, на территории ЗОЖ на равнине республики «стихийно» образовано 199 так называемых переселенческих сёл горцев с общим населением около 78 600 человек¹.

В силу масштабности проблемы, «стихийно» застроенные земельные участки в зонах ведения отгонного животноводства республиканские власти решили упорядочить путём определения их границ, наименований, установления численности проживающего населения. Во многих случаях власти планируют придать застроенным участкам статус сельских поселений с последующим включением их в состав соответствующих горных муниципальных образований, откуда переселились фермеры. Придание статуса села застроенным участкам ЗОЖ на равнине означает перекраивание административных границ муниципальных образований в республике, против чего выступают представители кумыкской общественности. Они опасаются, что хозяйства горных районов в результате проводимой реформы превратятся из арендаторов в полноценных хозяев этих земельных угодий на равнине, и в перспективе это обернётся утратой кумыкским населением не только возможности распоряжаться земельными ресурсами, но и властных позиций на местах. Требования к дагестанским властям, изложенные в резолюциях всех последних протестных акций от имени кумыкского народа, по смыслу и содержанию одинаковы:

– организовать публичные слушания и обсуждения республиканских законопроектов в рамках проводимой земельной реформы, разъясняющие общественности её цели, задачи и принципы осуществления;

– предусмотреть приоритетное обеспечение земельными ресурсами местных хозяйств равнинных сёл, а не хозяйств горцев-переселенцев, самовольно застроивших земельные участки в равнинной зоне ведения отгонного животноводства;

¹ Минимущество Дагестана выявило на землях отгонного животноводства 199 сёл // URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/254961/> [Дата посещения: 17.06.2017].

– передать земли отгонного животноводства и земли государственно-унитарных предприятий, расположенные на территории равнинных районов, из республиканской собственности на баланс равнинных муниципальных районов;

– все спорные вопросы землепользования решать через процедуры публичного обсуждения и создание согласительных комиссий [Абакаров, Адиев 2015: 67].

В случае отсутствия должной реакции со стороны властей организаторы протестных акций от имени кумыкской общественности грозились инициировать проведение референдума местного значения по поводу установления границ равнинных сельских поселений, а также поднять вопрос о национальном самоопределении кумыкского народа и его конституционных прав на самоуправление [Адиев 2017: 42].

Реакцией дагестанских властей на эти протесты стала приостановка работ в равнинных районах республики с преимущественно кумыкским населением по оформлению участков ЗОЖ (на которых стихийно образовались поселения) в муниципальную собственность администраций горных районов РД. К концу 2018 г., согласно «Программе проведения земельной реформы в Республике Дагестан на 2015–18 гг.»¹, планировалось завершить работы по определению границ, наименований и статуса 149 таких застроенных участков на равнине, но из-за протестов, организованных от имени кумыкского народа, статус, границы и наименования обрели лишь единицы застроенных участков. Например, согласно Закону РД от 02.10.2017 г. № 73 (принят в последний день работы Р. Абдулатипова на посту главы субъекта) «О внесении изменений в Закон Республики Дагестан «О статусе и границах муниципальных образований Республики Дагестан»», в состав сельсовета «Батлаичский» Хунзахского района включён застроенный участок (село) Арада, расположенный в Кумторкалинском районе Дагестана. А в сельсовет «Очлинский» того же Хунзахского района включены новообразованные сёла Архида и Тадколо, первый из которых расположен на территории равнинного Хасавюртовского района РД².

Помимо общей для всей кумыкской общественности Дагестана темы, существуют и локальные вопросы, вызывающие протестную мобилизацию лишь представителей отдельных кумыкских сельских сообществ. Наиболее актив-

¹ Распоряжение Правительства РД от 26.08.2015 г. № 339-р «Об утверждении Программы проведения земельной реформы в Республике Дагестан на 2015–2018 годы» (С изменениями на 16.12.2015 г.) // URL: <http://docs.cntd.ru/document/430539672> [Дата посещения: 29.07.2018].

² Закон РД от 02.10.2017 г. № 73 «О внесении изменений в Закон Республики Дагестан «О статусе и границах муниципальных образований Республики Дагестан»» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/450357413> [Дата посещения: 11.04.2018].

ными в плане проведения протестных акций являются активисты и неформальные лидеры, выступающие от имени приаркинских кумыкских общин (селений Альбурикент, Кяхулай и Тарки, входящих в городской округ «город Махачкала»). Ежегодно 12 апреля в местечке Караман на окраине Махачкалы общественными активистами этих сельских общин проводится мероприятие, посвящённое годовщине насильственного переселения тарковских кумыков. В этот день в 1944 г. жители перечисленных кумыкских сёл вблизи Махачкалы решением республиканских властей были переселены в сёла депортированных чеченцев на территории Хасавюртовского района ДАССР. Колхозы и совхозы этих кумыкских сёл были расформированы, а земли перераспределены между хозяйствами горных районов республики. По возвращению из мест высылки дагестанских чеченцев в 1957 г. кумыки вернулись в свои сёла, но большая часть сельскохозяйственных угодий общинных колхозов и совхозов не были возвращены кумыкам и остались в пользовании горцев. После распада СССР это стало причиной протестов кумыков с требованиями вернуть земли общин и признать незаконным акт выселения жителей этих кумыкских сёл.

В 2012 г. памятное мероприятие в местности Караман, посвящённое событиям 1944 г., вылилось в самозахват жителями указанных сёл земельных участков площадью около 95 га [Варшавер 2014: 150]. Самозахватчики разбили протестный лагерь, поделили территорию на участки, построили мечеть, организовали круглосуточное дежурство в целях охраны территории и стали добиваться у дагестанских властей легализации своих прав на данные участки. Дагестанские власти многократно пытались разогнать протестный лагерь в Карамане с помощью МВД. Активистов и дежурящих в лагере кумыков задерживали, доставляли в отделения полиции, но всякий раз под давлением кумыкской общественности отпускали. Этнические активисты пытаются всеми доступными в российском правовом поле способами привлечь внимание властей к своим требованиям, объявляя голодовки и устраивая митинги. В последнее время от голодовок как способа привлечения внимания властей кумыкские активисты стали отходить из-за того, что власти не реагировали на их требования должным образом. Например, с участниками голодовки в Карамане в конце 2014 г. из официальных лиц встречались только сотрудники правоохранительных органов. «В конце концов люди поняли, что властям всё равно, из-за чего они губят здесь своё здоровье», – сказал тогда представитель кумыкской общественности Г. Хангишиев¹. На

¹ Голодовка в Карамане прекращена в связи с тем, что власти никак на неё не реагируют // Серый Журнал. 2014.07.12. URL: <http://kopomko.ru/golodovka-v-karamane-prekrashhena-v-svyazi-s-tem-chto-vlasti-nikak-ne-reagiruyut/> [Дата посещения: 13.04.2018].

сегодняшний день конфликтная ситуация в Карамане всё ещё не урегулирована. Протестующие добиваются оформления арендных отношений на занятые ими участки и ждут легализации своих прав со стороны дагестанских властей. Кроме того, поскольку в 2015 г. Махачкала стала городским округом с внутригородским делением на муниципальные районы, активисты перечисленных кумыкских сёл стали требовать создания Таркинского муниципального района внутри города, куда вошли бы все кумыкские пригородные сёла.

Протесты от имени ногайцев¹

Земельная реформа в Дагестане вызвала протестную мобилизацию не только среди кумыкской общественности, но и среди ногайской. В одном из правительственных совещаний 11 мая 2017 г. дагестанские власти обозначили необходимость проведения работ по приданию статуса, установлению границ и передаче земель из республиканской в муниципальную собственность застроенных территорий, образованных на землях отгонного животноводства в Ногайском районе РД. Эта информация вызвала резкий рост протестной активности среди ногайской общественности. Уже 30 мая в Ногайском районе РД прошёл самостийный сход жителей района, где было принято решение провести «Всероссийский съезд ногайского народа» в связи с несогласием жителей района с намерением республиканской власти узаконить поселения, незаконно возникшие на этих землях. Протестную мобилизацию ногайцев Дагестана поддержали представители ногайцев, проживающих в других субъектах России. На съезде были делегаты из Карачаево-Черкесии, Чеченской Республики, Республики Крым, Ставропольского края, Северной Осетии–Алании, Астраханской области, Москвы, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов. Помимо ногайцев в протестном съезде участвовали представители кумыкской общественности, для которых также актуальна проблема, вызванная земельной реформой в Дагестане.

Организаторами «Всероссийского съезда ногайского народа» 14 июня 2017 г. в Ногайском районе РД выступила группа физических лиц (инициативная группа). В работе

¹ Ногайцы – тюркоязычный народ, автохтонно проживающий в России, преимущественно в регионах Северного Кавказа, мусульмане-сунниты, традиционно придерживающиеся ханафитского мазхаба. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации проживают 103 660 ногайцев, преимущественно в регионах РФ СКФО: Республике Дагестан – 40 407 чел., Ставропольском крае – 22 006 чел., Карачаево-Черкесской Республике – 15 654 чел., Чеченской Республике – 3 400 чел. Ещё ногайцы проживают в Астраханской области – 7 000 человек. Кроме того, на сегодняшний день сформировалась значительная диаспора ногайцев в регионах Западной Сибири: Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах.

съезда приняли участие 300 делегатов от всех сёл Ногайского района, а также других регионов РФ, где компактно проживают ногайские общины. По данным журналистов, освещавших работу съезда, на нём присутствовало около 4-х тыс. человек. С основным докладом выступил Председатель президиума съезда Р. Адильгереев, заявивший, что у ногайцев – коренного населения Ногайского района Дагестана – обострился ряд проблем, связанных с правом на самостоятельное осуществление местного самоуправления и правом распоряжения муниципальными землями в зоне ведения отгонного животноводства. Ногайский район – единственный в Дагестане район компактного проживания ногайцев, напомнил он участникам съезда. «Ногайский район в 1957 г. был передан Дагестану не для того, чтобы разрезать на куски и растаскивать земли, передавая горным районам, а для создания условий для сезонного выпаса овцепоголовья. Не руководство Дагестана, а органы местного самоуправления Ногайского района вправе решать – быть или не быть кутанам населёнными пунктами», – подчеркнул один из выступавших на съезде делегат¹. С аналогичными по смыслу и содержанию речами выступили ещё несколько делегатов съезда.

На съезде выступили также кумыкские общественные деятели. Один из них – председатель Союза общественных объединений «Сплочённость» З. Сулейманов заявил, что кумыкская общественность солидарна с ногайцами и также ставит вопрос об отмене программы земельной реформы в Республике Дагестан. «Считаем, что проводимая в Дагестане земельная реформа, а также проблемы, связанные с землями отгонного животноводства, приобретают политический характер и подрывают межнациональное согласие в Дагестане», – заявил докладчик. Другой кумыкский общественный деятель, председатель общественной организации «Кяхулай» З. Валиев сказал: «Вы должны знать, что вы не одни! Мы рядом с вами! Когда бы вы нас ни позвали, мы приедем и встанем рядом с вами!»².

В резолюции съезда ногайцев России прописаны требования признать недействующим (отменить) Закон Республики Дагестан от 09.10.1996 г. №18 «О статусе земель отгонного животноводства в Республике Дагестан» как не соответствующий федеральному законодательству; передать ЗОЖ, расположенные на территории Ногайского района, в собственность органам местного самоуправления сельских поселений.

¹ Агаев М. Родину под пастбище // Черновик. 2017. № 23. 16 июнь. URL: <https://chernovik.net/content/politika/roдинu-pod-pastbishche> [Дата посещения: 28.03.2018].

² Выступление З. Сулейманова и З. Валиева на Общероссийском съезде ногайского народа 14 июня 2017 г. Опубликовано 16.06.2017 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=NOyLUFrcNTQ> [Дата посещения: 28.03.2018].

Все вопросы с землёй в пределах Ногайского района, как подчеркнуто в резолюции съезда, должны решаться с участием населения¹. Кроме того, делегаты съезда ногайцев признали необходимым вмешательство федеральных властей в сложившуюся в регионе ситуацию, поскольку на республиканском уровне конфликт не разрешался.

После съезда ногайской общественности проведение мероприятий, предусмотренных программой земельной реформы в РД в Ногайском районе, было приостановлено. 7 июля 2017 г. для встречи с депутатами и общественностью Ногайского района в целях обсуждения социально-экономических проблем муниципалитета приехала делегация официальных лиц из Махачкалы во главе с заместителем председателя Правительства РД Рамазаном Джафаровым. Но ногайская общественность итогами этой встречи не удовлетворилась, и неделю спустя, 14 июля представители общественности Ногайского района РД стали добиваться приёма в аппарате Полномочного Представителя Президента РФ в СКФО в Пятигорске. Там их обращение было рассмотрено и решено создать комиссию по урегулированию конфликтной ситуации в муниципальном районе. В медиаресурсах тут же появились публикации с заголовками: «Дагестанские ногайцы заручились поддержкой Белавенцева»; «СКФО: В Администрации Президента России следят за ногайской проблемой»².

Произошедшая в октябре 2017 г смена власти в республике вселила надежду общественности Ногайского района, что новые власти будут более внимательны к социально-экономическим проблемам муниципалитета. Уже 12 ноября на конференции, посвящённой подведению промежуточных итогов июньского съезда ногайцев России, этнические активисты отметили возросшую заинтересованность дагестанских властей в урегулировании земельного вопроса в Ногайском районе. «К вам пришёл не я один, к вам пришла вся Россия», – именно это высказывание из выступления Владимира Васильева на посту Главы РД было вывешено над столом президиума. Открывая конференцию, ногайский общественный активист Р. Адильгереев заявил, что В. Васильев дал поручение высшим должностным лицам Дагестана изучить проблемы в Ногайском районе, в том числе и земельный вопрос, и принять меры для выхода из социально-экономического кризиса. Помимо

¹ Агаев М. Родину под пастбище // Черновик. 2017. № 23. 16 июнь. URL: <https://chernovik.net/content/politika/roдинu-pod-pastbishche> [Дата посещения: 28.03.2018].

² Дагестанские ногайцы заручились поддержкой Белавенцева // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/306083/> [Дата посещения: 28.02.2018]; СКФО: В Администрации Президента России следят за ногайской проблемой // РИА Дербент. URL: <https://riaderbent.ru/skfo-v-administratsii-prezidenta-rossii-sledyat-za-nogajskoj-problemoj.html> [Дата посещения: 28.02.2018].

конкретных предложений по земельному вопросу, участники конференции сформулировали и другие пожелания: вернуть в Ногайский район государственные структуры, обслуживающие местное население, которые в рамках административной реформы были выведенные в Тарумовский и Кизлярский районы; а также обеспечить представительство ногайцев в органах власти Республики Дагестан. Участники конференции приняли также решение о создании новой межрегиональной ногайской общественной организации, которая обеспечивала бы более тесное межрегиональное взаимодействие ногайцев, проживающих не только на Северном Кавказе, но и в других субъектах страны.

В целом протестная активность ногайской общественности в Дагестане на современном этапе, как видно из анализа событий 2017 г., имеет социально-экономическую детерминацию. Политизация земельного вопроса в Ногайском районе РД провоцировалась достаточно долгим игнорированием региональными властями социально-экономических требований жителей, а демонстрация властями своей готовности решать озвученные на митингах социально-значимые проблемы постепенно снижает градус протестного настроения в обществе.

Протесты от имени чеченцев-аккинцев¹

После установления Советской власти на Северном Кавказе в январе 1921 г. была образована Дагестанская АССР, включившая в свой состав помимо 9 округов бывшей Дагестанской области ещё и Хасавюртовский округ (в том числе Ауховский участок – ареал проживания чеченцев-аккинцев) бывшей Терской области. Чеченцы-аккинцы обращались к советским властям с просьбой создать национальный район, и 5 октября 1943 г. за счёт разукрупнения Хасавюртовского района ДАССР был образован Ауховский район. В состав этого района вошло 8 сельсоветов, объединивших 15 населённых пунктов. Однако район просуществовал недолго, 23 февраля 1944 г. все чеченцы и ингуши, проживавшие в Чечено-Ингушской АССР и соседних территориях, в том числе в Ауховском, Хасавюртовском районах и г. Хасавюрт Дагестанской АССР, были депортированы в Среднюю Азию. Из Дагестана всего было депортировано около 28 тыс. чеченцев. Одна часть Ауховского района была заселена лакцами и переименована в Новолакский район, а другая часть присоединена

¹ Чеченцы-аккинцы представляют собой этническую группу чеченцев, проживающих в Дагестане. Они говорят на аккинском диалекте чеченского языка. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. в Дагестане проживает 93 658 чеченцев (без уточнения чеченцы-аккинцы или просто чеченцы).

к соседнему Казбековскому району, населённому аварцами. Также были переименованы все сельсоветы и населённые пункты района (чеченские названия сёл изменили на лакские и универсально советские).

Реабилитация народов, репрессированных в 1943–44 гг., начавшаяся в 1957 г., не привела к восстановлению Ауховского района, что стало причиной протестной этнополитической мобилизации чеченцев-аккинцев, которые с конца 1980-х гг. активно добиваются восстановления своего национального района. С выходом закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» III Съезд народных депутатов Дагестана в 1991 г. принял постановление считать репрессированным народом в Дагестанской ССР чеченцев-аккинцев, высланных в феврале 1944 г.; признать необходимость восстановления Ауховского района и прежних исторических (чеченских) названий населённых пунктов, входивших в состав этого района. Подчёркивалось, что в процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы насильственно переселённых народов, каковыми в Дагестане считаются те этнические сообщества, которые в административном порядке были переселены в упразднённый Ауховский район после депортации чеченцев-аккинцев [Алиев, Курбанов и др. 1993: 30]. Съезд установил переходный период для решения практических задач: восстановления Ауховского района и прежних исторических названий населённых пунктов; переселения лакского населения Новолакского района на новое место жительства и возвращения желающих чеченцев-аккинцев в места прежнего проживания. Немаловажное значение для принятия этих решений имело волеизъявление лакской части населения Новолакского района компактно переселиться с условием сохранения одноимённого района на новом месте жительства, а также согласие чеченцев-аккинцев на совместное проживание с аварцами, лакцами и другими, кто останется в населённых пунктах будущего Ауховского района. Но из-за чрезмерной политизированности самой проблемы, а также из-за хронической нехватки и задержки финансирования программы переселения лакского населения проблема восстановления Ауховского района затормозилась и не решена до сих пор. Затянувшийся процесс восстановления Ауховского района и отсутствие согласия по границам (восстанавливать в пределах Новолакского района или в границах 1944 г., включая территорию и сёла, переданные Казбековскому району) стало причиной проводимых в республике протестных мероприятий от имени дагестанских чеченцев, требующих ускорить территориальную реабилитацию народа.

Основными общественными организациями, выступающими от имени чеченцев-аккинцев, являются Дагестанская региональная общественная организация «Общественный

Совет чеченцев» (ОСЧ) и «Совет старейшин чеченцев Дагестана». Ежегодно 23 февраля общественные активисты чеченцев-аккинцев проводят митинг в Новолакском районе Дагестана в память о жертвах сталинских репрессий и обсуждают проблемы и перспективы восстановления Ауховского района. Чеченские общественные активисты, требующие ускорить этот процесс, выражают обеспокоенность продажей земельных участков администрациями сёл Новолакского района, поскольку до восстановления Ауховского района, по их мнению, должен быть наложен мораторий на продажу земельных участков в этих сёлах.

Дагестанские власти стараются максимально учитывать интересы всех сторон процесса восстановления Ауховского района. Речь идёт об интересах чеченцев-аккинцев (желающих восстановить свой район в пределах границ 1944 г. и вернуть исторические наименования своим сёлам), лакцев Новолакского района (они согласились покинуть чеченские дома и повторно переселиться на новое место жительства при условии образования там Новолакского района со всей необходимой инфраструктурой) и аварцев, которые отказались переселяться. Аварцы, живущие в сёлах Новолакского района, выразили желание остаться и жить совместно с чеченцами-аккинцами в будущем Ауховском районе, а аварцы, живущие в сёлах, переданных Казбековскому району, не хотят менять место жительства. Интересы чеченцев-аккинцев и аварцев, проживающих в сёлах Ленинаул (чеченское название Акташ-Аух) и Калининаул (Юрт-Аух), переданных после депортации 1944 г. в Казбековский район, трудно согласовать. Аварские и чеченские общины этих сёл расколоты, что проявляется преимущественно в раздельном обучении детей (в сёлах работают по две школы для каждой из этнических общин) и в функционировании отдельных «этнических» мечетей.

Бытовой конфликт, произошедший 25 июня 2017 г. в селении Ленинаул с участием молодёжи, перерос в массовое столкновение аварцев и чеченцев-аккинцев. Недостаточные и несвоевременные меры по урегулированию конфликтной ситуации привели к её эскалации. Через две недели, 7 июля, для поддержки чеченцев-аккинцев из Чеченской Республики в сторону села Ленинаул Казбековского района Дагестана выдвинулись несколько сот человек, в основном молодёжь. На въезде в район, где установлен стационарный пост полиции, им преградили путь сотрудники правоохранительных органов Дагестана. В связи со скоплением агрессивно настроенной молодёжи, в ситуацию пришлось вмешаться и официальным лицам Чеченской Республики.

На предлагаемый властями вариант поэтапного восстановления Ауховского района (сначала в границах современного Новолакского района, а затем проработка вопроса

Бытовой конфликт, произошедший 25 июня 2017 г. в селении Ленинаул с участием молодёжи, перерос в массовое столкновение аварцев и чеченцев-аккинцев. Недостаточные и несвоевременные меры по урегулированию конфликтной ситуации привели к её эскалации.

передачи в его состав двух сёл Казбековского района) не соглашаются лидеры чеченцев-аккинцев. По словам секретаря ОСЧ Ханпаши Султанбиева, они просто не верят, что второй этап будет реализован¹.

В случае дальнейшего затягивания процесса переселения лакцев, на котором завязано восстановление Ауховского района, дагестанские чеченцы и их неформальные лидеры заявляют о готовности обратиться за помощью к руководству соседней Чеченской Республики, что чревато вовлечением в процесс урегулирования конфликта новых участников и осложнением межрегиональных отношений.

В конце 2017 г. в Дагестане утверждена новая государственная программа «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановление Ауховского района»², рассчитанная на 2018–25 гг. Программа предполагает за этот период полностью завершить переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства, создать там необходимую социальную и инженерную инфраструктуру; восстановить исторические наименования населённых пунктов, входивших в состав Ауховского района; обеспечить на территории восстанавливаемого района полную занятость населения.

Заключение

Протестная активность равнинных этнических групп (кумыков и ногайцев) участвовала в 2015 г., когда было анонсировано проведение земельной реформы в Дагестане, предполагающей изменение административных границ муниципальных районов республики. В 2017 г. протесты от имени этих этнических групп в Дагестане усилились уже из-за попыток республиканских властей реализовать конкретные мероприятия по наделению статусом сельских поселений отдельных застроенных участков земель отгонного животноводства. Не будучи до конца проработанной, земельная реформа и связанные с ней информационные сообщения только усиливают протестную мобилизацию среди кумыков и ногайцев под лозунгами об этнических землях, способствуя росту напряжённости межэтнических отношений в Дагестане. Разобщённость кумыкских

¹ Дагестанские чеченцы просят помощи у Путина и Кадырова // ИА REGNUM 2016 г. от 07.10. URL: <https://regnum.ru/news/2189869.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

² Постановление Правительства РД от 29 сентября 2017 г. №223 «Об утверждении государственной программы Республики Дагестан «Переселение лакского населения Новолакского района на новое место жительства и восстановление Ауховского района» на период 2018–2025 годов» // URL: <http://docs.cntd.ru/document/450357432> [Дата посещения: 12.04.2018].

общественных организаций и их лидеров по формированию повестки дня, а также конкуренция среди них за право выступать от имени кумыкского народа преодолеваются объединительной силой земельного вопроса. А по мере игнорирования органами государственной власти сигналов о назревании протестной этнической мобилизации среди ногайцев происходило расширение протестного движения от имени целой этнической группы с включением в этот процесс не только дагестанских ногайцев, но и представителей ногайских общин из других субъектов России.

Протестная активность от имени чеченцев-аккинцев усилилась в 2017 г. из-за июньского инцидента в Казбековском районе, едва не переросшего в массовое столкновение с участием молодёжи из соседней Чеченской Республики на стороне своих дагестанских соплеменников. Перспективы урегулирования застарелой конфликтной ситуации, связанной с проблемой восстановления Ауховского района Дагестана, всё ещё неоднозначны и требуют больших усилий от органов власти и общественности по сближению позиций заинтересованных общин.

Анализ протестных событий последних лет показывает, что от имени этнических групп и сообществ в Дагестане выступают разные общественные организации, в названиях которых не всегда отражается их этническая принадлежность (например, Союз общественных объединений «Сплочённость»). В то же время некоторые «целевые» общественные организации этнокультурного направления остаются в стороне от протестных мероприятий, предпочитая участвовать в организованных властями фестивалях и праздниках, чем в урегулировании конфликтных ситуаций. Например, Федеральная национально-культурная автономия ногайцев «Ногай-эл», позиционирующая себя в качестве основной общественной организации, выражающей интересы этого народа, оставалась в стороне от событий 2017 г. в Ногайском районе Дагестана.

Если в 1990-е гг. протесты от имени кумыкского народа, чеченцев-аккинцев и других этнических групп в Дагестане носили более агрессивный, массовый и деструктивный характер (многотысячные митинги, декларации самоуправления, угрозы проведения бессрочных забастовок, перекрытие трасс и других путей сообщения), то сегодня протесты проходят в основном в формах, определённых нормами российских законов. Протестные митинги и съезды организуются сегодня как один из способов коммуникации общества с органами государственной власти, предполагающих обратную связь в виде более активного участия органов власти в решении обострившихся социально-экономических проблем.

От имени этнических сообществ в Дагестане выступают разные общественные организации, в названиях которых не всегда отражается их этническая принадлежность. В то же время некоторые «целевые» общественные организации этнокультурного направления остаются в стороне от протестных мероприятий, предпочитая участвовать в организованных властями фестивалях и праздниках.

Протестные митинги и съезды организуются сегодня как один из способов коммуникации общества с органами государственной власти, предполагающих обратную связь в виде более активного участия власти в решении обострившихся социально-экономических проблем.

Таблица 1

**Социальные протесты от имени кумыков,
ногайцев и чеченцев-аккинцев в Дагестане
(формы, требования, перспективы и реакция властей)**

Этническая группа	Формы протеста	Требования	Потенциальные действия в случае отсутствия реакции со стороны власти	Реакция власти
Кумыки	Митинг, конференция, голодовка, сход представителей сельских общин и общественных организаций, коллективное публичное письмо властям	Передать земли отгонного животноводства, расположенные на территории равнинных муниципальных районов, в собственности этих районов; легализовать права таркинских кумыков на собственность земельных участков, захваченных в Карамане; создать Таркинский муниципальный район в составе городского округа «город Махачкала»; обеспечить пропорциональное представительство кумыков в органах власти РД	Продолжение протестных акций, проведение референдума местного значения по вопросам определения границ равнинных кумыкских сельских поселений; актуализация вопроса о национальном самоопределении кумыкского народа и его конституционных прав на самоуправление	Приостановка работ по определению границ и наделению статусом сельских поселений застроенных участков в равнинных районах республики с кумыкским населением; оформление в аренду участков в Карамане, захваченных кумыкскими активистами
Ногайцы	Съезд, конференция, пикет, сход представителей сельских общин, видеообращение, коллективное публичное письмо властям	Передать земли отгонного животноводства, расположенные на территории Ногайского района, в собственность сельских поселений этого района; обеспечить представительство ногайцев в органах власти РД; вернуть в Ногайский район государственные структуры, обслуживающие местное население, выведенное за пределы района	Продолжение протестных акций, актуализация вопроса о выходе Ногайского района из состава РД в пользу соседнего субъекта РФ; глобализация протеста с вовлечением ногайских общин из других субъектов РФ и ближнего зарубежья	Приостановка работ по определению границ и наделению статусом сельских поселений застроенных участков в Ногайском районе; реализация проектов по улучшению социально-экономического положения Ногайского района; проработка вопроса о муниципальном контроле использования земель отгонного животноводства
Чеченцы-аккинцы	Митинг, публичное коллективное письмо властям, видеообращение	Ускорить процесс восстановления Ауховского района и переименования сёл; восстановить Ауховский район в пределах границ 1944 г.	Продолжение протестных акций, обращение к федеральному центру и руководству Чеченской Республики с просьбой способствовать решению обозначенных проблем	Финансирование и реализация программы по переселению лакского населения Новолакского района и восстановлению Ауховского района

Как видно из таблицы 1, дагестанские власти стараются реагировать на этнически маркируемые социальные протесты и решать обозначаемые в них проблемы (даже если некоторые из них, ставшие причинами митингов в республике, актуализировались из-за решений и действий самих властей). Власть заинтересована проявлять свою активность в решении социальных проблем, обозначенных в протестах. В то же время она вынуждена демонстрировать свою независимость от давления со стороны общественных организаций этнического направления и их активистов, чтобы не допускать роста политизации этничности. Возможности современных средств массовой коммуникации, благодаря которым мобилизация людей и проведение протестных акций не требуют чрезмерных усилий, должны учитываться региональными властями, которым становится всё труднее игнорировать и замалчивать поднимаемые общественными активистами социально-экономические проблемы, требующие своего решения.

Библиографический список

Абакаров Р. И., Адиев А. З. 2015. Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в Республике Дагестан в четвёртом квартале 2015 г. // Состояние межэтнических отношений и религиозная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа (второе полугодие 2015 г.). Экспертный доклад. Пятигорск: ПГЛУ. С. 63–70.

Адиев А. З. 2017. Протестная мобилизация кумыков в Дагестане: от земельного вопроса к конституционному самоуправлению // Социологические исследования. № 11. С. 35–43. DOI: 10.7868/S0132162517110058.

Артюхина В. А. 2017. Осмысление социального протеста в современной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.

Архипова А. С., Радченко Д. А. и др. 2018. «Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.

Варшавер Е. А. 2014. Тарки-Караман: механизм одного земельного конфликта в Дагестане // Мониторинг общественного мнения. № 5. С. 133–150. DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.08.

Руденкина А. И., Керимов А. А. 2016. Социально-политическая теория протеста в зарубежной науке // Социум и власть. № 4. С. 56–61.

Рущенко В. К., Агаева Г. Г., Мудуев Ш. С., Эльдаров Э. М. 2000. Земля в агроресурсном потенциале Дагестана. Махачкала. 164 с.

Филиппов В. Р., Филиппова Е. И. 2000. Национально-культурная автономия в контексте совершенствования законодательства // Этнографическое обозрение. № 3. С. 46–59.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.521

Ethnically Marked Social Protests in Dagestan

Adiev Aslanbek Zalimkhanovich

Candidate of Political Sciences, scientific secretary of the Regional Centre of Ethnopolitical Research, Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia.

E-mail: Khalid_84@mail.ru

Abstract. This article analyzes social protests in the Republic of Dagestan, from the viewpoint of ethnic groups and communities. Specifically – social protests organized by public organizations of ethno-cultural orientation, and by activists participating in such. Described are the socio-economical and political issues which unite in their protest efforts the Kumyks, Nogays and Akkin Chechens living in Dagestan. Protests which occurred in recent years are used as an example to study the forms and methods of holding public protests, together with agendas conveyed by the informal leaders and activists of ethno-cultural public organizations. The main reason for protest mobilization among the flatland peoples of Dagestan (Kumyks and Nogays) is considered to be the republican land reform commenced in 2015, which involves redrawing the administrative borders of rural municipal districts and settlements due to a multitude of built-up areas, which lay claim to rural settlement status, emerging on the republic's feeding grounds (i.e. transhumance lands). While Dagestan's authorities ignored signs indicating that an ethnic protest mobilization is brewing among the Nagays, the protest movement grew on behalf of an entire ethnic group, the process now including not only Nogays from Dagestan, but also members of Nogay communities from other Russian federal subjects. This study examines such an issue as the much delayed reconstruction of the Aukhov district of Dagestan, with the leaders of Akkin Chechen public organizations – who hold an annual meeting on the 23rd of February each year in memory of the 1944 repressions – keeping track and making sure that this problem is not swept under the rug. Described are the difficulties faced by Dagestan's government authorities in keeping track of the interests of all ethnic communities affected by the problem of reconstructing the Aukhov district. Analyzing the reaction of Dagestan's authorities to protest activity among ethnical activists reveals, on one hand, authorities being interested in actively resolving social issues brought up during such meetings, and on the other hand – reluctance to give in to pressure from ethnical public organizations and individual activists. Highlighted is the constructive role of public protests, which warn government authorities about potential social crises and conflicts, which are increasingly more difficult to silence and ignore, given conditions when mobilizing a public protest is not troublesome in the least with the help of modern means of mass communication.

Keywords: Dagestan, social protest, ethnic group, Kumyks, Nogays, Chechen-Aqkins, land reform, rehabilitation of repressed peoples.

References

Abakarov R. I., Adiev A. Z. 2015. Sostoyanie mezhetnicheskikh otnosheniy i religioznaya situatsiya v Respublike Dagestan v chetvertom kvartale 2015 g. [The state of interethnic relations and the religious situation in the Republic of Dagestan in the fourth quarter of 2015]. Sostoyanie mezhetnicheskikh otnosheniy i religioznaya situatsiya v sub'ektakh Rossiyskoy Federatsii Severo-Kavkazskogo federal'nogo okruga (vtoroe polugodie 2015 g.). Ekspertnyy doklad. Pyatigorsk, PGLU, 2015, pp. 63–70.

Adiev A. Z. Protestnaya mobilizatsiya kumykov v Dagestane: ot zemel'nogo voprosa k konstitutsionnomu samoupravleniyu [Protest mobilization of Kumyks in Dagestan: from the land issue to the constitutional self-management]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 11, pp. 35–43. DOI: 10.7868/S0132162517110058.

Arkhipova A. S., Radchenko D. A. i dr. «Peresboroka mitinga»: Internet v proteste i protest v internete [“Reassembly of the meeting”: Internet in protest and protest in the Internet]. Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny, 2018, no 1, pp. 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.

Artyukhina V. A. Osmyslenie sotsial’nogo protesta v sovremennoy sotsiologii: analiz osnovnykh podkhodov [Comprehension of social protest in modern sociology: analysis of basic approaches]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 11, pp. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.

Filippov V. R., Filippova E. I. Natsional’no-kul’turnaya avtonomiya v kontekste sovershenstvovaniya zakonodatel’sтва [National-cultural autonomy in the context of improving legislation]. Etnograficheskoe obozrenie, 2000, no 3, pp. 46–59.

Rudenkina A. I., Kerimov A. A. Sotsial’no-politicheskaya teoriya protesta v zarubezhnoy nauke [Socio-political theory of protest in foreign science]. Sotsium i vlast’, 2016, no 4, pp. 56–61.

Rushchenko V. K., Agaeva G. G., Muduev Sh. S., El’darov E. M. Zemlya v agrolesursnom potentsiale Dagestana [Land in agro-resource potential of Dagestan]. Makhachkala, 2000.164 p.

Varshaver E. A. Tarki-Karaman: mekhanizm odnogo zemel’nogo konflikta v Dagestane [Tarki-Karaman: mechanism of a land conflict in Dagestan]. Monitoring obshchestvennogo mneniya, 2014, no 5, pp. 133–150. DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.08.

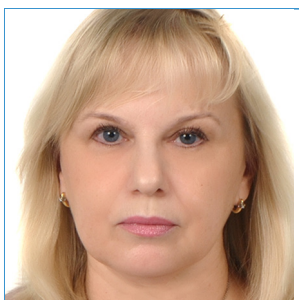
Т е м а н о м е р а Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения

Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности

Кубанова Лиана Владимировна –
кандидат политических наук, ведущий научный
сотрудник, Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований, Черкесск

E-mail: lianakubanova@mail.ru

Щербина Елена Анатольевна –
кандидат политических наук, доцент, ведущий
научный сотрудник, Карачаево-Черкесский институт
гуманитарных исследований, Черкесск

E-mail: adenas@list.ru

Конвенциональные формы протестного поведения в Карачаево-Черкесской Республике как проявление гражданской активности

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.522

Аннотация. В статье рассмотрены формы протестного поведения в полиэтничном регионе – Карачаево-Черкесской Республике. Выделены особенности и типичные черты современных протестных акций, к которым относятся конвенциональность, этничность, наличие первичных и вторичных субъектов протестов, индоктринация, перенос реальных практик протеста в виртуальные. Приведены некоторые примеры и представлен анализ акторов, центральной проблемы и форм протестной активности, которые наблюдались в республике в 2017–18 гг. Среди основных конфликтных тем, вокруг которых в КЧР разворачивались протесты, были земельные вопросы и проблема «аланского наследия». Вторая проблема является центральной на политико-идеологическом поле Северного Кавказа, так как затрагивает интересы не только карачаевцев, проживающих в КЧР, но и осетин, балкарцев, ингушей. Одновременно она выступает исторической доктриной, вокруг которой спланивается карачаево-балкарская молодёжь. В статье представлено несколько сюжетов, связанных с аланским вопросом, которые вызвали протестные акции, инициированные общественной организацией карачаевского народа. Все акции носили конвенциональный характер и имели форму заявлений, обращений, открытых писем, которые, с одной стороны, были ориентированы на реакцию органов власти разного уровня, с другой – на этническую аудиторию, выполняя мобилизаторскую функцию. Вторая проблема, связанная с земельным вопросом, на протяжении нескольких лет также вызывала протестные акции. В статье изложено несколько сюжетов, связанных с протестом жителей населённых пунктов КЧР против незаконного отъёма земель. В каждом из описанных случаев решение земельного вопроса жителями аулов и сёл связывалось с открытыми обращениями к руководству республики в средствах массовой информации, в первую очередь, в интернет-сетях. Эта практика обращения жителей по земельной проблеме стала главной в КЧР. На основе сопоставительного анализа протестных акций, развернувшихся вокруг двух обозначенных проблем, показано, что протесты, связанные с земельным вопросом, носили первоначально неконвенциональный характер, затем формализовались и институционализировались, в большинстве случаев приобретая черты этничности. Особенностью всех протестных акций в КЧР является отсутствие деструктивности, правового оформления, что позволяет рассматривать их как проявление гражданской активности.

Ключевые слова: протестное поведение, конвенциональные формы, субъекты протеста, этнические группы, общественные организации этнической направленности, практики протеста

Протестное поведение в современной России на региональном уровне имеет разные формы проявления, при этом преобладающими являются конвенциональные, для которых характерны институциональность и технологичность. Проведённый анализ отечественной литературы, центральной проблемой которой является протестное поведение как политическое действие, позволяет предположить, что само содержание данного термина изменилось от понимания его преимущественно как неконвенционального действия, имеющего определённый политически девиантный характер (не соответствует нормам политического режима и политического поведения) [Протестное политическое ...] к расширительному его толкованию как формы политического участия в форме негативных реакций акторов, направленных против партикулярных проявлений политического режима [Соина 2008].

Ещё одной особенностью протестного поведения в современной России на уровне регионов является перенос практик протеста от реальности в виртуальность. Данный контекст предполагает следующее: как показывает практика, население регионов не готово к выходу на открытые манифестные действия, при этом обращения, письма, заявления с определённым протестным содержанием, размещённые в сети интернет (порталы, блоги, группы и т. д.) как реакция на какие-то действия или события, находят широкую поддержку общественности или этнической группы. В полиэтничном регионе, каким является Карачаево-Черкесская Республика, протестные действия чаще всего связаны с определённой этнической группой, выступающей вторичным субъектом. Роль первичного субъекта берут на себя общественные организации этнической направленности.

На наш взгляд, значимыми факторами протестного поведения в полиэтничном регионе выступают флэшмобные практики и индоктринация, которые академик В. А. Тишков рассматривает как черты современных этнополитических конфликтов [Этнологический мониторинг... 2017]. В условиях персональной ответственности руководителей регионов за состояние межэтнической и межконфессиональной сферы на Северном Кавказе значительно сократилось число открытых этнополитических конфликтов, при этом протестная активность сохраняется и может рассматриваться как ранняя, некая предупреждающая форма конфликта. В соответствии с этим положением, две выделенные В. А. Тишковым черты современных этнополитических конфликтов можно смело применять к характеристике протестного поведения.

Для Карачаево-Черкесской Республики как субъекта РФ с полиэтничным составом населения характерны все обозначенные нами черты и особенности протестного поведения. В качестве эмпирического материала мы представим событийный ряд, формы, способы протестного поведения, которые фиксировались в течение 2017–18 гг. Они позволили нам сделать общие выводы и выявить закономерности.

Протестное поведение в современной России на региональном уровне имеет разные формы проявления, при этом преобладающими являются конвенциональные, для которых характерны институциональность и технологичность.

Особенностью протестного поведения в современной России на уровне регионов является перенос практик протеста от реальности в виртуальность.

В 2017–18 гг. среди основных конфликтных тем, вокруг которых в КЧР разворачивались протесты, были земельные вопросы и проблема «аланского наследия». Вторая проблема не является сугубо региональной, так как затрагивает исторические интересы не только карачаевцев, проживающих в КЧР и являющихся титульным и самым многочисленным этносом республики, но и других народов Северного Кавказа: осетин, балкарцев, ингушей. На наш взгляд, именно эта проблема в настоящее время является центральной на политико-идеологическом поле Северного Кавказа, одновременно выступая той исторической доктриной (индоктринация, о которой говорит академик В. А. Тишков), вокруг которой спланивается карачаево-балкарская молодёжь.

В 2017 г. актуализируется проблема «аланского наследия» в среде карачаевской интеллигенции и общественников, которая сформировалась и остаётся зоной межэтнического и этноконфессионального риска с конца 80-ых гг. XX столетия. Для карачаевцев она может быть сведена к двум взаимосвязанным сторонам: признания их потомками древних алан со стороны других северокавказских народов, прежде всего осетин, также считающих себя их прямыми потомками, и решение вопроса о принадлежности Аланского храмового комплекса, расположенного в посёлке Нижний Архыз. Нижне-Архызский историко-культурный комплекс Зеленчукского муниципального района Карачаево-Черкесии (Архызское городище) – археологический памятник X–XII вв., остатки крупного аланского поселения. Постановлением Совмина РСФСР № 35 от 28.01.1988 г. комплекс включён в состав Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника, и указом Президента РФ № 176 от 20.02.1995 г. объявлен памятником федерального значения¹. Все протестные акции 2017–18 гг. в Карачаево-Черкесской Республике в рамках обозначенной проблемы были так или иначе связаны с данными вопросами.

В контексте вопросов, обозначенных в качестве основных в данной статье, проанализируем проблемы, связанные с «аланским наследием», вокруг которых формировалось протестное поле, акторы протеста и формы, в которых оно осуществлялось. Основным (первичным) субъектом протестов выступила Карачаево-Черкесская региональная общественная правозащитная организация «Конгресс карачаевского народа». Основными темами, вызвавшими протестную активность, стали:

– переименование Южной Осетии в Аланию (речь идёт о добавлении названия «Государство Алания» к старому названию «Республика Южная Осетия» – *прим. авторов*), ини-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 20.02.1995 г. № 176. Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7555> [Дата посещения: 12.04.2018].

цированное руководством этой республики и вынесенное на референдум в апреле 2017 г.¹ Оно было расценено карачаевскими общественными организациями как стремление осетин к монополизации исторического наследия алан;

– вопрос обоснования принадлежности аланских храмов, расположенных на территории древнего Аланского городища в Карачаево-Черкесской Республике, карачаево-балкарскому населению как прямым потомкам алан. При этом звучали обвинения (спор о принадлежности этого исторического места между карачаевскими историками и представителями Русской Православной церкви длится не одно десятилетие) в адрес местной епархии Русской Православной церкви²;

– решение Главы КЧР в июле 2017 г. о дальнейшем развитии историко-культурного комплекса как Республиканского государственного учреждения «Аланский христианский центр на Северном Кавказе» (Указ Главы КЧР № 179 от 28.07.2017.)³;

– вопрос, связанный с празднованием 1100-летия крещения древнего государства Алании, поддержанный Президентом РФ В. В. Путиным⁴. Спорными оказались следующие вопросы: 1) основная предполагаемая территория празднования – Республика Северная Осетия-Алания; 2) состав оргкомитета по подготовке и проведению празднования, утверждённый распоряжением Правительства РФ от 9.02.2018 г. за № 194-р, в который вошли представители единственного региона – Республики Северная Осетия-Алания (РСОА)⁵.

¹ Государство Алания. Восстановление исторической справедливости // Южная Осетия сегодня. Международное информационное агентство. URL: <http://south-ossetia.info/gosudarstvo-alaniya-vosstanovlenie-istoricheskoy-spravedlivosti> [Дата посещения: 12.04.2018].

² Обращение к Главе КЧР Р. Б. Темрезову // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://onkavkaz.com/blogs/2506-obraschenie-k-glave-kchr-r-b-temrezovu.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

³ В Нижнем Архызе будет создан «Аланский христианский центр на Северном Кавказе». День Республики, 2017, 1 августа; полпред Президента РФ в СКФО поддержал решение Главы КЧР по созданию на территории Нижне-Архызского комплекса «Аланского христианского центра на Северном Кавказе» // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. URL: <http://www.kchr.ru/news/detailed/38225/> [Дата посещения: 12.04.2018].

⁴ Указ Президента РФ от 14.10.2017 за № 480 «О праздновании 1100-летия крещения Алании».

⁵ Обращение к Д. А. Медведеву о составе оргкомитета по празднованию 1100-летия крещения Алании // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://www.onkavkaz.com/blogs/3374-obraschenie-k-d-a-medvedevu-o-sostave-orgkomiteta-po-prazdnovaniyu-1100-letija-kreschenija-alan.html>; Ингуши и карачаево-балкарцы против празднования 1100-летия крещения Алании только в Северной Осетии // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://onkavkaz.com/news/2134-ingushi-i-karachaevobalkarcy-protiv-prazdnovaniya-1100-letija-kreschenija-alanii-tolko-v-sever.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

Во всех обозначенных случаях и по каждой из перечисленных тем последовала реакция председателя и представителей общественной организации «Конгресс карачаевского народа» в следующих формах, которые носили конвенциональный и институциональный характер:

– обращение представителей Карачаево-Черкесской общественной организации «Конгресс карачаевского народа» к главе МИД РФ С. Лаврову по поводу переименования Южной Осетии в Аланию. Руководители организации заявили о том, что рассматривают предполагаемое переименование как посягательство на историческое наследие народов Российской Федерации, в частности, карачаево-балкарского народа¹. На состоявшемся 25 марта 2017 г. съезде ОО «Конгресс карачаевского народа» наряду с другими проблемами вновь был поставлен вопрос о несогласии этой организации с возможным переименованием, в котором усматривается стремление осетин к монополизации исторического наследия алан²;

– открытое письмо членов «Конгресса карачаевского народа» к главе КЧР Р. Б. Темрезову по вопросу обоснования принадлежности аланских храмов, расположенных на территории древнего Аланского городища, и карачаево-балкарскому народу как прямым потомкам алан, а также обвинение местных епархий Русской Православной церкви в «необоснованных притязаниях на аланские храмы». Поводом для обращения послужила проповедь архиепископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта, с которой он обратился к верующим в Троицком храме, расположенном в Аланском городище, в День Святого Духа. В проповеди он рассказал историю аланских храмов и выразил надежду, что «храмы древнего Аланского городища, ныне являющиеся памятниками архитектуры, будут снова служить своему главному предназначению»³;

– эта же организация в сети интернет и открытом обращении к главе КЧР Р. Темрезову публично выразила своё несогласие с его решением о создании на Северном Кавказе «Аланского христианского центра» и требовала отмены со-

¹ Конгресс карачаевского народа попросил МИД России не допустить переименования Южной Осетии // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297862> [Дата посещения: 12.04.2018].

² Деятели Осетии уничтожили в Архызе аланские курганы Карачая и вывезли найденное во Владикавказ // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://onkavkaz.com/news/1602-dejateli-osetii-unichtozhili-v-arhyze-alanskie-kurgany-karachaja-i-vyvezli-naidennoe-vo-vladika.htm> [Дата посещения: 12.04.2018].

³ Пятигорская и Черкесская епархия Русской Православной Церкви // Facebook.com. URL: <https://www.facebook.com/Blago.Kavkaz/posts/1367278063319645> [Дата посещения: 12.04.2018].

ответствующего Указа главы КЧР¹. По итогам расширенного заседания РОО «Конгресс карачаевского народа» с участием старейшин, представителей других общественных организаций, научной и творческой интеллигенции Указ был назван деструктивным. Было принято решение о признании епископа Пятигорского и Черкесского Феофилакта персоной нон грата на территории Карачаево-Черкесии, если будут продолжаться систематические провокации на тему аланских средневековых храмов и попыток «рейдерского» захвата исторического наследия карачаево-балкарского народа. В случае отказа главы КЧР отменить данный Указ «Конгресс карачаевского народа» оставлял за собой право на проведение многотысячного бессрочного митинга против необдуманных действий главы Карачаево-Черкесии²;

– представители общественных организаций ингушей, карачаевцев и балкарцев, считающих себя потомками древних алан, обратились с открытым письмом к Председателю Правительства РФ Д. А. Медведеву, в котором отметили, что крещение исторической Алании охватывало преимущественно её западную часть (территория современной КЧР), и что к историко-культурному наследию средневековой Алании прямое отношение имеют несколько народов Северного Кавказа³. В письме была обоснована необходимость включения в состав оргкомитета представителей не только РСОА, но и других республик Северного Кавказа.

Представленные сюжеты подтверждают институциональность, технологичность, а в целом конвенциональность форм протестного поведения в полиэтничном регионе – Карачаево-Черкесской Республике. Они выражаются в письмах, обращениях, резолюциях съездов, открытых заявлениях, поступающих от общественной организации этнической направленности или от нескольких аналогичных организаций, и ориентированы, с одной стороны, на реакцию органов власти разного уровня, а с другой – на этническую аудиторию, то есть выполняют определённые мобилизаторские функции. При этом обе эти функции успешно реализуются: органы власти реагируют, при-

¹ Конгресс карачаевского народа попросил МИД России не допустить переименования Южной Осетии // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297862> [Дата посещения: 12.04.2018].

² Там же.

³ Обращение к Д. А. Медведеву о составе оргкомитета по празднованию 1100-летия крещения Алании // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://www.onkavkaz.com/blogs/3374-obraschenie-k-d-a-medvedevu-o-sostave-orgkomiteta-po-prazdnovaniju-1100-letija-kreschenija-alan.html>; Ингуши и карачаево-балкарцы против празднования 1100-летия крещения Алании только в Северной Осетии // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://onkavkaz.com/news/2134-ingushi-i-karachaevu-balkarcy-protiv-prazdnovaniya-1100-letija-kreschenija-alanii-tolko-v-sever.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

нимают компромиссные решения, а широкая интернетовская аудитория, в основном молодёжь, мобилизуется для защиты исторических интересов своего этноса¹.

Второй широко обсуждаемой проблемой, вокруг которой развернулось протестное поведение, с 2015 г. по настоящее время является земельный вопрос. В отличие от первого представленного нами сюжета, протестное поведение, в центре которого была проблема земли, разворачивалось в разных районах, разных населённых пунктах КЧР и первоначально выражалось в неконвенциональных формах – сходах граждан. Постепенно проблема приобретала этнический характер, к её обсуждению присоединялись национальные общественные организации, которые придавали формам протеста институциональность. Их требования оформлялись в открытых письмах, обращениях, заявлениях к представителям органов власти разного уровня, а также отражались в резолюциях съездов народов республики.

Земельный вопрос периодически обостряется в разных муниципальных районах КЧР. В 2015 г. первая крупная протестная акция была связана с землями совхоза-техникума «Кавказский» Прикубанского района КЧР. На сходе жители посёлка заявили о незаконном отъёме у них земельных участков и обратились с открытым письмом к Президенту РФ В. В. Путину².

В феврале 2017 г. вопрос о сохранении племзавода им. О. Касаева подняли жители высокогорных аулов Учкулан, Хурзук и Карт-Джурт Карачаевского района. Они провели сход жителей, на котором поставили перед руководством района и республики несколько основных вопросов: недопущение банкротства племзавода, сохранившего основной генофонд карачаевской породы овец; возврат земель хозяйству, незаконно переданных министерству имущественных и земельных отношений, а также администрации района. Результатом этого жители аулов считают отсутствие работы, земель, пригодных для ведения личного подсобного хозяйства, средств к существованию³.

В марте 2017 г. жители села Койдан (абазинский аул в Усть-Джегутинском районе) в очередной раз провели сход граждан с требованиями к местным властям о возврате земельных паёв. Земельный вопрос в Койдане ставится жителями с 2016 г., но до сих пор органы власти ситуацию не разрешили⁴.

¹ Чтобы интернет был другом // День Республики. 2017. 18 мар.; День Карачаево-Черкесии на «Машуке» // День Республики. 2017. 15 авг.

² Земельная битва в КЧР // On Kavkaz. Информационно-аналитический портал. URL: <https://onkavkaz.com/articles/961-zemelnaja-bitva-v-kchr.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

³ Участники схода в Карачаево-Черкесии призвали власти не допустить банкротства племзавода // Кавказский узел. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/297555/> [Дата посещения: 12.04.2018].

⁴ Жители Койдана борются за земли. 5 августа 2016. // Политика 09. URL: <http://politika09.com/prava-cheloveka/zhiteli-kojdana-boryutsya-za-zemli/> [Дата посещения: 12.04.2018].

В 2017–18 гг. в ауле Адиль-Халк Ногайского района сложилась конфликтная ситуация вокруг выборов главы сельского поселения, и центральной проблемой опять стал земельный вопрос¹.

В каждом из описанных случаев решение земельных проблем жителями аулов и сёл связывается с открытыми обращениями к руководству республики в средствах массовой информации, в первую очередь – в интернет-сетях. Эта практика обращения жителей по земельной проблеме стала основной в КЧР.

Представители общественных организаций этнической направленности являются активными участниками всех проводимых жителями протестных акций. Земельный вопрос обсуждается на съездах народов КЧР, на встречах представителей национальных общественных организаций с главой КЧР, с министром КЧР по делам национальностей, массовых коммуникаций и печати, в открытых обращениях², во встречах общественников с жителями сёл и аулов.

Новыми формами институционализации протестного поведения в рамках российского и регионального правового поля можно рассматривать создание абазинскими общественниками Общин коренного малочисленного народа в местах компактного проживания этноса в рамках реализации РЗ «О гарантиях прав коренного малочисленного народа абазин в Карачаево-Черкесской Республике»³. Создание такого рода Общин будет, по мнению инициаторов, способствовать росту гражданской активности жителей аулов в решении социально-экономических проблем.

Представленные сюжеты, вокруг которых разворачивались протестные акции в Карачаево-Черкесской Республике, позволяют рассматривать их не только и не столько в рамках конфликтологической парадигмы, сколько в контексте роста гражданской активности населения республики при сохранении тех черт и особенностей, которые характерны для ситуации социально-экономической или этнополитической напряжённости. Активными акторами, иницирующими или поддерживающими протестные акции, выступают обществен-

¹ Выборы в Адиль-Халке опять сорваны. Депутаты винят чиновника из администрации Главы КЧР. <https://kchr-inform.ru/politika/vybory-v-adil-halke-opyat-sorvany-deputaty-vinyat-chinovnika-iz-administratsii-glavy-kchr.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

² Рашид Темрезов решил вопрос земельных паев в поселке Кавказском и селе Таллык // Политика 09. URL: <https://politika09.com/news/rashid-temrezov-reshil-vopros-zemelnyh-paev-v-poselke-kavkazskom-i-sele-tallyk/>; Врио Главы Карачаево-Черкесии Рашид Темрезов провел прием граждан в Прикубанском муниципальном районе // Официальный сайт Главы и Правительства Карачаево-Черкесской Республики. URL: <http://www.kchr.ru/news/detailed/32494/> [Дата посещения: 12.04.2018].

³ Закон от 12 ноября 2001 г. № 27-ПЗ. // URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/1384883> [Дата посещения: 12.04.2018].

ные организации этнической направленности, которые придают им конвенциональный характер. Более того, они выступают как мобилизующий фактор, поддерживающий и даже расширяющий масштаб протеста.

Библиографический список

Протестное политическое поведение // Энциклопедия. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126697> [Дата посещения: 12.04.2018].

Соина Е. С. 2008. Политическое протестное поведение в современной России: диссертация ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ставрополь. 200 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-protestnoe-povedenie-v-sovremennoi-rossii#ixzz5CG4L457Y> [Дата посещения: 12.04.2018].

Этнологический мониторинг: разработка фундаментальных подходов этнополитического мониторинга для оптимизации межнациональных отношений и предотвращения конфликтов в России (ред. М. Ю. Мартынова, В. В. Степанов). М.: ИЭА РАН, 2017. 514 с.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.522

Conventional Forms of Protests in the Karachay-Cherkess Republic as a Display of Civil Activity

Kubanova Liana Vladimirovna

Candidate of Political Sciences, Leading researcher, Karachay-Cherkess Institute of humanitarian researches, Cherkessk, Russia. E-mail: lianakubanova@mail.ru

Shcherbina Elena Anatolyevna

Candidate of Political Sciences, associate Professor, Leading researcher, Karachay-Cherkess Institute of humanitarian researches, Cherkessk, Russia. E-mail: adenas@list.ru

Abstract. This article examines the forms of protest behavior in such a poly-ethnic region as the Karachay-Cherkess Republic. Highlighted are the peculiarities and typical traits of modern protests, which include conventionality, ethnicity, the presence of primary and secondary protest subjects, indoctrination, carrying over real protest practices into the virtual realm. A few examples are provided, with an analysis of actors, the main problem and the various forms of protest activity observed in the republic during the years 2017–2018. The primary points of conflict, which were at the core of the Karachay-Cherkess Republic protests, include issues associated with land and “Alanian heritage”. The latter issue is a crucial part of the political and ideological landscape of the Northern Caucasus, since it does concern not only Karachays living in the Karachay-Cherkess Republic, but also Ossets, Balkars and Ingush people. It simultaneously serves as a historic doctrine which unites Karachay and Balkar youth. The article presents several narratives associated with the Alanian issue, which sparked a protest initiated by the Karachays’ community organization. All of the rallies were of the conventional type, while bearing a form of claims, appeals and public letters which, on one hand, were aimed at getting a reaction from various level public authorities, and on the other hand – intended for an ethnic audience, for the purpose of mobilizing the masses. There is also a second problem associated with land issues, which has been at the heart of protests for a number of years. This article outlines several narratives concerning the inhabitants of the Karachay-

Cherkess Republic's towns protesting against illegal confiscation of land. Each of the described cases involved villagers resolving territorial disputes through open appeals addressed to republican authorities via mass media, primarily the internet. Such practices of inhabitants making territorial issue appeals have become prevalent in the Karachay-Cherkess Republic. A comparative analysis of protests sparked by the two aforementioned issues has been used to illustrate that the protests associated with territorial issues were at first of non-conventional nature, while later undergoing formalization and institutionalization, with the vast majority acquiring ethnical traits. All protests in the Karachay-Cherkess Republic are characterized by a lack of destructiveness and legal registration, which allows for them to be considered an expression of civil activity.

Keywords: protest behavior, conventional forms, subjects of a protest, ethnic groups, public organizations of ethnic orientation, practice of a protest.

References

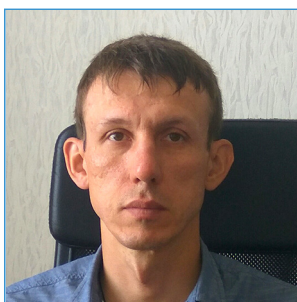
Etnologicheskiy monitoring: razrabotka fundamental'nykh podkhodov etno-politicheskogo monitoringa dlya optimizatsii mezhnatsional'nykh otnosheniy i predotvrashcheniya konfliktov v Rossii [Ethnological monitoring: development of fundamental approaches to ethno-political monitoring for the optimization of interethnic relations and conflict prevention in Russia]. M. Yu. Martynova, V. V. Stepanov, red. Moscow, IEA RAN, 2017. 514 p. (in Russ.).

Protestnoe politicheskoe povedenie [Protest political behavior]. Entsiklopediya. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0126697> [date of visit: 12.04.2018] (in Russ.).

Soina E. S. Politicheskoe protestnoe povedenie v sovremennoy Rossii [Political protest behavior in modern Russia]. Dissertatsiya ... kandidata polit. nauk: 23.00.02. Stavropol', 2008. 200 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/politicheskoe-protestnoe-povedenie-v-sovremennoi-rossii#ixzz5CG4L457Y> [date of visit: 12.04.2018] (in Russ.).

Т е м а н о м е р а Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения

Медийные технологии национальной мобилизации черкесов

Цибенко Сергей Николаевич –
научный сотрудник, Центр междисциплинарных
гуманитарных исследований, Южный федеральный
университет, Ростов-на-Дону

E-mail: tsibenko@sfedu.ru

Медийные технологии национальной мобилизации черкесов

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.523

Аннотация. Черкесский национальный проект можно назвать первым опытом современного нациестроительства на Северном Кавказе. Его начало относится ещё к периоду присоединения к Российской империи территорий проживания черкесов в ходе Кавказской войны (1817–64 гг.). Новый виток национальной мобилизации черкесов пришёлся на период распада СССР, когда кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги стали вновь объединяться под черкесскими флагами и выдвигать требования для решения т. н. черкесского вопроса. Привлечь широкое международное внимание к данным требованиям черкесскому национальному движению удалось в ходе подготовки и проведения зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г. В настоящее время национальная мобилизация черкесов обеспечивается разными способами, наиболее успешным среди них представляется использование медийных технологий, что обусловлено их эффективностью для национального строительства у территориально разобщённых народов. По результатам проведённого исследования¹ в статье детально рассмотрены и проанализированы актуальные медийные технологии, используемые этническими антрепренёрами России и диаспоры для конструирования черкесского «воображаемого сообщества» на примере резонансного случая, который спровоцировал пиковый всплеск национальной мобилизации черкесов в 2017 г., а именно – задержания и судебного процесса над известным активистом Русланом Гвашевым. Эти события вызвали широкий общественный резонанс в среде как российских, так и зарубежных черкесов, став отправной точкой для масштабной и длительной информационной кампании, охватившей Россию, Турцию, США, страны Европы и Ближнего Востока. Национальная мобилизация, триггером которой служило дело Гвашева, имела такие масштабы, что некоторые российские эксперты посчитали возможным заявить о «тюльпановой революции», а западные усмотрели в ней наличие ключевых элементов «цветной революции». При этом явно обозначились два центра черкесского национального движения – Северный Кавказ и Турция, действующие то согласованно, то независимо друг от друга. Случай Руслана Гвашева также продемонстрировал, что национальная мобилизация черкесов в настоящее время повторяет мобилизацию 1990-х гг., используя те же механизмы и даже тех же активистов.

Ключевые слова: национальная мобилизация, медийные технологии, национализм, черкесы, адыги, Северный Кавказ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ в сфере научной деятельности. Проект № 30.2875.2017/8.9.

Черкесский национальный проект можно назвать первым опытом современного нациестроительства на Северном Кавказе. Его начало относится к периоду присоединения к Российской империи территорий проживания черкесов в ходе Кавказской войны (1817–64). Являясь буферной зоной между Османской и Российской империями, стратегически важной для международных торговых путей, Северо-Западный Кавказ в XIX в. стал объектом пристального внимания мировых держав, поддерживавших объединение черкесских племён против России под эгидой национализма западного образца.

Регресс черкесского национального движения на Северном Кавказе был связан с массовым исходом черкесов в Османскую империю после окончания Кавказской войны и перемещением центра активности в Стамбул, где черкесы были вынуждены последовательно приспособливаться к доминирующим идеям панисламизма, пантюркизма, а затем – турецкого национализма (в Турецкой Республике с 1923 г.).

Новый виток национальной мобилизации черкесов пришёлся на распад СССР, когда представители образовавшихся в ходе советской социальной инженерии национальностей (кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги) стали вновь объединяться под черкесскими флагами и выдвигать требования для решения т. н. черкесского вопроса – признание событий XIX в. «геноцидом» черкесов со стороны России, выплата компенсаций, обеспечение возвращения черкесской диаспоры на родину и (главное условие любого национального проекта) создание единого черкесского субъекта или национального государства.

Привлечь широкое международное внимание к данным требованиям черкесскому национальному движению удалось в ходе подготовки и проведения зимней Олимпиады в Сочи 2014 г., которая была представлена этническими антрепренёрами как игры на землях геноцида.

Таким образом, черкесский этнический национализм на современном этапе несёт высокий потенциал политической дестабилизации на юге России, а если предположить выполнение всех требований активистов, то становится фактором, угрожающим территориальной целостности страны.

В этой связи особое значение приобретает изучение черкесской национальной мобилизации в контексте обеспечения политической стабильности. В соответствии с определением, данным Арендом Лейпхартом, под политической стабильностью в статье понимается комплекс поддержания демократической системы, легитимности, эффективности и гражданского порядка, что включает сохранение низкого уровня насилия [Лейпхарт 1997: 38–39].

Черкесский этнический национализм на современном этапе несёт высокий потенциал политической дестабилизации на юге России, а если предположить выполнение всех требований активистов, то становится фактором, угрожающим территориальной целостности страны.

Для национальной мобилизации как «обеспечении поддержки политическому движению среди тех широких слоёв, которые прежде были выключены из политического процесса» [Бройи 2002: 226] в условиях рассредоточения формируемой нации между несколькими государствами особое значение приобретают средства массовой коммуникации, в частности интернет. Согласно Юргену Хабермасу, национальное сознание изначально распространяется этническими интеллектуалами через современные электронные СМИ, благодаря чему национальной мобилизацией легко управлять [Хабермас 2002: 373]. На роль каналов коммуникации для успешности национальной агитации, манипулирования и внедрения национальных интересов указывают и другие авторы (например, [Хрох 2002: 130–131]).

В соответствии с этим возникает необходимость анализа и научной концептуализации современных медийных технологий национальной (в том числе, диаспоральной) мобилизации, используемых черкесскими этническими антрепренёрами для конструирования черкесской нации. На примере дела черкесского активиста Руслана Гвашева в статье рассматриваются и сопоставляются медийные технологии, применяемые черкесами на Северном Кавказе и в диаспоре.

Национальная мобилизация черкесов как факт российского многосоставного общества

При рассмотрении российского общества как «многосоставного», по терминологии А. Лейпхарта [Лейпхарт 1997], основные его сегменты определяются по этнокультурному и этнотерриториальному принципам. Такое деление закреплено в федеративном устройстве государства посредством выделения национальных республик. При этом полиэтничность самих республик может сочетаться с успешным развитием доминирующих национальных проектов, носящих иногда надреспубликанский, унификационный характер.

Примером могут служить три республики Российской Федерации, как правило, именуемые «черкесскими» со стороны этнических активистов и в этнически окрашенной публицистической литературе: Адыгея, Кабардино-Балкария (КБР) и Карачаево-Черкесия (КЧР). Хотя численно черкесы (адыги) доминируют только в Кабардино-Балкарии, а культурно — ещё и в Адыгее, развиваемый в настоящее время черкесский национальный проект искусственно объединяет эти территории в единый этнокультурный сегмент. Легитимизирующей основой озвучиваемого с 90-х гг. XX в. требования официального объединения республик является опора на миф о собственном государстве «Черкесия», прекратившем своё существование в 1864 г. с окончанием Кавказской войны и массовым переселением черкесов в Османскую империю.

Можно констатировать, с одной стороны, разделённое существование формируемой черкесской нации в рамках трёх северокавказских республик, одна из которых, Адыгея, существует как анклав внутри Краснодарского края, не имея общих границ с КБР и КЧР. С другой стороны, в результате серии миграционных волн, пик которых пришёлся на XIX в., образовалась многочисленная черкесская диаспора. Её представители проживают преимущественно в Турции, а также в Иордании, Сирии, Израиле, США, Германии, Голландии и многих других странах мира.

Как отмечают исследователи, именно интернет позволяет мобилизовать черкесов России и зарубежья в рамках общего национального проекта [Besleney 2010; Hansen 2012; Цибенко 2015]. По аналогии с концептом печатного капитализма Бенедикта Андерсона [Андерсон 2001] для объяснения роли современных коммуникационных технологий в развитии национализма успешно применяется термин «цифровой капитализм» (digital capitalism), отражающий способность глобальной сети укреплять старые и продуцировать новые «воображаемые сообщества». В отношении черкесского национализма датский исследователь Ларс Функ Хансен даже ввёл термин «iCircassia» (Интернет-Черкесия), обозначающий «виртуальное транснациональное этнокультурное пространство, существующее в интернете, вклад в которое активно вносят черкесы и диаспоры, и родины» [Hansen 2015: 3].

Более детально рассмотреть и проанализировать актуальные медийные технологии, используемые этническими антрепренёрами России и диаспоры для конструирования черкесского «воображаемого сообщества» позволяет резонансный случай, который спровоцировал пиковый всплеск национальной мобилизации черкесов в 2017 г. Речь идёт о задержании и судебном процессе по делу известного активиста Руслана Гвашева (1950 г.р.) в связи с проведением несанкционированного митинга в посёлке Головинка 21 мая 2017 г., сопровождавшегося выдвижением политических требований к руководству России, включая официальное признание «геноцида» черкесов¹.

Дело Гвашева представляет особый интерес, поскольку национальная мобилизация, триггером которой оно служило, имела такие масштабы, что некоторые российские эксперты посчитали возможным заявить о «тюльпановой революции»², а западные усмотрели в ней наличие ключевых элементов «цветной революции» [Goble 2017].

¹ Адгур. Политическая голодовка или «законность по-абхазски» // Веб-сайт «Кавполит». 2017. URL: <http://kavpolit.com/blogs/adgur/35031/> [Дата посещения: 18.04.2018].

² Приймак А. 2017. Маленькая «тюльпановая революция» адыгов // Веб-сайт «НГ Религии». URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2017-10-18/11_430_revolution.html [Дата посещения: 23.04.2018].

«Дело Гвашева» как триггер черкесской национальной мобилизации: анализ факторов

Прежде чем перейти непосредственно к делу Гвашева, необходимо определить те факторы, которые выделили этот случай из общего числа и позволили привлечь к нему повышенное внимание черкесского сообщества.

Во-первых, большую роль сыграла сама личность активиста как «ветерана» черкесского национального движения. Уже с конца 1980-х гг. он стал одним из основных черкесских лидеров и принимал непосредственное участие в становлении важнейших черкесских и общекавказских организаций.

Так, в 1989 г. он был избран вице-президентом Конфедерации горских народов Кавказа (в 1993–95 гг. – и.о. президента Конфедерации), в 1991 г. – вице-президентом Всемирной черкесской ассоциации (ныне – Международная черкесская ассоциация, МЧА). В 1992–94 гг. Гвашев стал председателем Конгресса адыгов-шапсугов Причерноморья, добиваясь создания Шапсугского национального района в составе Краснодарского края, а в 2011–13 гг. – Совета старейшин адыгов-шапсугов Причерноморья. Будучи добровольцем в Абхазии в ходе войны с Грузией в 1992–93 гг., Гвашев возглавлял штаб по работе с северокавказскими добровольцами в абхазском городе Гудаута¹.

Таким образом, Руслан Гвашев одновременно является участником трёх уровней черкесского национального движения – шапсугского микроуровня (этническая идентичность), общеадыгского макроуровня (национальная этноязыковая идентичность), общекавказского мегауровня (надэтническая квазинациональная идентичность). Характерно, что задержание одновременно с Гвашевым малоизвестного председателя «Чили Хасэ» Кичмайского сельского округа Айдамира Басто и наложение на него штрафа, в три раза превышающего штраф Гвашева (30 и 10 тыс. руб. соответственно), не привлекло сколько-нибудь значимого внимания черкесов.

Вторым фактором, превратившим случай Гвашева в триггер черкесской национальной мобилизации, стала дата проведения митинга: 21 мая – день окончания Кавказской войны, объявленный нерабочим и официально отмечаемый в «черкесских» республиках как День памяти жертв Кавказской войны (Карачаево-Черкесия), День Памяти и скорби по жертвам Кавказской войны (Адыгея), День памяти адыгов (черкесов) – жертв Русско-Кавказской войны (Кабардино-Балкария). Кроме того, в диаспоре он известен как «День геноцида и изгнания черкесов».

¹ Гвашев Руслан Индрисович // Веб-сайт «Кавказский Узел». 2017. URL: <http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/238113/> [Дата посещения: 12.04.2018].

Фактически 21 мая является эпицентром символической системы черкесского национального движения, поскольку «вокруг событий Кавказской войны строится основная стратегия мифологизированного прочтения прошлого, в которой Кавказская война рассматривается как национально-освободительная борьба горских народов против русского царизма, повлекшая за собой геноцид черкесов» [Маковская 2014: 149]. Именно коллективная память о трагическом прошлом и сопутствующие ей практики исторической коммеморации дают основной стимул для развития черкесского национального движения как в России, так и за рубежом.

Следующим важным фактором стало место проведения митинга. Поскольку курортный посёлок Головинка относится не к «черкесским» республикам, а к Лазаревскому району города Сочи Краснодарского края, вопрос принадлежности этих земель черкесам как части «исторической Черкесии» стоит особенно остро. Именно это обуславливает и болезненность вопроса воссоздания Шапсугского национального района, существовавшего в 1924–45 гг.

При этом, являясь недоминантной этнической группой в Краснодарском крае, шапсуги имеют перспективы национального развития только в составе общечеркесского проекта. В этой связи особую роль начинает играть тема «притеснения» черкесов на их исторических землях – в Краснодарском крае, «оказачивание» и «насильственная русификация» региона, одним из инструментов которых, по мнению черкесских активистов, является замалчивание черкесской истории и запрет траурных мероприятий, посвящённых Кавказской войне. Кроме того, сам Руслан Гвашев родился и вырос в Головинке, являясь таким образом коренным черкесом, что ещё более подчёркивало «законность» его требований.

Последним важным фактором, определяющим масштаб случая Гвашева, является комплекс традиционных верований черкесов, связанных с почитанием природных объектов, в первую очередь деревьев. Именно сакральность Тюльпанового дерева (адыг. ТхьалІэгъу), у которого проходил митинг в Головинке 21 мая, усилила накал эмоциональной реакции черкесской общественности в России. Характерно, что в своих показаниях Гвашев заявлял, что является жрецом, обладает ритуальным посохом и проводит религиозный ритуал и молебен в память о погибших в Кавказской войне черкесах¹.

Задержание активиста и решение суда, вызвав широкий общественный резонанс в черкесской среде, трактовалось как намеренная попытка российских властей применить к тради-

¹ Обращение представителей Причерноморской Шапсугии в связи с привлечением к административной ответственности участников траурного молебна 21 мая // Официальный веб-сайт «ОО «Кабардино-Балкарский региональный правозащитный центр». 2017. URL: <http://zapravakbr.ru/index.php/doc/883-2015-05-18-11-13-59tr-548235752> [Дата посещения: 21.04.2018].

ционной траурной молитве черкесов (как части этнической ритуальной культуры) закон о несанкционированных митингах, тем самым запугав черкесов и заставив их отказаться от поминания своих предков на собственных землях¹.

Важно отметить, что в одном из черкесских обращений к официальным инстанциям молебен Гвашева сравнивался с панихидой в годовщину сражения терских казаков с горцами, проведённой священником в посёлке Фазанный Ставропольского края в июне 2017 г. и не привлёкшей внимания правоохранительных органов². Более того, активисты и правозащитники ссылались на нарушение федерального закона №125 «О свободе совести и о религиозных объединениях», по которому гарантируется право совершения религиозных обрядов и богослужений.

В итоге задержание Гвашева и решение суда наложить на него штраф вызвали широкий общественный резонанс в среде как российских, так и зарубежных черкесов, став отправной точкой для масштабной и длительной информационной кампании, охватившей Россию, Турцию, США, страны Европы и Ближнего Востока и способствовавшей всплеску национальной мобилизации черкесов.

Таким образом, для превращения дела Гвашева в триггер черкесской национальной мобилизации потребовалось совпадение сразу нескольких факторов, каждый из которых усиливал остальные, – медийность главного действующего лица, символизм времени и места, а также религиозная компонента. Кроме того, масштаб и охват мобилизации были обусловлены одновременным включением трёх уровней черкесского национального движения – этнического (шапсугский микроуровень), национального (адыгский макроуровень) и квазинационального (кавказский мегауровень).

Медийные технологии национальной мобилизации российских черкесов

В России внимание к делу Гвашева в первую очередь привлёк (с опорой на кавказские СМИ) руководитель Кабардино-Балкарского правозащитного центра Валерий Хатажуков, к которому сам активист обратился за помощью

¹ Текушев И. 2017. Приговор черкесскому активисту: власти приравнивали траурные мероприятия к несанкционированным митингам // Веб-сайт «Caucasus Times». URL: <http://caucasustimes.com/ru/prigovor-cherkesskomu-aktivistu-vlasti-priravnjali-traurnye-meroprijatija-k-nesankcionirovannym-mitingam/> [Дата посещения: 20.04.2018].

² Мы считаем неотъемлемым правом каждого человека – чтить память своих мёртвых // Официальный веб-сайт «ОО «Кабардино-Балкарский региональный правозащитный центр». 2017. URL: <http://www.zappravakbr.ru/index.php/doc/892-2015-05-18-11-13-59tr-33087171> [Дата посещения: 21.04.2018].

[Текушев 2017]. По инициативе Хатажукова была создана инициативная группа из представителей черкесской общественности для защиты интересов Гвашева и Басто. Кроме того, правозащитный центр Хатажукова собирал и публиковал обращения в адрес губернатора, прокурора и уполномоченного по правам человека Краснодарского края, председателя Краснодарского краевого суда, глав Адыгеи, КБР, КЧР, направленные от общественных организаций и черкесских лидеров общественного мнения.

Следует отметить, что на данном этапе, наряду с консолидацией черкесов как единого «этноса», «народа» и «нации», отмечалась сегментация по этническому принципу. Так, в поддержку Гвашева выступали представители «Причерноморской Шапсугии» и лидеры кабардинского национального движения.

К информационной кампании помимо черкесских активистов в июне 2017 г. присоединились крупные общекавказские и черкесские СМИ, которые формировали представление о систематическом преследовании российскими властями черкесских активистов. Информация о задержании и дальнейшей судьбе Гвашева также активно распространялась черкесскими группами в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте», где, в частности, осуществлялся призыв к поддержке активиста в зале суда.

В основном через Facebook проводилась национальная мобилизация кавказскими лидерами мнений, например, телеведущим из Нальчика Астемиром Шебзухо и абхазским журналистом Давидом Дасания. Также использовались и онлайн-площадки для подачи петиций. Так, активист из Нальчика Леон Бабугоев опубликовал на популярной интернет-платформе «Change.org» петицию «70-летнего старика-черкеса (с одной ногой) – в суд за участие в траурном мероприятии...»¹.

Первая волна информационной кампании в поддержку Гвашева в массмедиа наиболее масштабно была представлена в июне и частично июле 2017 г. и направлена на оказание давления на суд в преддверии рассмотрения апелляции активиста.

Рассмотрение апелляции должно было состояться 19 июля 2017 г., но из-за состояния здоровья² активиста и неявки представителя Министерства внутренних дел заседание было перенесено на 2 августа. В этот день Краснодарский краевой суд принял решение отменить приговор предыдущей инстанции и вернуть дело Гвашева для дальнейшего рассмотрения новым составом суда. Данное решение вызвало в черкесской среде одобрение и было воспринято

¹ На 30 июня 2017 г. петицию подписали 740 человек, на 1 мая 2018 – 955.

² Накануне заседания Краснодарского краевого суда 18 июля 2017 г. у Р. Гвашева случился инфаркт, и ему была сделана операция на сердце.

как победа. Однако 30 августа суд, как и 2 июня, признал активиста виновным в организации несанкционированного митинга и повторно назначил наказание в виде штрафа в размере 10 тыс. руб.

В ответ Гвашев 11 сентября объявил об отказе от еды и лекарств и назвал единственным условием прекращения своей акции отмену решения суда и публичные извинения со стороны властей Краснодарского края. Голодовка активиста продлилась до 5 октября 2017 г., когда стало известно, что рассмотрение апелляции по его делу Краснодарским краевым судом было перенесено на 16 октября.

Следует отметить, что активист уже имел определённый опыт голодовок – в 1995 г. он участвовал в проведении митингов в Нальчике с требованием прекращения военной операции в Чечне, видеозапись которых попадала на федеральные телеканалы. После задержания Гвашев был арестован на 10 дней, в течение которых держал голодовку. Тогда это спровоцировало общественное давление – в Турции, Израиле, Иордании и Сирии прошли массовые протестные акции. Однако, если сравнивать эти два этапа, то в 1995 г. речь шла об общекавказской солидарности, а в 2017 г. – о консолидации черкесов.

Повторное решение суда и голодовка Гвашева стали катализаторами резкого усиления этнической мобилизации черкесов. На протяжении всей его голодовки российские черкесы организовывали акции поддержки, беспрецедентные по своим масштабам после массового бойкотирования Олимпиады в Сочи 2014 г., проводимой на «черкесских землях».

Заявление активиста о начале бессрочной голодовки значительно усилило интерес к его делу. Гвашев был представлен как лидер черкесского национального движения и жертва борьбы за права черкесского народа. Широко тиражировалось т. н. «завещание» активиста, в подробностях описывался ход судебного процесса и протестная мобилизация черкесов.

С первых дней голодовка Гвашева активно освещалась наиболее популярными черкесскими группами в социальных сетях «Facebook» и «ВКонтакте» суммарной численностью более 125 тыс. подписчиков. Кроме того, в социальных сетях была организована акция в поддержку активиста в популярном формате «Я жертва»¹, в рамках которой несколько сотен российских и зарубежных черкесов публиковали свои фотографии с изображением активиста и подписью «Я Руслан» или «Мы все Гвашевы» на черкесском, английском и турецком языках. Коллективные фотографии с баннером «Руслан Гвашев, мы с тобой!!!» публиковались жителями шапсугских аулов Краснодарского края. В знак поддержки Гвашева общественными деятелями и активистами был записан и растира-

¹ Данный формат предполагает отождествление участника акции с лицом, в поддержку которого он выступает.

жирован ряд видеообращений. В одном из них израильский политолог Авраам Шмулевич заявил, что в отношении черкесов в настоящее время реализуется политика «геноцида памяти», а судебное преследование Гвашева является продолжением политики «культурного геноцида»¹.

Другим способом поддержки активиста стала повторная волна обращений черкесских общественных организаций в адрес местных и федеральных властей, а также сбор подписей², принять участие в котором этнические антрепренёры призывали через социальные сети. Для привлечения внимания к голодовке Гвашева черкесы также использовали популярный формат интернет-петиций³.

Рассмотрение апелляции Гвашева в Краснодарском краевом суде активно освещалось в социальных сетях и информационными агентствами «Натпресс» и «Адыгэ Хэку», а также общекавказскими порталами «Кавказский узел» и «Кавказ. Реалии», «On Kavkaz» и «Эхо Кавказа». Кроме того, данной теме посвятили свои публикации общероссийские издания «Коммерсантъ» и «Независимая газета». Активиста поддержал известный журналист, политолог Максим Шевченко, опубликовавший 4 октября на своей странице в Facebook видео, в котором назвал приговор активисту «полицейским произволом»⁴. Видео посмотрело более 64 тыс. пользователей Facebook⁵.

Для усиления давления на российские власти общекавказские и черкесские информационные порталы делали акцент на пожилом возрасте и тяжёлом состоянии здоровья активиста, регулярно заявляя, что отказ от пищи и лекарств угрожает его жизни. При этом в СМИ происходила героизация Гвашева, который представлялся в качестве «героя нашего времени», «рыцаря-одиночки», и «гения места», охраняющего души своих предков от беспамятства потомков».

Следует отметить, что альтернативного видения ситуации с Гвашевым либо не было представлено, либо оно игнорировалось медийными ресурсами, участвовавшими в инфор-

¹ Шмулевич А. 2017. Руслан Гвашев – последний бой кавказской войны. Геноцид памяти // Видеохостинг «YouTube» URL: https://youtu.be/XinD_9wSQIk [Дата посещения: 23.04.2018].

² В сентябре сбор подписей в поддержку Р. Гвашева вели представители общественной организации «Очаг» в Нальчике. Также в течение двух дней сбор подписей вёлся в городском парке в Майкопе.

³ Например, 21 сентября 2017 г. на платформе «Change.org» в поддержку активиста была размещена петиция «Руслан Гвашев. Без права на память!». На 25 сентября 2017 г. петицию подписали 1949 чел.

⁴ Шевченко М. 2017. В защиту старейшины шапсугского народа Руслана Гвашева... // Персональная страница на сайте «Facebook». URL: <https://www.facebook.com/shevchenko.maxim.leonardovich/videos/1462965877114028/> [Дата посещения: 23.04.2018].

⁵ Кроме того, видео вызвало формальное одобрение 1,5 тыс. пользователей; 1,8 тыс. поделились видео.

мационной кампании в его поддержку. Так, 3 октября на популярном видеохостинге YouTube противниками активиста было опубликовано видео речи Гвашева, в котором, по словам разместившего материал канала «Cherkes Leaks», присутствуют политические заявления во время «молебна», а также «сполна достаётся по делу и без дела – и России современной, и России царской, и Кавказской войне, и сообщается, что, “наши земли заняты”, и призываются кары небесные на головы “оккупантов”, содержатся отсылы к мнению конгресса США, и к возрождению «Великочеркессии» (скорее – к зарождению, по нашему мнению)... и – ... такого, что может отнюдь и не под административную статью подпасть»¹.

При этом публикация видео, набравшего 1.8 тыс. просмотров, не оказала существенного влияния на дело Гвашева, т. к. оно не получило распространения в черкесских группах в социальных сетях.

Голодовка Гвашева вызвала широкую поддержку и в Абхазии, гражданством и государственными наградами которой он обладает. Внимание к голодовке привлекалось абхазскими общественными деятелями на личных страницах в социальной сети «Facebook», а 20 сентября делегация в составе двенадцати человек посетила дом черкесского активиста. По возвращению в Абхазию участники делегации потребовали от абхазских властей обращения к российскому руководству с просьбой прекратить судебное преследование Гвашева и заявили о своей готовности организовать митинг возле российского посольства.

Уже 24 сентября в г. Сухум на площади Свободы состоялся митинг, в котором приняли участие около семидесяти человек, в том числе представители партии «Аинар» и «Народной партии». Участники мероприятия требовали от российских властей обратить внимание на решение суда по делу Гвашева и положение черкесов в Краснодарском крае. В частности, лидер «Народной партии» Якуб Лакоба призвал «высшие компетентные органы дружественной России положить конец попыткам шельмования достойного гражданина России и Абхазии!»² [В Абхазии... 2017]. 27 августа в День освобождения Сухума состоялся повторный митинг в поддержку Гвашева, в котором приняли участие около двухсот человек. Участники митинга обратились к Президенту России В. Путину и Президенту Абхазии Р. Хаджимба с просьбой восстановить справедливость и защитить Гвашева.

¹ Политические заявления Руслана Гвашева во время «молебна» // Веб-сайт «YouTube». 2017. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mlxKu8O73Ug> [Дата посещения: 23.04.2018].

² В Абхазии прошла акция в поддержку Руслана Гвашева // Веб-сайт «Эхо Кавказа». 2017. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/28754337.html> [Дата посещения: 26.03.2018].

Вторая волна информационной кампании в поддержку Гвашева нарастала по мере приближения заседания Краснодарского краевого суда. При этом в ожидании процесса 5 октября возле здания суда собралось от 300 до 500 сторонников Гвашева из Абхазии, Адыгеи, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. Однако заседание было перенесено, после чего активист в тот же день опубликовал на своей странице в «Facebook» заявление о прекращении голодовки. 16 октября Краснодарский краевой суд отклонил апелляцию Гвашева и оставил в силе решение нижестоящей инстанции. В этот день на митинге возле здания суда присутствовало порядка 100 чел¹.

Масштабная информационная кампания в поддержку Гвашева после решения суда 16 октября стала терять свои масштабы, и в ноябре дело активиста было уже вне информационной повестки большей части черкесских и общекавказских информационных ресурсов.

Тем не менее, дело Гвашева в СМИ неожиданно приобрело новое звучание через пять месяцев после своего фактического окончания. В преддверии президентских выборов в России в марте 2018 г. усилиями порталов «Кавказ. Реалии», «Эхо Кавказа» и «On Kavkaz» в черкесской среде вновь актуализировалась тема справедливости приговора активисту. Поводом для этого стало решение Краснодарского краевого суда, отклонившего очередную апелляцию черкесского активиста.

Новость о заседании суда была распространена исключительно информационными порталами, входящими в сеть «Радио Свобода» с недельным опозданием. Опубликованные статьи были направлены на формирование мнения о том, что российские власти ограничивают в правах черкесское население Краснодарского края. Эти материалы были перепечатаны наиболее популярными черкесскими группами в социальной сети «ВКонтакте» и спровоцировали дискуссии, в рамках которых отмечалось, что активист заставил черкесов «проснуться».

Описание разворачивавшейся информационной кампании с мая по октябрь 2017 г, а также повторной волны её реактуализации в марте 2018 г. показывает, что эффективность на начальном этапе была обусловлена скоординированной работой правозащитного центра и небольшой группы активистов, которые аккумулировали протестные обращения граждан и организаций, направляли их единым потоком в адрес официальных инстанций и актуализировали их в медийном пространстве. На следующей стадии важную роль сыграли традиционные и электронные СМИ, которые не просто пере-

¹ Черкесские активисты и информационные порталы объясняли это тем, что представители правоохранительных органов препятствовали передвижению сторонников Р. Гвашева.

печатавали документы и описывали события, но формировали негативное отношение к происходящему через подачу и авторскую трактовку материалов. Последней стадией можно назвать масштабное тиражирование информации через социальные сети, при этом охват аудитории зависел от «веса» распространяемых материалы индивидов и групп, т. е. их авторитетности и численности подписчиков. Одновременно социальные сети позволили мобилизовать людей на конкретные акции протеста как онлайн (интернет-петиции, флэшмобы «Я жертва»), так и оффлайн (митинги у здания суда). При этом интернет не только обеспечивал солидаризацию членов национального движения, но и способствовал закреплению одних версий и взглядов в ущерб другим.

Медийные технологии национальной мобилизации черкесской диаспоры

Вскоре после приговора Гвашеву к освещению дела подключились общественные организации диаспоры: турецкие Федерация кавказских ассоциаций (Kaffed) и Федерация черкесских ассоциаций (Zerkes-Fed), а также Федерация черкесских культурных ассоциаций Европы (FdTKV) и Черкесский научно-исследовательский институт Мюнхена (в лице своего руководителя и единственного сотрудника Заура Гедуадже), выпускавшие открытые заявления в поддержку Гвашева с осуждением решения суда (как противоречащего международному праву и здравому смыслу) и призывом к российским властям пересмотреть «провокационный» приговор.

В черкесской среде Турции формировалось представление о том, что дело Гвашева противоправно и сфабриковано, нарушает права национальных меньшинств, ограничивает свободу совести и вероисповедания, противоречит международным нормам и Конституции РФ. Черкесские активисты указывали, что судебное разбирательство обусловлено попыткой российских властей отрицать «геноцид» черкесов и запретить любую активность, связанную с их исторической памятью. Многократно подчёркивалось, что Гвашев проводил молебен в священном для черкесов месте на их исконной территории, а его речь не содержала политической составляющей. Акция активиста была представлена как достойное сопротивление оказываемому на черкесов давлению.

К информационной кампании подключились турецкие СМИ, в том числе ведущие информагентства. Вторая по влиятельности черкесская организация – «Федерация черкесских ассоциаций» провела 21 сентября в Стамбуле у Генерального Консульства РФ митинг протеста, направленный против «притеснений и террора черкесов в России». Участники митинга

Социальные сети позволили мобилизовать людей на конкретные акции протеста как онлайн (интернет-петиции, флэшмобы «Я жертва»), так и оффлайн (митинги у здания суда). При этом интернет не только обеспечивал солидаризацию членов национального движения, но и способствовал закреплению одних версий и взглядов в ущерб другим.

Вскоре после приговора Гвашеву к освещению дела подключились общественные организации диаспоры: турецкие Федерация кавказских ассоциаций и Федерация черкесских ассоциаций, а также Федерация черкесских культурных ассоциаций Европы и Черкесский научно-исследовательский институт Мюнхена, выпускавшие открытые заявления в поддержку Гвашева с осуждением решения суда.

скандировали «Руслан Гвашев не один!», «Мы все Русланы Гвашевы!» и традиционный слоган Федерации «Россия, убирайся с Кавказа». Хотя акция не стала массовой, собрав несколько десятков человек, видео выступлений участников охватили многотысячную зрительскую аудиторию через социальные сети¹. Митинг протеста был широко освещён СМИ Турции, в том числе крупнейшими.

Повторный митинг в поддержку Гвашева был организован Федерацией 1 октября 2017 г. в том же месте. Для акции Федерация подготовила транспаранты на английском, французском, русском, арабском и адыгском языках. Количество участников и лозунги остались прежними, а информация о мероприятии также была широко растиражирована в соцсетях² и второстепенных турецких СМИ. В анонсе митинга акцентировалось внимание на том, что Гвашев находится «на пороге смерти за черкесский народ», а в обращении для прессы, зачитанном на митинге на турецком и адыгском языках, Федерация обвинила российское «теневое правительство» в попытке через приговор активисту запретить черкесам сохранять свою национальную идентичность и национальные ценности, потребовала отменить решение о наложении денежного штрафа и призвала Турцию и мировое сообщество выступить в защиту умирающего черкесского лидера³.

Одновременно черкесские организации Турции размещали в информационном пространстве многочисленные официальные заявления и видеообращения с осуждением приговора и требованиями пересмотреть судебное решение. Одна из них провела в знак солидарности с активистом головку в форме суточного «почетного дежурства» без еды членов организации с ретрансляцией происходящего в СМИ и соцсетях. Кроме того, международная группа активистов «Движение Черкесии» запустила в социальных сетях флэшмоб, в рамках которого черкесы выкладывали на личных страницах свои фото с предложенными Движением плакатами в поддержку активиста⁴.

Важнейшей частью информационной кампании в поддержку Гвашева стали хэштег-акции в социальных сетях. Именно они определили итоговый масштаб кампании. Первая акция началась 4 октября под хэштегом #justiceforruslangvashev и была поддержана черкесскими

¹ 200 тыс. просмотров, 542 репоста в «Facebook».

² 28540 просмотров видео мероприятия, 381 репост (по состоянию на 1.10.2017 г.).

³ Eylemin 21. Gününde Ruslan Gvase izin 2. Basın Açıklaması // Веб-сайт «Zerkes Dernekleri Federasyonu». 2017. URL: <http://www.cerkesfed.org/2017/10/01/eylemin-21-gununde-ruslan-gvase-icin-2-basin-aciklamasi/> [Дата посещения: 03.05.2018].

⁴ В сентябре 2017 г. во флэшмобе приняло участие 206 человек, а посты собрали суммарно 775 репостов.

организациями Турции, Германии, Нидерландов и России. В нее было вовлечено около 1 тыс человек, что вызвало резкую критику и призывы привлечь к следующей кампании не менее 100 тыс. участников. Для давления на черкесскую общественность массовость кампании ставилась в прямую зависимость от того, останется ли Гвашев в живых.

Вторая акция под хэштегом #Ruslanisnotalone была анонсирована 9 октября, но стартовала 15 октября. На протяжении четырех часов #Ruslanisnotalone продержался в топе турецких хэштегов, дойдя до третьей строчки. Как только хэштег выбыл из рейтинга топ-10, черкесские активисты и организации призвали распространять новый #ruslan16oct, который дошел только до 12 строчки.

Акцию #Ruslanisnotalone поддержали более пятнадцати черкесских организаций Турции, а также турецкие знаменитости с кавказскими корнями и главы черкесских ассоциаций Европы, видео-обращения которых собирали по несколько тысяч просмотров. 16 октября в день пиковой популярности акции хэштеги #Ruslanisnotalone и #ruslan16oct набрали в социальной сети «Twitter» по 50 млн показов.

Для расширения масштабов акции #Ruslanisnotalone 11 октября группа активистов создала одноименную страницу в «Facebook» (более 1 тыс. подписчиков), через которую распространяла на турецком, адыгском и английском языках текст обращения «Все мы Русланы Гвашевы» с призывом направлять его на адреса редакторов ведущих СМИ Турции (всего 320 адресов).

Кроме того, до окончания голодовки активиста черкесские информационные ресурсы Турции продолжали консолидировать черкесов для протестной мобилизации, подчеркивая смертельную опасность голодовки и готовность активиста отдать свою жизнь за черкесский народ. Дело Гвашева подробно освещалось десятком общетурецких СМИ.

Европейские черкесы также поддержали вторую волну информационной кампании в поддержку Гвашева. Наиболее активно среди черкесских культурных ассоциаций Европы в информационной кампании участвовала Черкесская культурная ассоциация Ганновера, которая регулярно дублировала сообщения, фотографии, призывы и обращения из различных источников. Наряду с ней свой вклад в расширение информационной кампании внесли черкесские культурные ассоциации Нюрнберга, Кёльна и Нидерландов. В пиковые моменты в информационную кампанию активно включалась Федерация черкесских культурных ассоциаций Европы, агитировавшая европейских черкесов подписывать размещенную на онлайн-платформе «Change.org» петицию¹, созданную с целью

¹ На конец октября 2017 г. набрала более 2 тыс. подписей.

добиться реакции на приговор Гвашева со стороны Совета по правам человека ООН и Управления верховного комиссара ООН по правам человека, с их помощью повлияв на решение российского суда.

В США в поддержку Гвашева выступили черкесские активисты, организовавшие митинг перед зданием ООН в Нью-Йорке, в котором приняли участие восемь человек. При этом видеозаписи проведённой акции были размещены в социальных сетях с отличными от акций в Турции хэштегами – #IMWITHRUSLAN и #JUSTICEFORRUSLAN. К акции присоединились Черкесская организация поддержки репатриации (CRO) с центром в Канаде и виртуальное Черкесское национальное движение в лице своего руководителя, известного черкесского активиста из Иордании Аделя Башкауи, который призвал «встать на защиту своих братьев на родине, которые подвергаются несправедливости и преследованиям, сталкиваясь с вызовами и стремясь сохранить себя, свою родину и исторические права нации»¹. Поддержали информационную кампанию и грузинские англоязычные СМИ.

Таким образом, участие диаспоры в развертывании информационной кампании по делу Гвашева придало международный масштаб как самому делу, так и национальной мобилизации, триггером которой оно являлось. Разветвлённая сеть черкесских организаций оказывала последовательное давление на российские власти и международное сообщество посредством митингов и официальных обращений, ретранслируемых через СМИ и социальные сети. При этом масштаб реальных действий не соответствовал тому размаху, который они приобретали в традиционных СМИ и в интернете (пример – митинг, собравший несколько десятков черкесов у Генконсульства РФ в Стамбуле, был показан многомиллионной аудитории турецкими телеканалами и таким образом стал восприниматься как масштабное событие). Кроме того, чрезвычайно успешной в плане охвата зарубежной аудитории стала технология хэштег-акций. Подтверждением служит численный охват пользователей, увидевших материалы в социальных сетях, и появление конкуренции между организациями разных стран через введение разных, однако почти идентичных хэштегов.

В целом, можно констатировать разнообразие и успешность медийных технологий диаспоры в национальной мобилизации черкесов, хотя они и не оказали влияния на решение суда. Отдельно следует отметить новаторскую технологию онлайн-трансляции голодовки солидарности, которая позволила привлечь широкое внимание черкесов к одной из второстепенных организаций. Особенно важной стала впервые

¹ Statement From the Circassian National Movement // Веб-сайт «Justice For North Caucasus» URL: <http://justicefornorthcaucasus.info/?p=1251678901> [Дата посещения: 03.05.2018].

применённая черкесами технология массового давления на общенациональные СМИ Турции через социальные сети с целью вынести черкесский вопрос и дело Гвашева на общетурецкий уровень, чтобы повлиять на внешнеполитический курс страны. Частично эта попытка удалась, в отличие от давления на международные структуры и российские органы власти. Однако этот успех во многом был обусловлен готовностью турецких властей использовать так называемый черкесский вопрос для достижения собственных внешнеполитических целей.

Заключение

Проведённый анализ медийных технологий национальной мобилизации черкесов дал возможность выделить и рассмотреть в динамике ключевые из них, а именно: публикации и последующее тиражирование в социальных сетях официальных обращений активистов и лидеров мнений, сбор подписей под виртуальными петициями, флэшмобы формата «Я жертва», координированные акции по продвижению тематических хэштегов, агитация с целью привлечь людей на митинги и последующее широкое их освещение, вовлечение региональных и государственных СМИ в распространение информации. В итоге в протестную деятельность было включено не менее тысячи черкесов, а потребителями информации стали миллионы людей в России и за рубежом. При этом явно обозначились два центра черкесского национального движения – Северный Кавказ и Турция, действующие то согласованно, то независимо друг от друга.

За непродолжительное время Руслан Гвашев превратился в национального героя. Несмотря на то, что активисту и его сторонникам не удалось добиться отмены решения суда, они смогли в рамках информационной кампании сформировать мнение среди большинства черкесов о том, что мероприятие, состоявшееся 21 мая 2017 г. у Тюльпанового дерева, представляет собой молебен, а решение суда – политическую акцию российских властей против черкесов.

Таким образом, медийные технологии поспособствовали очередному «пробуждению» черкесской нации или, точнее, актуализации национального самосознания черкесов. Более того, алармистские настроения привели к объединению разрозненных национальных движений (абхазского, кабардинского, адыгейского, шапсугского) и кавказской диаспоры в общем протесте против российских властей. Эффективность медийных технологий для национальной мобилизации черкесов подтверждается их активным включением в массовые акции протеста с выраженной политической составляющей. Характерно,

В итоге в протестную деятельность было включено не менее тысячи черкесов, а потребителями информации стали миллионы людей в России и за рубежом. При этом явно обозначились два центра черкесского национального движения – Северный Кавказ и Турция, действующие то согласованно, то независимо друг от друга.

что с целью давления на российские власти они проводились перед зданиями суда, дипломатических представительств РФ за рубежом и в ООН.

Анализ и сопоставление медийных технологий национальной мобилизации позволили выделить определённые тенденции. Этнические и региональные СМИ занимались распространением однотипной эмоционально окрашенной информации с целью привлечения внимания к «нарушению конституционных прав черкесов». При этом материал подавался односторонне, а альтернативные точки зрения отсутствовали или игнорировались. Ещё более это было свойственно информационной кампании в социальных сетях, использовавшихся этническими антрепренёрами для тиражирования информации и мобилизации черкесов посредством петиций и акций отожествления себя с жертвой.

Специфика применения медийных технологий черкесской диаспорой состояла в более широком использовании социальных сетей для проведения скоординированных акций и флэшмобов, хорошо организованной и успешной кампании по привлечению центральных СМИ страны проживания.

Отдельно следует отметить эффективность протестной голодовки в качестве способа привлечения внимания к национальным вопросам. Фактически для черкесов России и диаспоры речь шла о возможной героической смерти Гвашева за черкесское национальное дело. При этом если российские черкесы многократно призывали активиста прекратить голодовку ради сохранения своего здоровья, черкесы диаспоры, напротив, поддерживали её, в том числе проводя аналогичные голодовки. Фактически диаспора демонстрировала заинтересованность в получении своего рода сакральной жертвы и погибшего героя для сплочения национального движения.

На примере дела Руслана Гвашева можно увидеть, что национальная мобилизация черкесов в настоящее время повторяет мобилизацию 1990-х гг., используя те же механизмы и даже тех же активистов, с той лишь разницей, что радио и телевидение заменил интернет, а печатные СМИ – электронные, позволив расширить охват аудитории, быстро конвертировать националистические чувства людей в массовые оппозиционные протесты и ускорить мобилизационные процессы. Важным отличием стало смещение акцента с общекавказской солидарности различных этнических групп к объединению вокруг черкесского национального проекта.

С учётом нерешённости «черкесского вопроса», отсутствия выраженной позиции российских властей по основным черкесским требованиям, а также выработанного алгоритма действий по объективному информированию населения и противодействию агрессивным информационным кампаниям можно ожидать многократного повторения сценария с ещё более усовершенствованными механизмами мобилизации.

Этнические и региональные СМИ занимались распространением однотипной эмоционально окрашенной информации с целью привлечения внимания к «нарушению конституционных прав черкесов». Материал подавался односторонне, альтернативные точки зрения игнорировались.

Фактически диаспора демонстрировала заинтересованность в получении своего рода сакральной жертвы и погибшего героя для сплочения национального движения.

С учётом нерешённости «черкесского вопроса», отсутствия выраженной позиции российских властей по основным черкесским требованиям, а также выработанного алгоритма действий по объективному информированию населения и противодействию агрессивным информационным кампаниям можно ожидать многократного повторения сценария с ещё более усовершенствованными механизмами мобилизации.

Библиографический список

Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле. 288 с.

Бройи Дж. 2002. Подходы к исследованию национализма // *Нации и национализм*. М.: Праксис. С. 201–235.

Лейпхарт А. 1997. Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М.: Аспект Пресс. 287 с.

Маковская Д. В., Патеев Р. Ф. 2014. Формы, методы и технологии конструирования исторических мифов на примере мифологизации «черкесского вопроса» // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. № 6. С. 149–159.

Хабермас Ю. 2002. Европейское национальное государство: его достижения и пределы. О прошлом и будущем суверенитета и гражданства // *Нации и национализм*. М.: Праксис. С. 364–380.

Цибенко В. В., Цибенко С. Н. 2015. Черкесские веб-ресурсы: структурные особенности, динамика развития, содержательные аспекты // *Научная мысль Кавказа*. № 2. С. 64–69.

Besleney Z. A. 2010. Circassian Nationalism and the Internet // Веб-сайт «Open Democracy. Russia and Beyond» URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/zeynel-abidin-besleney/circassian-nationalism-and-internet> [Дата посещения: 01.02.2018].

Goble P. A 2017. Small Color Revolution' Breaks Out inside Russia – Among the Circassians // Веб-сайт «Window on Eurasia» – New Series. URL: <https://windowoneurasia2.blogspot.com/2017/10/a-small-color-revolution-breaks-out.html> [Дата посещения: 12.04.2018].

Hansen L. F. 2015. iCircassia: Digital Capitalism and New Transnational Identities // *Journal of Caucasian Studies (JOCAS)*. September, Vol. 1, № 1. P. 1–32.

Hansen L. F. 2012. Renewed Circassian Mobilization in the North Caucasus. 20-years after the Fall of the Soviet Union // *Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe*. Vol. 11. № 2. P. 103–135.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.523

Media Technologies in the Circassians' National Mobilization

Tsibenko Sergey Nikolayevich

Research fellow, Centre for Interdisciplinary Studies in the Humanities, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: tsibenko@sfedu.ru

Abstract. The Circassian national project can be considered the first experimental attempt at modern nation-building in the Northern Caucasus. Its origins can be traced all the way back to the Caucasian war (1817–1964), when territories inhabited by Circassians became part of the Russian Empire. A new round of Circassian national mobilization took place during the collapse of the USSR, when Kabardians, Adyghes, Circassians and Shapsugs began uniting under the Circassian flag and putting forth demands for resolving the so called “Circassian issue”. The Circassian national movement was able to bring these demands to the international community’s attention right before and during the 2014 Winter Olympics in Sochi. Circassians’ national mobilization is currently ensured by various means, the most effective of which being the use of media technologies, due to their effectiveness when it comes to nation building among territorially divided peoples. Based on the results of the study conducted by the author, this article meticulously examines and analyzes contemporary media technologies used by ethnical entrepreneurs from Russia and the diaspora to construct an “imaginary Circassian community”, using as an example a certain infamous case which led to widespread Circassian national mobilization in 2017, namely – when a well-known activist named Ruslan Gvashev was arrested and prosecuted. This event caused widespread public outcry among Circassians living both in Russia and abroad, while sparking a large-scale and lengthy media campaign encompassing Russia, Turkey, the United States, as well as various European and Middle-Eastern countries. The national mobilization triggered by Gvashev’s case was in fact so vast that a few Russian experts considered it reasonable to declare the start of a “Tulip revolution”, while certain Western experts noticed the key markers of a “color revolution”. Meanwhile, two epicenters of the Circassian national movement clearly manifested themselves – the North Caucasus and Turkey, which would take action either in a coordinated fashion or independently from one another. Ruslan Gvashev’s case also revealed the fact that the current Circassian national mobilization is repeating the 1990’s era mobilization, utilizing the same mechanisms and even the same activists.

Keywords: national mobilization, media technologies, nationalism, Circassians, Adygs, the North Caucasus.

References

Anderson B. Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma [Imaginary communities. Reflections on the origins and spread of nationalism]. Moscow, KANON-press-TS, Kuchkovo pole, 2001. 288 p.

Besleney Z. A. 2010. Circassian Nationalism and the Internet. Open Democracy. Russia and Beyond. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/zeynel-abidin-besleney/circassian-nationalism-and-internet> [date of visit: 01.02.2018].

Broyi Dzh. Podkhody k issledovaniyu natsionalizma [Approaches to the study of nationalism]. Natsii i natsionalizm. Moscow, Praksis, 2002, pp. 201–235.

Goble P. A Small Color Revolution’ Breaks Out inside Russia – Among the Circassians. «Window on Eurasia» – New Series. 2017. URL: <https://windowoneurasia2.blogspot.com/2017/10/a-small-color-revolution-breaks-out.html> [date of visit: 12.04.2018].

Hansen L. F. iCircassia: Digital Capitalism and New Transnational Identities. Journal of Caucasian Studies (JOCAS), 2015, September, Vol. 1, no 1, pp. 1–32.

Hansen L. F. Renewed Circassian Mobilization in the North Caucasus. 20-years after the Fall of the Soviet Union. Journal on Ethnopolitics and Minority Issues in Europe, 2012, Vol. 11, no 2, pp. 103–135.

Habermas J. Evropeyskoe natsional’noe gosudarstvo: ego dostizheniya i predely. O proshlom i budushchem suvereniteta i grazhdanstva [The European Nation State. Its Achievements and Its Limitations. On the Past and Future of Sovereignty and Citizenship]. Natsii i natsionalizm. Moscow, Praksis, 2002, pp. 364–380.

Leypkhart A. Demokratiya v mnogostavnykh obshchestvakh: Sravnitel’noe issledovanie [Democracy in plural societies: Comparative research]. Moscow, Aspekt Press, 1997. 287 p.

Makovskaya D. V., Pateev R. F. Formy, metody i tekhnologii konstruirovaniya istoricheskikh mifov na primere mifologizatsii «cherkesskogo voprosa» [Forms, methods and technologies for constructing historical myths by the example of the mythologization of the “Circassian question”]. Gumanitarnye i sotsial’no-ekonomicheskie nauki, 2014, no 6, pp. 149–159.

Tsibenko V. V., Tsibenko S. N. Cherkesskie veb-resursy: strukturnye osobennosti, dinamika razvitiya, sodержatel’nye aspekty [Circassian Web Resources: Structural Features, Dynamics of Development, Content Aspects]. Nauchnaya mysl’ Kavkaza, 2015, no 2, pp. 64–69.

Т е м а н о м е р а Политические процессы: социальные протесты и протестные настроения

Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества)

Марин Егор Борисович –

кандидат исторических наук, доцент, Морской
государственный университет им. Г. И. Невельского;
доцент, Департамент психологии и образования,
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток

E-mail: egor-marin@yandex.ru

Молодёжные протестные настроения в Приморском крае (на примере студенчества)

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524

Аннотация. Предмет работы – отношение к протесту и протестная активность приморской молодёжи. В основу её положены материалы социологического исследования, проведённого в 2017 г., в ходе которого были опрошены студенты и курсанты вузов Приморья в количестве 251 чел.: Дальневосточного федерального университета, Морского государственного университета им. Г. И. Невельского во Владивостоке и филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка. Целью было изучение основных аспектов протестного сознания приморского студенчества. Как показал данный опрос, у студенческой молодёжи края оказался довольно высокий уровень готовности к протесту. При разной постановке вопроса о своей готовности к протесту заявили от 12 до 30% опрошенных студентов. Отношение к участникам акций протеста у опрошенных положительное или безразличное (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста. В нашем исследовании были выявлены значимые факторы протеста – социальные проблемы, в наибольшей степени беспокоящие молодёжь. Главным образом, это проблемы в социальной, а также в правовой и экономической сферах. Наименее значимыми являются проблемы в силовых ведомствах, а также в политической сфере. Низкий индекс протестности присущ проблемам в национальной и религиозной сферах. Примерно 4,7% опрошенных студентов показали наличие опыта участия в несанкционированных акциях протеста. Ещё 5,5% намереваются участвовать. В сумме примерно 10% опрошенных студентов можно считать неким протестным ядром, представители которого или уже участвовали в протестах, или высказывают ясное намерение участвовать в будущем. Данные опроса и их анализ свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости усиления молодёжной политики и обеспечения дополнительных возможностей для российской молодёжи в реализации её интересов и прав.

Ключевые слова: политический протест, студенты, Приморье, акции протеста, политическое сознание, молодёжь

Актуальность и изученность темы

Предметом данной работы является отношение к протесту и протестная активность приморской молодёжи по материалам социологического исследования, проведённого в 2017 г. Студенческая молодёжь интересна прежде всего как потенциально значимый актор в социально-политическом пространстве Приморского края.

Феномен социального протеста изучается в рамках нескольких направлений: концепции коллективного поведения, концепции депривации, конфликтологического подхода, теории социального взаимодействия, концепции социальной активности и политического участия.

Авторы, изучавшие коллективное поведение (Г. Лебон, Г. Блумен, Г. Тард), рассматривали социальный протест в качестве социально-психологического феномена. По их мнению, протест порождается высокой психологической напряжённостью, в том числе социальным беспокойством, агрессивностью, паникой и т. д. Протест иррационален и непредсказуем.

Самой разрушительной формой протеста, согласно Г. Лебону, является революция как проявление массовой истерии [Лебон 1991: 152]. Согласно Тарду, толпы, в которых доминирует направленность на деструктивное проявление совокупной психической энергии, совершают грабежи и погромы, а социальный протест – это движение буйствующих толп, нарушающих общественный порядок [Тард 1999: 134]. Протест актуализируется в период социальных кризисов.

Одной из распространённых теоретических моделей, объясняющих сущность и причины протестного поведения, является концепция депривации как состояния неудовлетворённости, возникающего вследствие рассогласования реального и ожидаемого положения, к которому стремится субъект (С. Стауффер, Р. Мертон). Согласно взглядам этих авторов, протестное отношение к действительности возникает тогда, когда сравнение социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями порождает чувство глубокой неудовлетворённости, которое и порождает мотивацию для участия в протестных действиях [Волков 2012: 30].

Известный представитель Франкфуртской школы Г. Маркузе трактовал молодёжь как социальную базу для преобразований общества, в том числе и революционных. Маркузе принадлежит идея «новых революционных сил» – молодёжи и интеллигенции. Как он полагал, многие молодые люди инстинктивно отказываются от сотрудничества с системой. Сочетание же двух социальных групп – молодёжи и интеллигенции – делает студенческую молодёжь особым субъектом протестных настроений [Маркузе 1995: 299].

К Мангейм определял молодёжь как скрытый ресурс общества, в котором заложено будущее. По его мнению, молодёжь не консервативна, не прогрессивна, она просто потенция, готовая к любому начинанию. А от социальной структуры и характера общества зависит, будут ли эти резервы интегрированы в функцию [Мангейм 1994: 446].

Представители конфликтологического подхода (Р. Дарендорф, Л. Козер, К. Боулдинг), анализировали социальный протест как форму конфликта, порождённого столкновением социальных групп с противоположными политическими и экономическими интересами. Согласно Дарендорфу, политические противоречия между социальными группами порождают конфликт как неизбежное следствие концентрации власти у одних и её отсутствия у других. Дифференциальное распределение власти неизбежно «становится определяющим фактором систематических социальных конфликтов» [Dahrendorf 1959: 165]. В нашей стране этого подхода к пониманию протеста придерживается, например, В. А. Артюхина [Артюхина 2017: 32].

Социальный протест также может рассматриваться как особая форма социального взаимодействия. Как полагал П. А. Сорокин, социальное взаимодействие включает триаду «личность, общество и культура». Личность при этом – субъект взаимодействия, общество – «совокупность взаимодействующих индивидов с его социокультурными процессами и отношениями», а культура выступает в качестве совокупности «значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица, и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения». Отстаивая свои интересы, человек выражает несогласие с установленными правилами игры, с ценностями и нормами [Сорокин 1992: 212].

В нашей стране теоретические основы для анализа проблемы социального протеста заложили Р. Х. Салахутдинова, О. И. Габа, А. В. Петрушина, Ю. А. Акунина [Салахутдинова 2012; Габа 2015; Петрушина 2011; Акунина 2011]. Различные аспекты протестных настроений и поведения молодёжи изучают Ю. А. Красин, Д. А. Волков, М. М. Назаров, Е. Н. Соломатина [Красин 2012; Волков 2012; Назаров 1995; Соломатина 2014]. И. М. Ильинский отмечает особую ценность молодёжи для современного общества: «Молодёжь – это ценность особого рода, это главная ценность общества, это понятие не только демографическое, но также экономическое, социальное, политическое» [Молодёжь планеты 1999: 22–42]. Анализируя роль молодёжи в политике, Р. Х. Салахутдинова полагает, что в России в данный момент происходит втягивание молодёжи, прежде всего студенческой, в политику путём спекуляции бедностью большинства [Салахутдинова 2012: 172]. Политические силы рассматривают молодёжь как

ресурс своей деятельности. А социокультурная среда, напротив, не создаёт условий для передачи культурных ценностей и самореализации личности. Маргинальность студенчества, как считает О. И. Габа, проявляется в отсутствии у него значительного социального капитала: когда нечего терять, человек способен на экстремальные действия. По мнению автора, протест для молодёжи является средством утвердить и усилить свой социальный капитал, сплотиться вокруг решения значимой проблемы [Габа 2015: 147]. Протестное поведение для неё атрибутивно. Оно в определённой степени свойственно молодёжи в силу острого ощущения несовершенства общества, завышенных притязаний к себе и окружающим, осознания собственной субъектности и невозможности её реализовать в полной мере (субъективный фактор), катализированных реальными лишениями и отсутствием возможности удовлетворения притязаний, а также внешним организующим началом (объективный фактор) [Габа 2015: 148].

Похожие оценки высказывает Ю. А. Акунина. По её мнению, молодые люди «вполне осознанно используют культуру протеста как для организации собственной деятельности, так и для самоидентификации» [Акунина 2011: 124]. В работе А. В. Петрушиной отражены результаты проводившегося в 2007–11 гг. исследования протестных настроений молодёжи Тульского региона. Показатели реального протестного поведения были зафиксированы на уровне 5%, а допускали для себя участие в протесте 15–20% опрошенных. Большинство молодых людей считали, что наиболее эффективны для защиты своих интересов конвенциональные формы политической деятельности, такие как участие в законных митингах, предвыборной борьбе [Петрушина 2011: 338–339]. По мнению автора, в числе основных факторов протеста присутствуют экономическая депривация и особенности политической культуры страны. При этом второй фактор, как считает А. В. Петрушина, основной.

Среди последних исследований можно отметить работу «Молодёжь и молодёжная политика в современном российском обществе» [Зубок 2016], а также монографию «Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций», подготовленную в Институте социологии РАН. В монографии затрагивается тема российского протестного движения 2011 и 2017 гг. Как полагают авторы, попытки вдохнуть жизнь в протестное движение в марте 2017 г. были основаны на антикоррупционной тематике, также выдвигались социальные лозунги (требования увеличить финансирование здравоохранения, социальной сферы). Это можно рассматривать как свидетельство смены окраски «несистемного» протестного движения, отхода его от либеральных ценностей [Асимметрия жизни... 2017: 186].

Теоретико-методологической базой нашего исследования является ряд концепций, таких как концепция депривации, подходы Г. Маркузе к изучению молодёжи как социальной группы и выявления её роли в социальных переменах, конфликтологический подход. В рамках концепции депривации объясняются социально-психологические причины социального протеста, прежде всего разрыв между желаемым и действительным в сознании масс. Значение идей Г. Маркузе в том, что он раскрыл особенности участия в политике молодёжи как революционной силы общества.

Основные характеристики исследования

Объектом нашего исследования выступает студенческая молодёжь Приморского края. Предметом исследования – характеристики отношения к протесту и протестной активности студенческой молодёжи. В ходе работы нашей целью было изучить основные аспекты отношения к протесту, выявить протестные настроения и определить уровень протестной активности приморского студенчества.

Выборка и организация исследования

По результатам пилотажного исследования политического участия студентов была создана анкета «Политическое участие и потенциал протеста». При её конструировании некоторые формулировки вопросов были позаимствованы нами из анкет ВЦИОМ, созданных для измерения политической активности россиян, и затем модернизированы. Разработанная анкета прошла оценку экспертов в области политологии и политической психологии Дальневосточного федерального университета и была доработана с учётом их пожеланий.

Анкета была использована в мае–июне 2017 г. для проведения основного этапа исследования. Объём выборки $n=251$. В ходе исследования были опрошены студенты и курсанты трёх вузов Приморья: Дальневосточного федерального университета (в котором обучается большая часть студентов региона), Морского государственного университета им. Г. И. Невельского во Владивостоке (ведущий технический вуз) и филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка. Большинство респондентов в возрасте 18–21 год. Тип выборки гнездовой – на первом этапе были отобраны вузы, на втором – специальности, далее целиком опрошены группы студентов.

В анкету мы включили три блока вопросов: отношение к политике государства, отношение к социальному протесту и опыт политического участия в разных формах (а также мотивация участия и абсентеизма). В данной статье анализируются в основном данные первых двух блоков анкеты.

Отношение молодёжи к политике государства

Удовлетворённость политикой государства

Результаты опроса об удовлетворённости студенчества политикой государства представлены в [таблице 1](#). Прежде всего, обращает на себя внимание большой процент недовольных политикой государства: так или иначе не удовлетворены политикой государства 54,1% опрошенных (из них «скорее, нет» ответили 30,6% и «нет» – 23,5%). Удовлетворены государственной политикой 30,7% опрошенных студентов.

Таблица 1

Удовлетворённость политикой государства

Варианты ответа	% ответивших	Количество ответивших
Скорее, да	20,86	53
Да	9,00	23
Скорее, нет	30,60	77
Нет	23,50	59
Затрудняюсь ответить	15,50	39

Эмоциональная реакция на политику государства

Ответы на вопрос «Какие эмоции у вас вызывает политика российского государства?» показали противоречивую картину (см. [таблицу 2](#)).

Таблица 2

Эмоциональная реакция на политику государств

Варианты ответа *	% ответивших	Количество ответивших
Разочарование	38,9	99
Надежда	28,7	73
Интерес	20,4	52
Страх	13,7	35
Злость	12,5	32
Отвращение	12,5	32
Гордость	11,4	29
Радость	1,9	5
Свой вариант	4,3	11
Никаких не вызывает	18,1	46
Затрудняюсь ответить	5,5	14

*Можно было выбрать несколько вариантов ответов.

На первом месте у опрошенных студентов оказалось разочарование (38,9%). В сумме негативные эмоции (разочарование, злость, отвращение, страх) набрали 77,6%.

При этом положительные эмоции (радость и надежда, гордость) в сумме получили 41% голосов. Такой показатель заставляет задуматься об адекватности политики правительства интересам и надеждам молодёжи. Даже если предположить, что на ответы оказал влияние некий «молодёжный максимализм», перевес негативных эмоций велик. Однако немалая часть опрошенных студентов (28,5%) «надеются» на перемены в этой сфере.

Относительно невысокий показатель «злости» (12,5%) можно интерпретировать как свидетельство того, что в основной массе даже недовольные и разочарованные молодые люди сейчас не являются носителями агрессии в отношении государства.

Протестный потенциал

Отношение к митингам и демонстрациям против политики нынешних властей и их участникам

В связи с таким высоким уровнем неудовлетворённости политикой государства, который показал данный опрос, не вызывает удивления и то, что 12,9% молодёжи готовы принять участие в акциях протеста в ближайшем будущем (см. таблицу 3). Ещё 16,1% молодых людей поддерживают акции протеста, но сами участвовать в них пока не готовы.

Таблица 3

Отношение к протестным митингам и демонстрациям и их участникам

Ответы	% ответивших	Количество ответивших
Поддерживаю их и сам готов принять участие в ближайшем будущем	12,9	33
Поддерживаю, но сам принимать участие в подобных акциях не готов	16,1	41
Отношусь безразлично	37,4	95
Не поддерживаю, но считаю, что люди имеют право участвовать	23,6	60
Не поддерживаю и считаю, что подобные акции следует запрещать	3,1	8
Затрудняюсь ответить	5,9	15

Даже с учётом некоего «молодёжного максимализма», перевес негативных эмоций в отношении государства велик. Однако немалая часть опрошенных студентов (28,5%) «надеются» на перемены в этой сфере.

12,9% молодёжи готовы принять участие в акциях протеста в ближайшем будущем. Ещё 16,1% молодых людей поддерживают акции протеста, но сами участвовать в них пока не готовы.

При этом немалая часть относится к таким акциям безразлично (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста.

Факторы протеста

Один из наиболее значимых для исследования был вопрос о факторах и детерминантах протестного поведения. Исходя из предположения, что протестная активность является ответом молодёжи на те или иные проблемы общества, значимые в данный момент, мы составили их перечень (см. таблицу 4) и предложили респондентам оценить их готовность участвовать в массовом протесте в связи с каждой из этих проблем по шкале от 1 до 7 баллов. Полученные результаты отражены в таблице 4.

Таблица 4

Готовность молодёжи участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных общественных проблем (в баллах от 1 до 7* и в %)

	1	2	3	4	5	6	7
Проблемы в экономике, кризис, низкий уровень жизни населения	14,50	7,00	15,00	16,10	14,10	13,30	17,70
Проблемы в социальной сфере (невыплата зарплат, стипендий и пр.)	9,40	7,80	9,80	22,80	15,30	14,90	18,90
Проблемы в сфере безопасности (теракты, преступность и т. д.)	18,10	8,20	16,10	17,34	14,10	8,20	6,10
Проблемы в правовой сфере (ущемление прав, коррупция)	16,10	7,80	9,40	15,70	18,10	11,80	20,80
Проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.)	25,20	13,70	14,10	16,90	13,30	5,90	9,40
Проблемы в политической среде (кризис власти, просчёты политиков)	25,90	7,40	18,50	17,70	11,00	7,40	10,60
Проблемы в национальной и религиозной сферах (защита своей нации и пр.)	31,80	9,40	11,80	18,10	10,20	6,70	10,20

*Значение ответов в баллах: 1 – безусловно не готов участвовать; 2 – не готов участвовать; 3 – скорее, не готов; 4 – возможно, буду участвовать; 5 – скорее, готов; 6 – готов участвовать; 7 – безусловно готов.

Как видно, наиболее заметной является динамика такого фактора протеста, как «проблемы в социальной сфере». Его показатель возрастает к средним и высоким баллам. Кроме того, высокий уровень демонстрируют факторы «проблемы в правовой сфере» и «проблемы в экономике».

И наоборот, «проблемы в политической сфере» обладают малым потенциалом для протеста. Низкие показатели и у таких факторов, как «проблемы в силовых ведомствах» и «проблемы в национальной и религиозной сферах».

Таким образом, в наибольшей степени молодёжь беспокоят проблемы в социальной и правовой сферах, ибо они наиболее чувствительны для молодых людей. Обострение социальной обстановки (например, невыплата зарплат, стипендий и пр.) может вызывать увеличение протестных настроений и поднимать волну протестной активности. Такое же значение могут иметь и правовые проблемы (нарушение прав человека, коррупция).

Анализ обобщённых значений высоких показателей готовности к протесту

С целью выделить высокий уровень протестного потенциала молодёжи мы также суммировали высокие показатели готовности к протесту в связи с каждой из основных проблем, отражённых в [таблице 4](#) (показатели 6 и 7 баллов по 7-балльной шкале). Полученный результат мы интерпретируем как обобщённый показатель высокой готовности к протесту. Результаты представлены в [таблице 5](#).

Таблица 5

**Готовность молодёжи участвовать в акциях протеста
в связи с каждой из данных проблем
(сумма значений баллов 6 и 7 по [таблице 4](#), в %)***

№	Общественные проблемы	Высокая готовность к протесту
1	Проблемы в экономике	31,0
2	Проблемы в социальной сфере	33,8
3	Проблемы в сфере безопасности	24,0
4	Проблемы в правовой сфере	32,6
5	Проблемы в силовых ведомствах	15,3
6	Проблемы в политической сфере	18,0
7	Проблемы в национальной и религиозной сфере	16,9

*Мы просуммировали значения ответов 6 и 7 баллов из [таблицы 4](#). Полученный в [таблице 5](#) результат отражает общую долю в выборке респондентов, оценивших свою готовность к протесту на 6 и 7 баллов.

Наиболее заметным является значение столбца 2 (33,8%), который отражает значение фактора протеста «проблемы в социальной сфере».

Фактор протеста «проблемы в правовой сфере» также демонстрирует высокий уровень (32,6%). Ещё один заметный показатель – фактор протеста «проблемы в экономике» (31%).

Проценты, отражающие сумму высоких показателей готовности к протесту, почти вдвое выше, чем у факторов-аутсайдеров, например, «проблемы в силовых ведомствах» (15,3%).

Полученные нами данные соответствуют данным, полученным Ю. В. Латовым на материале федеральных опросов ВЦИОМ и ИС РАН и приводящих к выводу, что в России в ближайшие годы будут доминировать социально-экономические лозунги протеста [Латов: 2017].

Личный протестный потенциал

Личный протестный потенциал показывает личную готовность к протесту. С целью его измерения респондентам был задан вопрос: «Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, против коррупции, в защиту своих прав, Вы примете в них участие?» Формулировка данного вопроса была позаимствована нами из анкеты ВЦИОМ. При этом в вопрос было внесено дополнение «против коррупции».

Как показали результаты опроса, личный протестный потенциал студенчества немал (см. таблицу 6). Почти треть опрошенных студентов (31,4%) готовы присоединиться к акциям протеста в родном городе или районе, но 46,8% ответили на этот вопрос отрицательно.

По данным ВЦИОМ доля ответивших «скорее всего, да» среди всех россиян в мае 2017 г. составила 26%, в июне 24%. Ответивших «скорее всего, нет» в июне было 70% [Протестный потенциал... 2017].

Таблица 6

Личная готовность к протесту

Варианты ответа	Скорее, да	Скорее, нет	Затрудняюсь ответить
% ответивших	31,4	46,8	20,8
Количество ответивших	80	119	53

Отношение к участникам акций протеста

Важно понять, как молодёжь относится к участникам акций протеста, кем она их считает. Опрошенным был задан полуоткрытый вопрос: «Людей, решившихся на открытый протест против власти, Вы бы назвали...?». Были предложены восемь вариантов ответа, отражающих разные модальности отношения к участникам протеста. Результаты представлены в таблице 7.

Таблица 7

Отношение к участникам акций протеста, %

Характеристики протестующих по оценкам респондентов							
Авантюристы	Экстремисты	Борцы за свои права	Наивные	Герои	Это их дело, никак бы не назвал	Свой вариант	Затрудняюсь ответить
2,9	5,9	40,5	23,2	5	22,3	5,9	7,4

На первом месте оказался вариант «борцы за свои права» (40,5%). Такая формулировка свидетельствует об уважительном и положительном отношении к ним. «Героями» посчитали протестующих 5% опрошенных студентов. В сумме безусловно положительные оценки набрали 45,5% голосов. На втором месте по частоте было определение «наивные» (23,2%).

Лишь 5,9% ответивших назвали участников протеста «экстремистами», а ещё 2,9% «авантюристами», то есть в сумме негативные оценки набрали 8,8%.

Немалая доля студентов отказались давать какую-либо оценку участникам протеста, выбрав нейтральный вариант ответа: «это их дело, никак бы не назвал».

Данные этого опроса заслуживают пристального внимания. Они показали положительное отношение к участникам акций протеста примерно половины респондентов. Ответ же «наивные» можно рассматривать как отражающий двойственное отношение: по мнению опрошенных, участники протеста искренне верят, что могут что-то изменить своим протестом, но заблуждаются. Это можно интерпретировать как неверие в такие методы, однако понимая и положительно оценивая участников протеста и их мотивы.

Участие в митингах и демонстрациях

С целью выявить реальный опыт участия молодёжи в общественных акциях мы включили в анкету вопросы об участии как в разрешённых, так и в несанкционированных публичных мероприятиях (см. таблицы 8 и 9).

Разрешенные акции протеста

Таблица 8

Участие в разрешённых митингах, демонстрациях, пикетах, %

Варианты ответа				
Не участвовал	Не участвовал, но намереваюсь	Да, участвовал один раз	Да, участвовал несколько раз	Да, участвую регулярно
74,5	9,1	6,7	7,1	1,9

Седьмая часть опрошенных (15,7%) принимали участие в разрешённых общественных акциях (в это число включены ответившие «участвовал один раз», «участвовал несколько раз» и «участвую регулярно»), а 9,1% выразили намерение поучаствовать в них (см. таблицу 8). Судя по отзывам в анкетах, некоторые респонденты участвовали в патриотических манифестациях 1 и 9 Мая.

Несанкционированные акции протеста

Участника опроса был задан вопрос об участии в несанкционированных акциях протеста. Результаты представлены в [таблице 9](#).

Таблица 9

Участие в несанкционированных митингах и демонстрациях, %

Не участвовал	Варианты ответа			
	Не участвовал, но намереваюсь	Да, участвовал один раз	Да, участвовал несколько раз	Да, участвую регулярно
89,2	5,5	2,3	0,79	1,59

Как показывают результаты опроса, у 4,68% опрошенных уже есть опыт участия в несанкционированных акциях протеста, причём 1,59% участвуют в них регулярно. Но особое внимание вызывает второй вариант ответа на вопрос о несанкционированных акциях: 5,5% намереваются участвовать в будущем. Абсолютное большинство студентов ответили, что не участвовали в таких акциях (89,2%).

Сопоставление данных о протестном потенциале

С целью составить более полное, «объёмное» представление о потенциале протеста мы сравнили данные из разных частей анкеты, в которых по-разному ставился вопрос о готовности к протесту и реальном участии в нём ([см. таблицу 10](#)).

Таблица 10

Сравнительные показатели протестного потенциала студентов

№	Вопрос	Положительный ответ (или сумма ответов)
1	Как вы относитесь к митингам и демонстрациям против политики нынешних властей и их участникам?	Поддерживаю их и сам готов принять участие в ближайшем будущем – 12,9%
2	Ниже перечислены актуальные проблемы общества. Оцените свою готовность участвовать в акциях протеста в связи с каждой из данных проблем, от 1 балла (не готов участвовать) до 7 баллов (безусловно, готов участвовать). (В столбце справа представлена сумма баллов 6 и 7)	Проблемы в социальной сфере – 33,8%
		Проблемы в правовой сфере – 32,6%
		Проблемы в экономике – 31%
3	Если в вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, против коррупции, в защиту своих прав, Вы примете в них участие?	Скорее, да – 31,4%
4	Участвовали ли Вы в несанкционированных митингах?	Не участвовал, но намереваюсь; да, участвовал один раз; да, участвовал несколько раз; да, участвую регулярно: в сумме 10,1%

Сравнительная таблица показывает, что уровень положительных ответов изменяется в зависимости от постановки вопроса о протесте. Наибольшая близость показателей просматривается между ответами на вопросы 1 и 4 (недвусмысленное намерение участвовать или опыт участия).

Так, положительное отношение к митингам против политики властей и готовность участвовать в них «в ближайшем будущем» проявили 12,9% опрошенных. А на вопрос об опыте участия (участии и готовности участвовать) в несанкционированных митингах ответили положительно 10,1% респондентов.

При другой (более обобщённой) постановке вопроса о готовности участвовать показатели намного выше. Так, если в их городе или районе состоятся протестные акции, 31,4% опрошенных студентов готовы к ним присоединиться, что можно интерпретировать как свидетельство распространённости протестных настроений. Эта цифра (31%), близка к показателям готовности к протесту в связи с определёнными актуальными проблемами. В связи с проблемами в социальной сфере готовы участвовать в протесте 33,8%, экономике – 31%, в правовой сфере – 32,6%.

Выводы

Таким образом, как показал данный опрос, у студенческой молодёжи края оказался довольно высокий уровень готовности к протесту. При разной постановке вопроса о своей готовности к протесту заявили от 10–12 до 30–33% опрошенных студентов. Можно предположить, что у 10–12% есть протестная готовность, а у примерно ещё двадцати процентов студентов есть протестные настроения.

Эмоциональный отклик на государственную политику противоречив. На первом месте среди эмоций у опрошенных студентов оказалось разочарование (38,9%). В сумме негативные эмоции (разочарование, злость, отвращение, страх) набрали 77,6%. При этом положительные эмоции (радость и надежда, гордость) в сумме составляют 41%. Если включить в число положительных эмоций интерес (20,4%), то получается хрупкий баланс положительных и отрицательных эмоций. Как видно, надежда и интерес молодёжью ещё не потеряны.

Примерно 4,7% опрошенных студентов показали наличие опыта участия в несанкционированных акциях протеста. Ещё 5,5% намереваются участвовать. В сумме примерно 10% опрошенных студентов можно считать неким протестным ядром, представители которого или уже участвовали в протестах, или высказывают ясное намерение участвовать в будущем.

Если произойдут массовые выступления против падения уровня жизни и в защиту своих прав, значительная часть молодёжи может поддержать эти выступления. Так, если в их городе или районе состоятся протестные акции, 31,4% опрошенных студентов готовы к ним присоединиться. Можно предположить наличие некоего аморфного «коллективного» потенциала протеста, то есть готовности протестовать вместе с кем-то.

Были выявлены значимые факторы протеста – проблемы, в наибольшей степени беспокоящие молодёжь. Главные проблемы, которые смогут заставить студенческую молодёжь принять участие в массовых акциях протеста — проблемы в социальной, правовой и экономической сферах.

В связи с проблемами в социальной сфере готовы участвовать в протесте 33,8%, экономике 31%, в правовой сфере 32,6%. Обострение социальной обстановки (например, невыплата зарплат, стипендий и пр.), может вызывать увеличение протестных настроений и волну протестной активности молодых людей. Такое же значение могут иметь и проблемы в правовой сфере (нарушение прав человека, коррупция).

Наименее значимыми факторами протеста, как показало наше исследование, являются проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.), а также проблемы в политической сфере (кризис власти, просчёты политиков). Низкий индекс протестности имеют проблемы в национальной и религиозной сферах.

Отношение к участникам акций протеста у опрошенных положительное или безразличное (37,5%). И лишь 3,1% полагают, что эти акции нужно запретить. Если исходить из данных показателей, приморская молодёжь не одобрила бы запреты и подавление акций протеста.

В ответах на вопрос о том, как можно охарактеризовать участников акций протеста (с целью выделить личностные смыслы), на первом месте оказался вариант «борцы за свои права» (40,5%). Героями посчитали протестующих 5% опрошенных студентов. В сумме положительные оценки составили 45,5% голосов. Это означает сочувственное отношение к протестующим.

Согласно концепции депривации, протестное отношение к действительности возникает тогда, когда сравнение социальной действительности со значимыми ценностями и ожиданиями порождает чувство глубокой неудовлетворённости. Довольно высокие показатели протестных настроений, выявленные нами, свидетельствуют о наличии социальной неудовлетворённости у значительной части студенческой молодёжи Приморья. Данные выводы носят предварительный характер, проблема нуждается в углублённом изучении, в том числе качественными методами.

Если произойдут массовые выступления против падения уровня жизни и в защиту своих прав, значительная часть молодёжи может поддержать эти выступления.

Наименее значимыми факторами протеста, как показало наше исследование, являются проблемы в силовых ведомствах (дедовщина, произвол полиции и пр.), проблемы в политической сфере. Низкий индекс протестности имеют проблемы в национальной и религиозной сферах.

Данные опроса и их анализ свидетельствуют, на наш взгляд, о необходимости усиления молодёжной политики в регионе и обеспечения дополнительных возможностей для реализации интересов и прав молодых людей в нашей стране.

Перспективы дальнейшего исследования темы видятся нам в использовании качественных методов опроса (в частности, глубинного интервью), а также в анализе психологических аспектов молодёжного протеста. Важен был бы анализ протестного мышления, выявление тех структур политического менталитета, которые связаны с крайними действиями в политике.

Библиографический список

Акунина Ю. А. 2011. Молодежные движения современной России: протест и созидание // Вестник МГУКИ. № 3 (41). С. 123–127.

Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций: монография / О. В. Аксенова, Н. В. Левченко и др.; Отв. ред. О. В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 207 с. 1 CD-ROM. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [Дата посещения: 22.07.2018].

Артюхина В. А. 2017. Осмысление социального протеста в отечественной социологии: анализ основных подходов // Социологические исследования. № 11. С. 30–34. DOI: 10.7868/S0132162517110046.

Баранова Г. В. 2012. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. № 10. С. 143–152.

Бушуев Д. В. 2012. Специфика протестной активности российской молодежи в современном трансформирующемся обществе: автореф. дисс. канд. социол. наук. Ростов н/Д. 15 с.

Волков Д. 2012. Протестные митинги в России конца 2011 – начала 2012 гг.: запрос на модернизацию политических институтов // Вестник общественного мнения. № 2 (112). С. 73–86.

Габа О. И. 2015. Молодежь как субъект протестных настроений // Знание, понимание, умение. № 1. С. 144–151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ [Дата посещения: 20.07.2018].

Ефанова Е. 2011. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. № 8. С. 30–33.

Зубок Ю. А., Ростовская Т. К., Смакотина Н. Л. 2016. Молодежь и молодёжная политика в современном российском обществе. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА» URL: <https://docplayer.>

ru/33904583-Yu-a-zubok-t-k-rostovskaya-n-l-smakotina-molodezh-i-molodezhnaya-politika-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve.html [Дата посещения: 20.07.2018].

Красин Ю. А. 2012. Феномен уличных протестов и колея российского выбора // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 92–99.

Латов Ю. В. 2017. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // Общественные науки и современность. № 2. С. 36–50.

Лебон Г. 1991. Мнения и верования толпы // Философская и социологическая мысль. № 6. С. 119–152.

Мангейм К. 1994. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. и англ. М.: Юристъ. 693 с.

Маркузе Г. 1995. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: ООО Ирис. 352 с.

Михайличенко Д. Г., Фазлыев А. А. и др. 2013. Индикаторы определения протестного потенциала молодежи в современной России // Вестник Челябинского государственного университета. № 38 (329). Серия: Философия. Социология. Культурология. Вып. 31. С. 47–49.

Молодежь планеты: глобальная ситуация в 90-х годах, тенденции и перспективы / Рук. авт. коллектива и науч. ред. И. М. Ильинский. М.: Институт молодежи, Голос, 1999. 323 с.

Назаров М. М. 1995. Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. № 1. С. 47–59.

Омельченко Д. А., Максимова С. Г. и др. 2015. Молодежный взгляд на политические протесты: границы легального и нелегального // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. № 13. Часть 2. С. 145–147.

Петрушина А. В. 2011. Протестное участие молодежи в современном российском обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 1. С. 337–346.

Протестный потенциал // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ [Дата посещения: 15.07.2017].

Салахутдинова Р. Х. 2012. Факторы формирования протестного поведения молодежи в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. № 4. Сер. 12. Вып. 4. С. 167–173.

Соломатина Е. Н. 2014. Социальные протесты в современном мире: социологический анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1. С. 103–107.

Сорокин П. А. 1992. Человек, Цивилизация, Общество. М.: Политиздат. 116 с.

Тард Г. 1999. Общественное мнение и толпа. М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+». 414 с.

Dahrendorf R. 1959. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press. 336 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.524

Youth Protest Moods in Primorsky Region (On the Example of Students)

Marin Egor Borisovich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, The Maritime state University named after Admiral G. I. Nevelskoy; Associate Professor, Department of social and political Sciences, Far Eastern Federal University. Vladivostok, Russia. E-mail: egor-marin@yandex.ru

Abstract. This article examines protest activity and attitudes towards protest among Primorsky territory youths. It is based on materials from a sociological study conducted in 2017, during which 251 students and trainees from Primorsky territory higher educational facilities were polled: from the Far Eastern Federal University, the G. I. Nevelskoi Maritime State University in Vladivostok and a subsidiary of the Vladivostok State University of Economics and Services in Nakhodka. The main goal was to examine the key aspects of protest awareness among Primorsky territory students. As shown by this poll, college youths of the region demonstrate a rather high level of willingness to partake in protest. Given varied formulation of the question, anywhere from 12 to 30% of polled students claimed to be willing to partake in protests. 37.5% of those surveyed claimed a positive or indifferent attitude towards participants of protests. Only 3.1% believe that such protests should be prohibited. If these results are anything to go by, then Primorsky territory youths would not approve of protests being suppressed. Our study revealed significant protest factors – social issues which concern youths the most. These are mainly issues in the social, legal and economic field. The least important issues turned out to be those associated with power structures and the realm of politics. A low index of protest potential is inherent to issues in the realm of national and religious policy. Approximately 4.7% of students reported experience participating in unauthorized protests. Another 5.5% intend to partake in such. In total about 10% of polled students can be considered a certain “protest core”, consisting of people who either have already partaken in protest, or clearly declare the intent to do so in the future. Survey data and the results of its analysis show, in our opinion, that there is a need to take a firm stance when it comes to youth policy and providing Russian youths with additional opportunity to fulfill their interests and exercise their rights.

Keywords: political protest, students, Primorye, protests, political consciousness, youth.

References

Akunina J. A. Molodezhnye dvizheniya sovremennoy Rossii: protest i sozidanie [Youth movements in modern Russia: protest and creativity]. Vestnik MGUKI, 2011, no 3 (41), pp. 123–127 (in Russ.).

Artyukhina V. A. Osmyslenie sotsial'nogo protesta v otechestvennoy sotsiologii: analiz osnovnykh podkhodov [Sociological interpretation of social protest: reviewing basic contemporary approaches]. Sotsiologicheskie issledovaniya, 2017, no 11, pp. 30–34. DOI: [10.7868/S0132162517110046](https://doi.org/10.7868/S0132162517110046) (in Russ.).

Asimetriya zhizni sovremennoy rossiyskogo obshchestva: sootnoshenie traditsiy i innovatsiy: monografiya [Asymmetric life of modern Russian society: ratio of traits and innovations]. O. V. Aksenova, red. Moscow, FCTAS of RAS, 2017. 207 p. 1 CD-ROM. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Assimetriya_zhizni_sovrem_ros_obschestva_2017.pdf [date of visit: 22.07.2018] (in Russ.).

Baranova G. V. Metodika analiza protestnoy aktivnosti naseleniya Rossii [Methodology of analyzing Russia population protest activity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012, no 10, pp. 143–152 (in Russ.).

Bushuev D. V. Spetsifika protestnoy aktivnosti rossiyskoy molodezhi v sovremennom transformiruyushchemsya obshchestve [The specifics of the protest activity of Russian youth in contemporary transforming society]. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk. Rostov-na-Donu, 2012. 15 p. (in Russ.).

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Stanford University Press, 1959. 336 p.

Gaba O. I. Molodezh' kak sub'ekt protestnykh nastroyeniy [Youth as a subject of protest moods]. *Znanie, ponimanie, umenie*, 2015, no 1, pp. 144–151. URL: http://www.zpu-journal.ru/zpu/contents/2015/1/Gaba_Youth-Protest-Feelings/ [date of visit: 20.07.2018] (in Russ.).

Efanova E. Molodezhnyy ekstremizm kak forma politicheskogo protesta [Youth extremism as a form of political protest]. *Vlast'*, 2011, no 8, pp. 30–33 (in Russ.).

Krasin Yu. A. Fenomen ulichnykh protestov i koleya rossiyskogo vybora [The phenomenon of street protests and Russian choice track]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2012, no 3, pp. 92–99 (in Russ.).

Latov Yu. V. Prizrak «revolyutsionnoy situatsii»: protestnye deystviya i protestnye nastroyeniya sovremennykh rossiyan [Phantom of the “revolutionary situation”: protest actions and protest moods of modern Russians]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2017, no 2, pp. 36–50 (in Russ.).

Lebon G. Mneniya i verovaniya tolpy [Opinions and beliefs of the crowd]. *Filosofskaya i sotsiologicheskaya mysl'*, 1991, no 6, pp. 119–152 (in Russ.).

Mangeym K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time]. Moscow, Yurist, 1994. 693 p. (in Russ.).

Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Filosofskoe issledovanie ucheniya Freyda* [Eros and civilization. Philosophical study of the teachings of Freud.]. Kiev, OOO Iris, 1995. 352 p. (in Russ.).

Mikhaylichenko D. G., Fazlyev A. A. i dr. Indikatory opredeleniya protestnogo potentsiala molodezhi v sovremennoy Rossii [Indicators for determining the protest potential of youth in modern Russia]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2013, no 38 (329), Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 31, pp. 47–49 (in Russ.).

Molodezh' planety: global'naya situatsiya v 90-kh godakh, tendentsii i perspektivy [Youth of the planet: the global situation in the 1990s, trends and prospects]. *Ruk. avt. kollektiva i nauch. red. I. M. Il'inskiy*. Moscow, Institut molodezhi, Golos, 1999. 323 p. (in Russ.).

Nazarov M. M. Politicheskiy protest: opyt empiricheskogo analiza [Political protest: the scill of empirical analysis]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995, no 1, pp. 47–59 (in Russ.).

Omel'chenko D. A., Maksimova S. G. i dr. Molodezhnyy vzglyad na politicheskie protesty: granitsy legal'nogo i nelegal'nogo [Youth view of political protests: the boundaries of legal and illegal]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*, 2015, no 3–2, pp. 145–147 (in Russ.).

Petrushina A. V. Protestnoe uchastie molodezhi v sovremennom rossiyskom obshchestve [Protest participation of young people in modern Russian society]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2011, no 1, pp. 337–346 (in Russ.).

Protestnyy potentsial [Protest potential]. *Ofitsial'nyy sayt VTSIOM*. URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ [date of visit: 15.07.2017] (in Russ.).

Salakhutdinova R. Kh. Faktory formirovaniya protestnogo povedeniya molodezhi v sovremennoy Rossii [Factors of formation of protest behavior of youth in modern Russia]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no 4, Ser. 12, Vyp. 4, pp. 167–173 (in Russ.).

Solomatina E. N. Sotsial'nye protesty v sovremennom mire: sotsiologicheskiiy analiz [Social protests in the modern world: sociological analysis]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki, 2014, no 1, pp. 103–107 (in Russ.).

Sorokin P. A. Chelovek, Tsivilizatsiya, Obshchestvo [Man, civilization, society]. Moscow, Politizdat, 1992. 116 p. (in Russ.).

Tard G. Obshchestvennoe mnenie i tolpa. Moscow, Institut psikhologii RAN, Izdatel'stvo «KSP+», 1999. 414 p. (in Russ.).

Volkov D. Protestnye mitingi v Rossii kontsa 2011 – nachala 2012 gg.: zapros na modernizatsiyu politicheskikh institutov [Protest meetings in Russia in late 2011 and early 2012: the request for the modernization of political institutions]. Vestnik obshchestvennogo mneniya, 2012, no 2 (112), pp. 73–86 (in Russ.).

Zubok Yu. A., Rostovskaya T. K., Smakotina N. L. Molodezh i molodezhnaya politika v sovremennom rossiyskom obshchestve [Youth and youth politics in modern Russian society]. Moscow, ITD «PERSPEKTIVA», 2016. URL: <https://docplayer.ru/33904583-Yu-a-zubok-t-k-rostovskaya-n-l-smakotina-molodezh-i-molodezhnaya-politika-v-sovremennom-rossiyskom-obshchestve.html> [date of visit: 20.07.2018] (in Russ.).

Н е р а в е н с т в о в р о с с и й с к о м о б щ е с т в е

Д о х о д н о е н е р а в е н с т в о в р о с с и й с к о м о б щ е с т в е: с о ц и а л ь н ы е п о с л е д с т в и я и п р о б л е м ы

Беляева Людмила Александровна –
доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт философии РАН, Москва

E-mail: bela46@mail.ru

Доходное неравенство в российском обществе: социальные последствия и проблемы

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.526

Аннотация. В статье¹ рассматриваются проблемы структуризации российского общества по уровню доходов населения России в постсоветский период. Проанализированы тенденции материальной дифференциации общества как единого целого, где сложилась значимая дистанция между теми, кто достиг относительного материального благополучия, позволяющего вести социально приемлемый образ жизни, и теми, кто лишён возможности удовлетворять свои потребности и имеет ограниченные ресурсы для развития человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса. Анализ основывается на данных официальной статистики и результатах всероссийского мониторинга, проводимого Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН. Показано, что уровни абсолютной и относительной бедности, проанализированные на официальных данных Росстата, не дают реальной картины распространения материального неблагополучия в стране. Они должны быть скорректированы в сторону повышения границы абсолютной и относительной бедности с учётом самооценки уровня жизни самим населением. Но даже рассмотренные официальные статистические данные по доходам и накоплениям свидетельствуют об углублении материальной дифференциации и сохранении бедности значительных групп населения. Не только абсолютная, но и относительная бедность являются ощутимым препятствием для развития человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. У бедных отсутствует бюджет развития, который мог бы способствовать формированию человеческого потенциала. Сложившаяся практика повышения доходов малообеспеченных групп за счёт роста социальных выплат не может дать ожидаемого и длительного эффекта до тех пор, пока не будет задействован механизм роста доходов за счёт эффективной занятости и развития частного сектора экономики. В статье показано, что формирование человеческого капитала в стране связано с более справедливым распределением общественного богатства, развитием рыночной договорной экономики и системы социальных гарантий. Кроме того, обществу необходимо сосредоточить внимание на стартовой справедливости в образовании молодого поколения и с этой целью обеспечивать большую государственную поддержку всех уровней системы образования. Она не должна воспроизводить расслоение по уровню жизни в увеличивающихся масштабах, её актуальная задача – обеспечить восходящую мобильность способным детям из всех доходных слоёв общества.

Ключевые слова: абсолютная бедность, относительная бедность, доход, накопления, ресурсы развития, человеческий капитал, стартовая справедливость

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ №17-03-50073 «Социальное пространство современной России».

Структуризация общества по уровню жизни населения является важной характеристикой его состояния и возможностей дальнейшего развития. Можно назвать по крайней мере три причины, которые обуславливают актуальность критического анализа материального расслоения в современной России. Первая причина заставляет обратить внимание на то, насколько глубина материальной дифференциации приемлема с точки зрения общественной этики, соответствует современной справедливой норме распределения благ. Вторая причина обусловлена необходимостью создания и пролонгации стимулирующей роли материальных различий в экономической активности населения. Третья причина связана с необходимостью отладки такого механизма социальной мобильности, когда социальный лифт поднимает лиц из слоёв с низким уровнем жизни на более высокие позиции, делая общество более справедливым и устойчивым. Все три причины вызывают необходимость критически оценить соотношение разных слоёв общества по уровню жизни и динамику их развития в контексте траектории общественных изменений в постсоветский период. В анализе использованы официальные статистические данные и материалы всероссийского мониторинга, проводимого с 1990 г. Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН (руководитель Н. И. Лапин).

Переход от доминирования раздаточного типа экономики к экономике смешанно-рыночной¹ оказал значительное влияние на изменение источников и форм доходов населения и, как следствие, дифференциацию уровней жизни. Неоправданным упрощением было бы сводить анализ этих проблем к изучению причин бедности и характеристикам страт бедных в противопоставлении стратам богатых. Сегодня статистические органы собирают и публикуют показатели уровня жизни в большем объёме, чем в 90-е гг. прошлого века, когда дифференциация доходов достигла своего пика, но и сейчас в анализе этой проблемы акцент делается, как правило, на проблемах бедного населения, домохозяйств, находящихся в состоянии абсолютной бедности, которая действительно имеет угрожающие размеры в России. В 2016 г. доля населения с доходом ниже величины прожиточного минимума достигла 13,4% [Социальное положение... 2017: 126]. Одновременно общество будоражат публикации в отечественных и зарубежных СМИ о сосредоточении несметных богатств в руках узкого круга лиц. Между тем только к этим двум полярным группам (бедным и сверхбогатым) не сводится проблема уровня и качества жизни населения страны. Следует обратить внимание и на другое разделение

¹ Иногда её называют псевдорыночной, но более адекватным представляется термин «смешанная», поскольку уже сейчас при наличии крупных государственных монополий в стране довольно развит частный сектор в малом и среднем бизнесе, хотя пока в основном это сфера обслуживания и торговли.

населения по уровню жизни, которое, служит зримой констатацией глобальной социальной дифференциации общества – на тех, кто за последние 25 лет преуспел в жизни, выстроил условия благополучного существования (а это не только сверхбогатые и богатые), и тех, кто терпит лишения и существенные ограничения в удовлетворении своих потребностей, даже не опустившись за черту абсолютной бедности. Подробный анализ состава населения по характеристикам уровня жизни может многое сказать о качестве общества, его включённости в современность и его возможностях развиваться по инновационному пути. Поэтому в данной статье проведён анализ стратификации населения России по уровню дохода и богатства с учётом не только абсолютной, но и относительной бедности на основе статистических данных и по материалам всероссийского мониторинга. Доход измерялся уровнем заработной платы, пенсий, пособий в денежной форме, богатство – объёмом дохода, получаемого от капиталовложений.

Статистика о дифференциации доходов в России

Соотношение рыночного и раздаточного секторов экономики обуславливает в значительной мере то разнообразие уровня и качества жизни, которое сложилось в России в настоящее время. По большому счёту, массовый рост уровня доходов и появление одновременно массового слоя бедного населения были следствием утверждения в стране частной собственности. В 2002 г. превышение зарплат в частном секторе по сравнению с государственным по официальным данным составило 1,2 раза и наблюдалось во всех отраслях, кроме оптовой и розничной торговли и общественного питания [Труд и занятость... 2003: 354]. Реальное превышение с учётом широкого распространения чёрных и серых зарплатных схем было значительно выше¹. Это делало частный сектор привлекательным

¹ В 2012 г. среднемесячная заработная плата работников частного сектора превышала аналогичный показатель в муниципальном секторе, но отставала от государственного и от предприятий смешанной российской собственности, иностранной и совместной российской и иностранной, соответственно в 1,3, в 1,6 и в 1,8 раза. Безусловное влияние на эти процессы оказали восстановление части государственных предприятий, увеличение зарплат в бюджетной сфере и повышение денежного довольствия военнослужащих. Но и в 2012 г. в большинстве отраслей заработная плата в частном секторе превышает зарплату в секторе государственном. В исследовании, которое выполнила Т. Журавлёва, показано, что в переходных экономиках частный сектор опережает государственные предприятия по средним заработным платам, но работники организаций, финансируемые только из бюджета, проигрывают по уровню заработной платы и государственным, и частным предприятиям. В то же время в развитых экономиках наблюдается более высокая оплата труда в государственном секторе. По России анализ был проведён на эмпирических данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) и подтвердил отмеченную для переходных экономик тенденцию [Журавлева].

местом работы, особенно для молодёжи. В 2002 г., по данным Всероссийского мониторинга ЦИСИ ИФ РАН в приоритете оказались акционерные предприятия, смешанные с государственной собственностью, и личные частные предприятия. Последние официальные данные Росстата показывают большее сосредоточение высокооплачиваемых групп населения в частном секторе по сравнению с государственным. Так, в 2015 г. почти 30% занятых в негосударственном секторе получали свыше 40 тыс. рублей в месяц, тогда как на государственных и муниципальных предприятиях только 21%. Даже в современном, деформированном виде рыночные отношения создают возможности для повышения уровня жизни тех акторов, которые в них включены не только в качестве владельцев, но и наёмных работников, влияя одновременно и на рост доходов в государственном секторе. За 2011–16 гг. среднедушевой денежный доход в номинальном выражении вырос на 47,9%, при этом реальные доходы вплоть до 2015 г. также увеличивались, хотя и скромнее; их падение по отношению к 2011 г. отмечалось только в 2016 г. [Социальное положение... 2017: 91].

Одновременно с ростом доходов населения в России установилось неблагоприятное и ухудшающееся распределение по доходным группам с углублением их дифференциации (см. таблицу 1).

Таблица 1

Распределение общего объёма денежных доходов населения, %*

Денежные доходы	2000	2010	2014	2015	2016
Всего	100	100	100	100	100
В том числе по 20-процентным группам населения:					
Первая (с наименьшими доходами)	5,9	5,2	5,2	5,3	5,3
Вторая	10,4	9,8	9,9	10,0	10,0
Третья	15,1	14,8	14,9	15,0	15,0
Четвёртая	21,9	22,5	22,6	22,6	22,6
Пятая (с наибольшими доходами)	46,7	47,7	47,4	47,1	47,1

*Источник: [Российский статистический... 2017: 152].

Если в 1980 г. в пятой 20-ти процентной группе концентрировалось 33,4% всех доходов, в 1995 г. – 46,3%, а к 2016 г. у этой группы было 47,1% всех доходов населения. Такая тенденция складывается несмотря на усилия по повышению доходов малообеспеченных групп населения, которые направлены в основном на увеличение социальных выплат.

Динамику соотношения групп по доходам можно проследить по данным Росстата, который определил реперную точку в 19 тыс. рублей. При доходе ниже 19 тыс. рублей на человека в месяц численность групп сокращается, а в случае превышения этой суммы – растёт. Так, всё последнее

Даже в современном, деформированном виде рыночные отношения создают возможности для повышения уровня жизни тех акторов, которые в них включены не только в качестве владельцев, но и наёмных работников, влияя одновременно и на рост доходов в государственном секторе.

Динамику соотношения групп по доходам можно проследить по данным Росстата, который определил реперную точку в 19 тыс. рублей. При доходе ниже 19 тыс. рублей на человека в месяц численность групп сокращается, а в случае превышения этой суммы – растёт.

десятилетие интенсивно сокращается численность группы населения с доходом менее 19 тыс. рублей в месяц. Она составила в 2016 г. 40,2%, сократившись по сравнению с 2011 г на 20,4 п. п. Быстрее других в этом составе сокращалась группа с доходом до 7 тыс. рублей (на 9,4 п. п.), значительно меньше группа с доходом 7–10 тыс. рублей (на 5,5 п. п) и 10–14 тыс. рублей (на 4,2 п. п.) [Социальное положение... 2017: 112, 126]. Одновременно растут группы со среднедушевым доходом свыше 19 тыс. рублей. По сравнению с 2009 г. численность групп населения, переступивших порог 19 тыс. рублей, составила в 2014 г. 54,1%, в 2016 г. – 58,8%. Самая массовая группа среди них имеет доход 27–45 тыс. рублей. Динамика этих изменений снизилась по всем группам в 2013–14 гг. в преддверии и с началом кризиса, но направление этих изменений сохранилось.

Статистические данные дают основание утверждать, что в стране продолжается углубление материальной дифференциации – при росте численности более обеспеченных групп сохраняются большие массы населения, у которых доходы не позволяют вести социально принятый уровень потребления. Для количественной оценки этих групп, помимо величины прожиточного минимума, образующей порог абсолютной бедности, можно использовать показатель «относительная бедность». В странах ОЭСР относительная бедность обычно определяется как 60% от медианного дохода. Нахождение на этом уровне бедности означает отсутствие возможности обеспечить обычные для данного общества условия существования и социально принятые удобства жизни. Относительная бедность создаёт серьёзные психологические и социальные последствия для людей, поскольку они постоянно должны делать выбор между разными своими потребностями в связи с ограниченностью денежных ресурсов, часто нуждаются в помощи со стороны государства, но, по действующему законодательству, не могут её получать, поскольку основанием для такой помощи является, как правило, нахождение за порогом абсолютной бедности. В России оценить в совокупности абсолютную и относительную бедность людей, которые имеют доход ниже черты относительной бедности (около 14 тыс. руб.) можно в 2016 г. на уровне 26%, при этом половина из этой совокупности людей находится в состоянии абсолютной бедности. Получается, что в стране четверть населения лишена возможности удовлетворять свои потребности и имеет ограниченные ресурсы для развития своего человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса. Не только абсолютная, но и относительная бедность являются ощутимым препятствием для развития человеческого потенциала и его превращения в человеческий капитал. По мнению экспертов ОЭСР, человеческий капитал — это «знания, навыки, умения и спо-

способности, воплощённые в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние» [The Well-being 2001]. В этом определении расширяется то понятие человеческого капитала, которое в середине XX века использовали в своей теории Теодор Шульц и Гэри Беккер. Они обосновали экономический подход к человеческому поведению и рассчитали эффективность вложений в человеческий капитал. Но, как заметила Н. М. Плискевич, Т. Беккер отмечал и такой способ инвестирования в человеческий капитал, как улучшение физического и эмоционального состояния человека, чем расширял его рамки далеко за пределы образовательной и культурной сфер, вводя в анализ возможность воздействия на него столь зыбкой и расплывчатой сферы, как эмоции [Плискевич 2012].

У бедных отсутствует бюджет развития, который мог бы способствовать формированию человеческого капитала. Перспективы развития страны и отдельных территорий заложены в имеющемся индивидуальном человеческом капитале, который накапливается за счёт ресурсов семьи, способностей человека и тех социальных условий, которые создаются в обществе: возможности для образования, сохранения здоровья и культурного развития. Человеческий капитал относится к нематериальному капиталу, который наряду с социальным, культурным, символическим имеет всё большее воздействие на инновационное развитие обществ и формирует статус человека в социальном пространстве [Беляева 2014].

Можно с большой долей уверенности утверждать, что развитие человеческого капитала в стране связано с более справедливым распределением общественного богатства, развитием рыночной экономики, совершенствованием налоговой политики, гармонизацией отношений рыночного хозяйства и системы социальных гарантий. Развитие рыночной экономики непосредственно и опосредованно влияет на всю ситуацию с уровнем жизни в стране, но, к сожалению, в последние пять лет условия для предпринимательства не улучшаются, что обуславливает снижение роли этого сектора в получении дохода населением (см. таблицу 2).

В настоящее время доходы от предпринимательства сократились на 1,7 п. п., доля оплаты труда на 2,7 п. п. при росте социальных выплат на 4,3 п. п. Существенный рост социальных выплат (до 19,1% в общей сумме денежных доходов в 2016 г.) был вынужденной мерой для поддержания уровня жизни прежде всего пенсионеров и семей с детьми. Сокращение доходов от предпринимательства обусловлено ухудшением внутренних и внешних условий для развития бизнеса, непростыми взаимоотношениями коммерческих структур с государством в лице проверяющих органов. Настало время улучшить качество институциональных условий для развития

Человеческий капитал относится к нематериальному капиталу, который наряду с социальным, культурным, символическим имеет всё большее воздействие на инновационное развитие обществ и формирует статус человека в социальном пространстве.

частных предприятий. Эти условия хорошо известны: гарантия прав собственности, благоприятный налоговый режим, отсутствие коррупции, прозрачность правил ведения бизнеса, минимум вмешательства чиновников в деятельность предприятий, исключение силовых, противозаконных методов ликвидации бизнеса и т. д. Но в России эти условия никак не становятся обязательными к исполнению на всех уровнях экономики. И это, пожалуй, самая сложная задача в модернизации страны. Её решение могло бы обеспечить рост уровня жизни населения за счёт более активного развития частного сектора.

Таблица 2

Состав денежных доходов населения, % *

Источники дохода	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Денежные доходы – всего	100	100	100	100	100	100
В том числе:						
Доходы от предпринимательской деятельности	9,5	8,9	8,9	9,4	7,9	7,8
Оплата труда	67,3	65,2	65,6	65,1	65,6	64,6
Социальные выплаты	14,8	17,7	18,3	18,4	18,3	19,1
Доходы от собственности	6,4	6,2	5,2	5,1	6,2	6,5
Другие доходы	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0	2,0

*Источник: [Социальное положение... 2017: 100–101].

На основании данных официальной статистики (оговорюсь, что официальные данные рисуют более благополучную картину, чем оценки самого населения, которые будут предметом рассмотрения в следующем разделе) состав населения по среднедушевому доходу можно представить в виде двух больших групп – тех, кто имеют доход выше уровня относительной бедности, и тех, кто расположен ниже черты относительной бедности. Другими словами, (1) тех, кто достиг относительно приемлемого уровня жизни, имеют доход, способный обеспечить социальный стандарт потребления, типичный для современного российского общества (доля такого населения составляет в сумме 74%), и (2) тех, кто находятся в состоянии относительной или абсолютной бедности (в сумме 26%), ощущают на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям.

Доходное неравенство продолжает расти за счёт более быстрого увеличения дохода верхних групп, имеющих не только такие источники, как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской деятельности и собственности. В этих группах формируются значительные накопления (в других терминах – богатство, капитал, имущество, но будем использовать термин «накопления»), которые дают владельцу определённый доход. Анализ распределения в обществе нако-

Доходное неравенство продолжает расти за счёт более быстрого увеличения дохода верхних групп, имеющих не только такие источники, как высокая оплата труда, но и доходы от предпринимательской деятельности и собственности.

плений довольно сложная задача, поскольку объём надёжных статистических данных ограничен, а значительная часть доходов скрыта от наблюдений. Приходится довольствоваться некоторыми косвенными показателями. По всероссийским переписям 2002 и 2010 гг. численность населения, указавшего на такие источники средств существования, как сбережения, дивиденды, проценты, а также сдача в наём или в аренду имущества, доход от патентов и авторских прав, за время между переписями увеличилась в 2 раза и составила немногим более одного млн человек. В 2016 г. доход от собственности составил 6,5% всех доходов населения [Социальное положение... 2017: 96]. Значительный вклад в увеличение накоплений вносят высокие зарплаты верхних доходных групп. Разница между верхней и нижней 10-ти процентными группами в 2017 г. составляла 14,1 раза по экономике в целом (см. рис. 1). Ускорение отрыва в средних зарплатах начинается с 8-ой группы, а самая резкая разница наблюдается между верхними 9-ой и 10-ой группами – 2,12 раза (апрель 2017 г.), ещё больше увеличившись по сравнению с 2016 г.

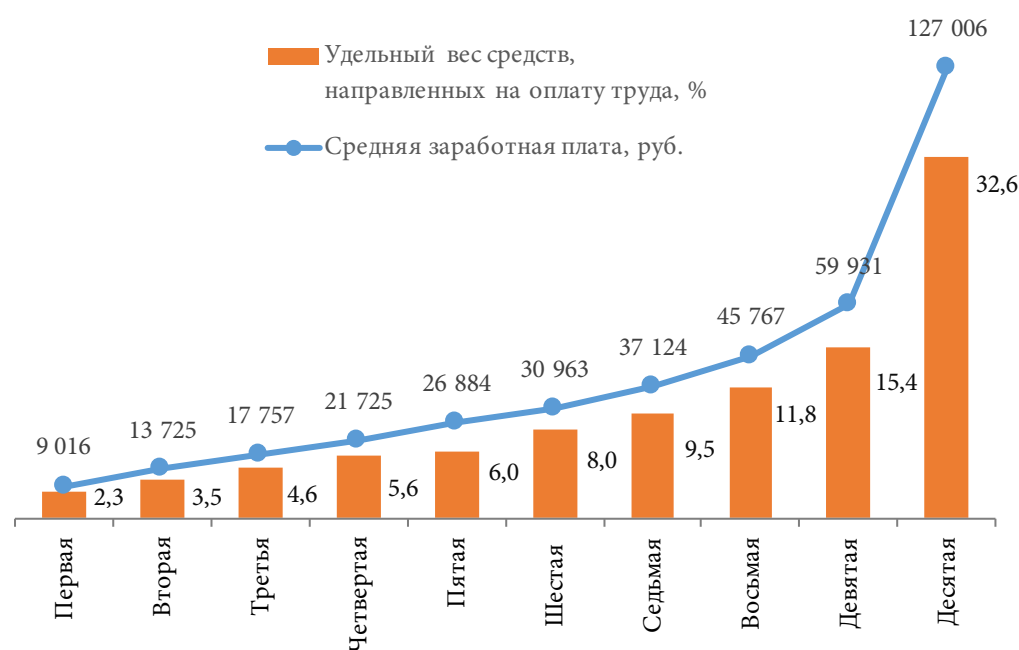

Рис. 1. Распределение общей суммы начисленной заработной платы по 10-процентным группам работников организаций в 2017 г.

Источник: [Социальное положение 2017: 116]

Накопления сбережений населения во вкладах, ценных бумагах и валюте составили в 2016 г. 9,3% всех доходов, снизившись по сравнению с 2015 г. на 1,3 п. п. Но распределены они крайне неравномерно (см. таблицу 3).

Коэффициент фондов по приросту накоплений в 2 раза превышает коэффициент фонда по доходам и почти в 2,5 раза по начисленной заработной плате.

Таблица 3

**Прирост сбережений в домашних хозяйствах
по 20-процентным группам обследуемого населения, 2016 г.***

Группы	%
1-я с наименьшими располагаемыми ресурсами	3,5
2-я	7,4
3-я	12,7
4-я	24,7
5-я с наибольшими располагаемыми ресурсами	51,7

*Источник: [Социальное положение... 2017: 207].

По оценкам А. Ю. Шевякова, доходы от собственности, а также сбережения и покупка недвижимости имеют наибольший коэффициент дифференциации между первой и пятой доходными группами (131,1 и 123,6 соответственно) [Шевяков, Кирута 2009]. В верхних доходных группах существуют также значительные имущественные накопления.

Такая дифференциация доходов создаёт базу для формирования наследуемых состояний и богатства у верхних имущественных слоёв. Чем выше неравенство по доходам, тем большая доля совокупных доходов направляется на накопление, но в условиях современной России эти накопления массово не трансформируются в инвестиции в экономику, а в основном вкладываются в недвижимость и приобретение предметов роскоши. Отчасти это стимулирует рост строительства в стране, но в бедной экономике с дефицитом кредитно-инвестиционных ресурсов весьма существенно ограничивает возможный экономический рост. Инвестиционную активность могут проявлять только те лица, у которых есть для этого соответствующие ресурсы. Естественно, что самый большой объём таких ресурсов у верхних доходных групп, но у них инвестиции в производство не пользуются популярностью.

Таким образом, можно констатировать, что в России происходит концентрации богатства в высокодоходных группах населения и углубляется поляризация доходов от занятости и доходов из других источников. Причём неравенство растёт вместе с ростом совокупных доходов населения. Для российского общества существующее «избыточное неравенство»¹, стало главным фактором социального напряжения, недовольства проводимой властями внутренней политикой, ощущения несправедливости в устройстве общества. Недостаточно активное создание эффективных рабочих мест с достойной зарплатой остаётся главной претензией к руководству страны при массовых опросах населения.

¹ «Избыточное неравенство» обусловлено низкими доходами тех слоёв населения, которые не могут существенно влиять на собственное экономическое положение. Термин предложен А. Ю. Шевяковым.

Материальная дифференциация общества по доходу и богатству и сейчас, и в будущем будет генерировать негативный социально-экономический эффект поляризации: несомненные преимущества высокодоходных групп в развитии человеческого капитала (своего и своих детей), наращивание социального и символического капитала уже стало барьером для вертикальной социальной мобильности из других социальных слоёв. Для демократического устройства общества и реализации идеи социального государства справедливость в распределении доходов предполагает следование принципу стартовой справедливости для личности: равенства возможностей в материальном обеспечении и образовании. Поскольку первое – трудно достижимая цель мирными средствами в современной России, необходимо сосредоточить внимание на стартовой справедливости в образовании, которое может обеспечить восходящую социальную мобильность всем способным детям, в том числе из плохо обеспеченных семей. Опыт высокомодернизированных европейских стран показывает, что равенство в получении хорошего образования коррелирует с успехами страны в инновационном развитии [Беляева 2011]. Для достижения такой цели необходимо совершенствовать систему образования на всех её уровнях, увеличивать государственное финансирование этой системы.

Можно согласиться с авторами исследования мобильности в советской и постсоветской России, которые пишут, что мобильность в современном российском обществе носит деформированный характер, что связано с реализацией так называемого медитократического принципа, с консервацией на высших слоях общественной системы лояльных к ней, но не обладающих при этом высокой степенью одарённости и подготовленности членов общества [Шкаратан, Ястребов 2011]. Закрытость верхних слоёв характерна для большинства современных стран, но в процессе постиндустриальной модернизации на них в расширенном масштабе увеличивались рабочие места, требующие развитого человеческого капитала. Система образования в этих странах реагирует на это требование выравниваем шансов получения современного качественного образования для выходцев из всех социальных слоёв. В России же в постсоветский период выросли экономические препятствия получения качественного высшего образования для детей из семей с низкими доходами, поскольку реальные расходы для поступления в вузы на бюджетные и коммерческие места постоянно растут. Государство явно недостаточно финансирует сферу образования, в частности, значительно сокращается число бюджетных мест в вузах. Вместе с социальным капиталом экономический капитал семьи становится всё более важным ресурсом при поступлении в престижные вузы. В результате расслоение по уровню жизни воспроизводится системой образования. Поляризация доходов влечёт ощущение несправедливости и униженности для тех слоёв, которые нахо-

дятся внизу имущественной иерархии. Ответом служит девиантное поведение этой части населения, прежде всего молодёжи, лишённой социальной перспективы.

Субъективные оценки уровня жизни

Статистическое распределение доходов и богатства в современном российском обществе в своих пропорциях достаточно близко субъективным оценкам материального благосостояния и композиции материальных слоёв, выделенных на основе самоидентификации. Всероссийский мониторинг, который проводится в Центре изучения социокультурных изменений ИФ РАН, позволяет анализировать проблемы структуризации российского общества по разным основаниям, в том числе по материальному уровню жизни населения. Естественно, нужно учесть, что из наблюдения выпадают самые привилегированные группы, недоступные для опросов, что способствует занижению численности этих групп.

В опросе, проводимом методом интервью на дому среди респондентов старше 18 лет¹, предлагалось дать самоопределение своего материального положения (см. таблица 4).

В течение 90-х гг. прошлого века наблюдались большие изменения в численности материальных слоёв, особенно слоя самых бедных и тех, кто был более или менее материально обеспечен перед кризисом 1998 г. Первый слой в составе всего населения вырос в результате кризиса 1998 г. более чем в 3 раза, слой «обеспеченных» сократился в 1,6 раза. Начало «нулевых» отметились заметным изменением трендов развития материального расслоения. Сократилась численность «нищих» и «бедных», которые, тем не менее, к 2015 г. составляли почти 30% населения страны, 22% находились на уровне необеспеченности и 44% жили благополучно («обеспеченные», «зажиточные» и «богатые»). Примерно с 2006 г. стабилизировались две большие группы: к первой относится благополучное население, которое включало в себя обеспеченных (2015 г. – 33%), зажиточных (9%) и богатых (2%). Их уровень жизни соответствует как минимум социальному стандарту потребления, типичному для российского общества в настоящее время. Вторая объединяет неблагополучное население, у которого дохода хватает в лучшем случае на повседневные нужды, но покупка одежды уже затруднительна (22%), или на повседневные нужды уходит вся зарплата (18%), или денег постоянно не хватает, приходится занимать (11%). Эти

¹ Опрос проводился методом интервью на дому среди респондентов старше 18 лет. №=1031. Выборка вероятностная, многоступенчатая, территориальная; репрезентативна по всем основным социально-демографическим, экономическим и географическим параметрам: полу, возрасту, месту проживания, национальности, образованию и др. Руководитель полевых работ А. В. Андреевкова (ЦЕССИ).

люди ощущают на себе депривацию по важнейшим социально-экономическим потребностям. Благополучное и неблагополучное население по опросу соотносится как 44 и 51%.

Таблица 4

Какое высказывание характеризует Ваше материальное положение?, %

Самооценка материального положения	1994	1998	2002	2006	2010	2015	Условные слои
1. Денег до зарплаты не хватает, приходится занимать	7	24	13	11	13	11	«нищие»
2. На повседневные затраты уходит вся зарплата	31	29	23	22	18	18	«бедные»
3. На повседневные нужды хватает, но покупка одежды затруднительна	28	21	30	21	21	22	«необеспеченные»
4. В основном хватает, но для покупки дорогостоящих предметов нужно брать в долг	22	14	22	29	31	33	«обеспеченные»
5. Почти на всё хватает, но недоступно приобретение квартиры, дачи	7	10	11	9	11	9	«зажиточные»
6. Практически ни в чём себе не отказываем	1	1	1	2	3	2	«богатые»
Не знаю, отказ от ответа	3	1	-	6	3	5	
Всего	100	100	100	100	100	100	

Как и ожидалось, при сравнении статистических данных и данных опроса, доля респондентов, которые причислили себя к трём наименее обеспеченным группам (52%), значительно превысила группу, в которой доход ниже уровня относительной бедности, составлявшей в 2016 г. 25% населения. Более близкое количественное соотношение группы неблагополучных по опросу и по статистике получается, если статистическая группа образована с учётом реперной точки, которую Росстат определил в 19 тыс. рублей. Она составила в 2016 г. 40,2% населения. Вместе с тем, за годы постсоветского развития постепенно сформировались слои населения, представленные средне- и высокодоходными группами. Эти благополучные слои составили в 2015 г. 44% населения по опросу и 59,8% (2016 г.) по статистике. Разница не столь существенная, если учесть, что высокодоходные группы уклоняются от опросов, тем более, если опросы проходят в домашних условиях, и в целом население склонно занижать свои доходы. Сформированное расслоение общества по уровню жизни с такими пропорциями трудно признать оптимальным. В дальнейшем я буду оперировать двумя понятиями: *верхняя часть* общества, которая имеет приемле-

Доля респондентов, которые причислили себя к трём наименее обеспеченным группам (52%), значительно превысила группу, в которой доход ниже уровня относительной бедности, составлявшей в 2016 г. 25% населения.

мый уровень жизни, или условно *благополучные*, и *нижняя часть*, условно *неблагополучные*, которые в разной степени не дотягивают до социальных стандартов. Целью анализа было определить, есть ли различия в объективных характеристиках этих групп (см. таблицу 5), как они отличаются по своему социально-психологическому состоянию (см. таблицу 6).

Таблица 5

**Объективные характеристики
«неблагополучных» и «благополучных», %, 2015 г.**

Объективные характеристики	Неблагополучное население	Благополучное население
Пол		
Муж.	46	47
Жен.	55	41
Тип поселения		
Города-миллионники (от 1 млн чел.)	51	45
Крупные города (500–999 тыс. чел.)	35	62
Средние города (100–500 тыс.)	60	36
Малые города (до 100 тыс. чел.)	54	41
Посёлки	65	30
Села, деревни	49	43
Возраст		
До 19 лет	31	59
20–29	46	48
30–49	49	46
50–59	59	38
60 и старше	62	34
Образование		
Начальное общее и профессиональное	65	32
Среднее специальное профессиональное	51	45
Законченное высшее и послевузовское	42	52
Всего	51	44

По данным мониторинга Института философии РАН, нарастание бедности происходит при увеличении возраста респондентов. В нижнюю половину попали 31% в возрасте до 19 лет, 46% – от 20 до 29 лет, 59% – от 50 до 59 лет, 62% в возрасте 60 лет и старше. Соответственно, доля респондентов, попавших в верхнюю половину, уменьшается от 59% (в возрасте до 19 лет) до 34% (старше 60 лет.) С ростом образования шанс попасть в верхнюю половину общества возрастает: туда были отнесены только 32% лиц, имеющих начальное общее и профессиональное образование, 45% со средним специальным образованием и 52% с высшим и послевузовским образованием.

Заметно проявляется гендерное неравенство при самооценке уровня жизни. Если среди мужчин примерно одинаковая доля лиц, входящих в верхнюю и нижнюю половины, то среди женщин бедных на 8% больше, чем богатых. Поселенческий эффект также сказывается на самооценках материального положения. Наиболее бедными себя считают жители посёлков и средних городов (соответственно 65 и 60%), самое меньшее число бедных в крупных городах – 35%. В городах-миллионниках 51% относят себя к верхней половине, а 45% к нижней.

Уровень дохода, условия проживания, возраст, образование, среда обитания и развитость социальной инфраструктуры, образ жизни коррелируют с состоянием здоровья, мироощущением и уверенностью в своих силах.

Таблица 6

Социально-психологические характеристики
«неблагополучного» и «благополучного» населения, %, 2015 г.

Социально-психологические характеристики	Неблагополучное население	Благополучное население
Плохое и очень плохое здоровье,	26	20
в том числе инвалиды, имеют хроническое заболевание	22	11
Уверены в своём будущем	39	65
Не защищены от бедности	64	49
Улучшение жизни зависит от самого респондента	73	86

Среди «неблагополучных» почти 50% жалуются на состояние своего здоровья, в том числе 22% являются инвалидами или имеют хронические заболевания. Среди респондентов верхней части так оценили своё здоровье только 20 и 11% соответственно. Уверены в своём будущем 39% респондентов из нижней части против 65% из верхней. Не защищены от бедности, по самооценкам, 49% «благополучных» и 64% «неблагополучных».

Но что объединяет эти две большие группы жителей России – и тех, кто достиг социально приемлемого уровня жизни, и тех, кто находятся в состоянии абсолютной или относительной бедности? Это их уверенность, что никто и ничто не улучшит их жизнь, кроме них самих. Патерналистские ожидания во всех слоях общества снизились до беспрецедентно низких показателей: 73% респондентов из нижней части и 86% из верхней считают, что улучшение их жизни полностью или частично зависит только от них самих. Мотивы и последствия таких оценок могут быть для этих групп различны, но можно констатировать факт, что патерналистские надежды во всех слоях населения России уходят в прошлое. Ответом на такие настроения должна быть сильная социальная политика государства, которая более эффективно поддерживает

Уровень дохода, условия проживания, возраст, образование, среда обитания и развитость социальной инфраструктуры, образ жизни коррелируют с состоянием здоровья, мироощущением и уверенностью в своих силах.

Патерналистские ожидания во всех слоях общества снизились до беспрецедентно низких показателей: 73% респондентов из нижней части и 86% из верхней считают, что улучшение их жизни полностью или частично зависит только от них самих.

слабые социальные слои и при этом создаёт условия для самостоятельного выстраивания эффективных жизненных стратегий основной массы населения, особенно молодёжи.

Заключение

Низкий уровень жизни значительной части населения в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов вызывает в обществе социальную напряжённость, которая может привести к открытым конфликтам при наступлении кризисных ситуаций или непопулярных решений властей. В перспективе эта поляризация препятствует успешному развитию страны, наращиванию человеческого потенциала и предотвращает длительный демографический спад. Для преодоления такого состояния общества необходимо добиваться позитивных сдвигов в диверсификации отраслей экономики, которая может дать хорошо оплачиваемые эффективные рабочие места массовым слоям населения. Одновременно требуется форсировать развитие новых постиндустриальных отраслей, на которые ориентируются молодые образованные люди. Вместе с тем целесообразно совершенствовать систему перераспределения доходов, которая должна включать введение прогрессивной шкалы налогообложения, а также налогов на богатство и роскошь, что может увеличить доход бюджета для использования его в целях увеличения социальных трансфертов. Но политика перераспределения доходов в пользу низкодоходных групп без развития частного сектора и диверсификации экономики не может быть эффективной в долгосрочной перспективе, поскольку она вызовет усиление роли государства и ограничение индивидуальной активности граждан. Как показал Де Жувенель, самым важным (добавлю, и отрицательным – Л. Б.) результатом политики перераспределения является тот импульс, который она придаёт губительному процессу централизации [Де Жувенель 1952]. Для современной России было бы весьма желательно избежать такого развития событий в перспективе. И последнее, но очень важное. Необходимо более активное вмешательство государства в создание социальных лифтов для молодых людей из нижних имущественных слоёв. В качестве пусковых механизмов для этих лифтов могут быть система качественного бесплатного образования, создание высокотехнологичных рабочих мест, а также развитие предпринимательства. Стимулы и условия для создания таких механизмов в российских условиях может создать преимущественно государство. Оно также должно сыграть решающую роль в формировании устойчивой институциональной среды для развития бизнеса. Не следует недооценивать и этический аспект поляризации доходов, которая создаёт социально-психологическое напряжение в обществе и препятствует его консолидации.

Низкий уровень жизни значительной части населения в сочетании с чрезмерной поляризацией доходов вызывает в обществе социальную напряжённость, которая может привести к открытым конфликтам при наступлении кризисных ситуаций или непопулярных решений властей.

Библиографический список

Беляева Л. А. 2014. Нематериальный капитал: к методологии исследования // Социологические исследования. № 10. С. 36–44.

Беляева Л. А. 2011. Образование в России и модернизация экономики (по результатам Европейского социального исследования) // Социологические исследования. № 12. С. 13–24.

Де Жувенель Б. 1952. Этика перераспределения // Институт свободы. Московский Либертариум. URL: http://www.libertarium.ru/l_lib_ethics [Дата посещения: 14.08.2017].

Журавлева Т. Л. Анализ факторов дифференциации заработной платы в государственном и частном секторах экономики Российской Федерации // Бесплатная интернет библиотека. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21ekonomika/236117-1-zhuravleva-analiz-faktorov-differenciacii-zarabotnoy-plati-gosudarstvennom-chastnom-sektorah-ekonomiki.php> [Дата посещения: 14.08.2018].

Плискевич Н. М. 2012. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М.: Институт экономики РАН. 231 с.

Российский статистический ежегодник. 2017. Стат. сб. М.: Росстат. 686 с.

Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017. Стат. сб. М.: Росстат. 332 с.

Труд и занятость в России. 2003. Стат. сб. М.: Росстат. 261 с.

Шевяков А. Ю., Кирута А. Я. 2009. Неравенство, экономический рост и демография: неисследованные взаимосвязи. М.: М-Студио. 192 с.

Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2011. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России // Общественные науки и современность. № 2. С. 5–28.

The Well-being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Paris: OECD. 2001 // URL: www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf [Дата посещения: 23.05.2018].

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.526

Income Inequality in Russian Society: Social Consequences and Issues

Belyaeva Lyudmila Aleksandrovna

Doctor of Sociological Sciences, Leading researcher, Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: bela46@mail.ru

Abstract. This article examines the issues with structuring members of Russian society based on level on income among post-Soviet Russia's population. Analyzed are the material differentiation tendencies of society as a whole, where a marked distance has developed between those who have achieved a certain level of material prosperity – which allows leading a socially acceptable lifestyle – and those who lack the opportunity to fulfill their needs, and who have limited resources at their disposal for the development of their human potential and the improvement of their social and material status. Analysis is based on official statistics and results from an all-Russian monitoring survey conducted by the Center for the study of socio-cultural changes of the Russian Academy of Sciences' Institute of Philosophy. It is revealed that absolute and relative poverty levels, as analyzed based on official Rosstat data, do not correspond with the actual picture when it comes to the spread of material disadvantage in the country. Said levels should be revised, raising the bar for absolute and relative poverty, given how members of the population evaluate their own living standards. Even the reviewed official statistical data on income and savings indicate an increase in material differentiation, while various groups of the population remain poor. Not only absolute, but also relative poverty is a serious obstacle, which hampers the development of human potential and its transformation into human capital. The poor lack a budget for development which could contribute to forming human capital. The usual practices of increasing income among underprivileged groups by way of increasing social benefits cannot lead to an expected long-term effect until a different method for income growth is promoted, by way of efficient employment and developing the private sector of the economy. This article demonstrates that the formation of human capital in the country is associated with a more equitable distribution of public wealth, with developing a market contractual economy and a system of social guarantees. Society should also focus its attention on equal opportunity from the first steps when it comes to education the younger generation, while providing an increased level of government support for all levels of the educational system in the name of that objective. The educational system should not reproduce an ever increasing differentiation in living standards: its actual task is to provide upward mobility for capable children from all groups of society, regardless of income level.

Keywords: absolute poverty, relative poverty, income, savings, development resources, human capital, initial justice.

References

Belyaeva L. A. Nematerial'nyy kapital: k metodologii issledovaniya [Non-material capital: on the research methodology]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014, no 10, pp. 36–44.

Belyaeva L. A. Obrazovanie v Rossii i modernizatsiya ekonomiki (po rezul'tatam Evropeyskogo sotsial'nogo issledovaniya) [Education in Russia and modernization of economy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2011, no 12, pp. 13–24.

De Juvenel B. Etika pereraspredeleniya. 1952. URL: [http://www.libertarium.ru/1 lib ethics](http://www.libertarium.ru/1_lib_ethics) [date of visit: 14.08.2017].

Zhuravleva T. L. Analiz faktorov differentsiatsii zarabotnoy platy v gosudarstvennom i chastnom sektorakh ekonomiki Rossiyskoy Federatsii [Analysis of factors of wage differentiation in the public and private sectors of the economy of the Russian Federation]. URL: <http://pdf.knigi-x.ru/21ekonomika/236117-1-zhuravleva-analiz-faktorov-differenciatsii-zarabotnoy-plati-gosudarstvennom-chastnom-sektorah-ekonomiki.php> [date of visit: 14.08.2018].

Pliskevich N. M. Chelovecheskiy kapital v transformiruyushcheysya Rossii [Human capital in transforming Russia]. Moscow, Institut ekonomiki RAS, 2012. 231 p.

Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik [Russian Statistical Yearbook]. Stat. sb. Moscow, Rosstat, 2017. 686 p.

Sotsial'noe polozhenie i uroven' zhizni naseleniya Rossii [Social status and standard of living of the Russian population]. Stat. sb. Moscow, Rosstat, 2017. 332 p.

Trud i zanyatost' v Rossii [Labor and employment in Russia]. Stat. sb. Moscow, Rosstat, 2003. 261 p.

Shevyakov A. Yu., Kiruta A. Ya. Neravenstvo, ekonomicheskiy rost i demografiya: neissledovannye vzaimosvyazi [Inequality, economic growth and demography: unexplored relationships]. Moscow, M-Studio, 2009. 192 p.

Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. Sravnitel'nyy analiz protsessov sotsial'noy mobil'nosti v SSSR i sovremennoy Rossii [Comparative analysis of the processes of social mobility in the USSR and modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2011, no 2, pp. 5–28.

The Well-being of nations: The role of human and social capital. Paris, OECD, 2001 URL: <http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf> [date of visit: 23.05.2018].

Н е р а в е н с т в о в р о с с и й с к о м о б щ е с т в е

Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения

Мареева Светлана Владимировна –

кандидат социологических наук, заведующая
Центром стратификационных исследований,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; ведущий научный
сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: smareeva@hse.ru

Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527

Аннотация. В статье на материалах общероссийского репрезентативного социологического исследования, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в 2018 г., дан анализ представлений россиян о социальной структуре современного российского общества и характеризующих его неравенствах. Показано, что проблема неравенств сегодня очень остро воспринимается населением, и за годы последнего кризиса не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее. Продемонстрировано, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается, поскольку за последние пять лет произошло снижение толерантности россиян как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись им скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. В сложившихся институциональных условиях существующие неравенства в целом расцениваются населением как несправедливые. О высоком дисбалансе между реальностью и ожиданиями населения говорит и наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями социальной структуры современного российского общества в оценках россиян. Всё это приводит к растущему запросу на «выравнивание» и изменение модели социальной структуры общества. С другой стороны, даже при наблюдающейся в последние годы негативной динамике, толерантность большинства россиян к легитимным (в их представлениях) неравенствам, основанным на различиях в квалификации, усилиях и результатах, пока всё же доминирует в российском обществе, и это может позволить реализовать продуктивную, стимулирующую роль неравенств. Запрос на сокращение неравенств предъявляется населением прежде всего государству, что сближает Россию с другими европейскими странами. Однако по оценке степени успешности того, как правительство справляется с этой проблемой, российское население демонстрирует наиболее негативные оценки. Это означает, что социальные неравенства представляют сегодня серьёзный вызов для государства, поскольку без решения этой проблемы не могут быть эффективно реализованы поставленные цели «прорывного» развития страны.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная структура, восприятие неравенства, справедливость, запрос на сокращение неравенства, роль государства

Неравенства представляют собой серьёзную «болеую точку» для современного этапа мирового развития. Проблема неравенства вновь вышла на первый план после кризиса 2008–09 гг., однако и до этого опасения, связанные с растущим неравенством, всё чаще озвучивались научным сообществом. По оценке известного специалиста по социальным неравенствам и социальной структуре Д. Груски, до 1960–70-х гг. неравенство также признавалось значимой и общественно важной проблемой, но поскольку оно рассматривалось как побочный эффект капитализма и социализма, то предполагалось, что прогрессивное общественное развитие приведёт к снижению неравенства, а политическое управление им будет становиться проще по мере перехода обществ к более благополучным формам «продвинутого» индустриализма. Большинство работ послевоенного периода с помощью разных подходов и теоретических рамок анализа обосновывали единый тезис о том, что в новой социальной реальности социальные неравенства сглаживаются, возможности распространены более равномерно, а классовые конфликты и классовые различия становятся всё менее заметными [Grusky 2011]. Однако в 1960–70-х гг. дискурс анализа неравенства заметно изменился, развернувшись практически в противоположную сторону, и тезис о снижении неравенства утратил свои позиции. В противовес ему, новые исследования приводят к выводу о том, что неравенство, наоборот, усиливается, причём это характерно одновременно для целого ряда его измерений (поскольку оно представляет собой многомерное явление) и для разных уровней – как в рамках одной страны между индивидами и домохозяйствами, так и между странами и регионами. Отмечается рост неравенства в ряде стран, находящихся на позднеиндустриальном этапе развития, сохранение множества неэкономических форм неравенств несмотря на десятилетия проведения реформ эгалитаристского направления, растущая озабоченность внешними макроэффектами неравенства (причём не только экономическими), всё более яркие проявления неравенств между регионами по мере глобализации.

Проблема растущего неравенства, прежде всего монетарного, связанного с доходами или богатством, оказалась в последние годы и в центре внимания экономистов, чему способствовал выход целого ряда посвящённых этой проблеме работ [Миланович 2017; Пикетти 2015; Стиглиц 2015]. Однако озабоченность проблемой неравенства выходит за пределы только научного сообщества – в частности, задача снижения уровня неравенства внутри стран и между ними вошла в «Цели устойчивого развития ООН 2015 г.» Целый ряд докладов международных организаций в последние годы был также сфокусирован на проблемах неравенства в мире – в частности, доклад 2016 г. неправительственной некоммерческой организации

Oxfam International, подготовленный для Всемирного экономического форума в Давосе – «Экономика для 1%. Как привилегии и власть в экономике приводят к радикальному неравенству, и как это можно остановить»; доклад 2016 г. Всемирного банка «Бедность и всеобщее процветание: борьба с неравенством»; ежегодный доклад о переходном процессе Европейского банка реконструкции и развития за 2016–17 гг., впервые посвящённый именно проблемам неравенства, и др. [World Bank 2016; Haroon et al. 2016; EBRD 2017].

Не стало исключением и современное российское общество. Обсуждение степени остроты, факторов и последствий объективно существующих неравенств активно ведётся и в российской научной среде, причём с разных сторон с этой проблематикой работают и экономисты, и социологи [Аникин, Тихонова 2016; Капелюшников 2017; Овчарова, Попова, Рудберг 2016]. Однако сравнительно меньше внимания уделяется вопросу восприятия неравенств населением [Гимпельсон, Монусова 2014; Салмина 2007] и представлениям населения о социальной структуре общества, хотя некоторые работы в этих областях представлены [Косова 2016; Мареева, Тихонова 2016]. При этом негативные последствия оценки неравенств населением как излишне высоких, имеющих нелегитимные основания и в целом не соответствующих «идеальной» общественной модели, могут иметь далекоидущие социальные последствия – генерировать социальную напряжённость, ухудшать социально-психологическое состояние россиян, создавать основания для делегитимизации власти в их глазах, способствовать формированию запроса на изменение общественного договора с государством. С оценками неравенств тесно связано и восприятие населением страны социальной структуры современного российского общества, и определение ими своего собственного положения в пространстве социальных позиций. В статье на данных общероссийских исследований Института социологии ФНИСЦ РАН¹ будут рассмотрены проблемы восприятия социальных неравенств и социальной структуры, а также определены ключевые вызовы для дальнейшего развития страны в этом отношении.

Начнём анализ с общего восприятия «ландшафта» социальных неравенств россиянами и динамики этих представлений в последние несколько лет. *Об отсутствии острых нера-*

¹ Используются базы мониторингового исследования Института социологии ФНИСЦ РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах», созданные при финансовой поддержке РНФ. Последняя волна проведена весной 2018 г. по общероссийской двухступенчатой квотной выборке, объём выборки – 4000 респондентов от 18 лет и старше, представляющих основные социально-профессиональные группы населения, проживающие во всех территориально-экономических районах страны согласно районированию ФСГС РФ и репрезентирующие их население по полу, возрасту и типам поселений.

венств в современной России в 2018 г. говорили только 2% населения, и лишь 9% отмечали, что они сами не страдали ни от каких неравенств. Рейтинг наиболее болезненных неравенств возглавляет при этом неравенство по доходам – его отмечают как самое болезненное для общества в целом 84% населения, а как болезненное лично для себя – 69%. Среди немонетарных неравенств наиболее остро воспринимаются связанные с базовыми аспектами качества жизни – медициной и жильём. За ними следует группа неравенств, связанных с возможностями социальной мобильности – неравенства в доступе к хорошим рабочим местам, образованию, а также неравенство возможностей для детей из разных слоёв общества (см. таблицу 1).

Таблица 1

Наиболее болезненные неравенства для общества в целом и лично для респондентов, 2018 г., %

Типы неравенств	Болезненные для общества в целом	Болезненные лично для респондента
Доходов	84	69
В доступе к медицинской помощи	70	51
Жилищных условий	64	36
В доступе к хорошим рабочим местам*	52	38
В доступе к образованию	48	23
В возможностях для детей из разных слоёв общества	33	19
В возможностях отдыха, проведения досуга	22	27
В обладании собственностью	20	16
В наличии знакомств с «нужными людьми»	9	10
В возможностях добраться в нужные места общественным транспортом	9	11
В доступе к культурным, художественным ценностям (театры, музеи, выставки)	7	9
В физических возможностях	6	9
В возможностях пользования компьютером и интернетом	4	4
Таких неравенств нет	2	9

* Доли приведены для работающего населения.

Сравнение с данными 2015 г. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств, влияющих как на жизнь самих россиян, так и на общество в целом, в представлениях людей не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать проблему неравенства доступа к медицинской помощи (59% в 2015 г. и 70% в 2018 г.) и образованию (40 и 48% соответственно). Эти два типа неравенств напрямую связаны с человеческим капи-

Сравнение с данными 2015 г. показывает, что рейтинг наиболее острых неравенств в представлениях людей не изменился. Однако в отношении ситуации в обществе россияне заметно чаще стали отмечать проблему неравенства доступа к медицинской помощи и образованию.

талом, который должен стать драйвером нового этапа развития страны, и в этой связи подобная динамика оценок выступает негативным индикатором ситуации в данной сфере.

В оценке тех неравенств, от которых страдают сами россияне, за последние три года также произошли изменения, свидетельствующие об их растущей остроте. Так, заметно возросла болезненность восприятия неравенства доступа к медицинской помощи (с 39 до 51%); более чем в два раза выросла доля россиян, отмечающих, что они страдают от неравенства в возможностях отдыха и досуга (с 12 до 27%); в меньшей степени, но также увеличилась доля тех, кто болезненно воспринимает неравенство в доступе к образованию (с 16 до 23%) и неравенство жилищных условий (с 30 до 36%). Таким образом, *в условиях экономического кризиса, характеризовавшего внешний контекст жизни россиян в последние годы, проблема неравенств не только не отошла на второй план, но даже стала восприниматься острее – причём основные изменения коснулись оценок ситуации в собственной жизни, а не положения дел в обществе в целом, что может приводить к большей социальной напряжённости.*

Острота восприятия наиболее значимого для россиян доходного неравенства снижается по мере роста их собственного дохода. Так, среди высокодоходных россиян, среднемесячный душевой доход в домохозяйствах которых превышает два медианных значения по стране в целом, менее половины, по их собственным оценкам, страдают от неравенства доходов. Среди низкодоходных россиян, душевой доход в домохозяйствах которых не превышает 0,75 медианного значения по стране в целом, процент страдающих от доходного неравенства возрастает до 78. Аналогичная тенденция характеризует и остроту восприятия представителями разных доходных групп неравенства доступа к медицинской помощи (35 и 58% соответственно) и образованию (14 и 29%), а также хорошим рабочим местам (15 и 31% среди работающих) – т. е. *в отношении тех неравенств, которые связаны с социальной мобильностью и возможностями поддержания своего человеческого капитала, представители высокодоходных слоёв занимают более благополучное положение.* По остальным типам неравенств различия в остроте их восприятия между доходными группами ниже, а неравенство в наличии знакомств с «нужными людьми» представители высокодоходных групп воспринимают более остро, чем представители низкодоходных, что связано с большей значимостью этого ресурса именно для благополучных слоёв.

Если же говорить о возрастных различиях, то наиболее яркое их проявление – рост остроты восприятия неравенства доступа к медицинской помощи с возрастом, поскольку эта проблема становится более актуальной именно для пожилых. Так, от этого типа неравенства страдают 36% россиян в возрасте до 30 лет и 69% тех, кто старше 60. При этом с возрастом снижается доля отмечающих как болезненные для себя

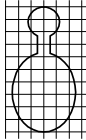
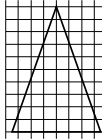
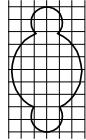
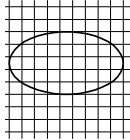
Острота восприятия наиболее значимого для россиян доходного неравенства снижается по мере роста их собственного дохода.

неравенства жилищных условий, доступа к образованию, возможностей отдыха, доступа к хорошим рабочим местам (важно, что это неравенство острее всего воспринимается младшей возрастной когортой населения – теми, кто не достиг ещё 30 лет, для которых выход и «закрепление» на рынке труда в сложившихся условиях оказывается серьёзным вызовом). Таким образом, *представители разных возрастных групп в силу отличающихся характерных для них моделей жизни воспринимают как наиболее острые те типы неравенств, которые в большей степени актуальны для них самих на определённом этапе жизненного цикла.*

Восприятие общей проблемы социальных неравенств как достаточно острой – причём и для общества в целом, и для собственной жизненной ситуации – приводит к *формированию запроса россиян на сокращение существующих неравенств.* Одной из иллюстраций этого является наблюдаемый разрыв между «идеальной» и «реальной» моделями современного российского общества в оценках россиян. Описывая его конфигурацию, более чем три четверти россиян представляют себе «пирамиду» с широким «низом» и постепенно сужающимся «верхом» (45%) или сочетание многочисленных нижних слоёв, оторванных от малочисленных верхних (31%). Модели, характеризующиеся массовыми средними слоями (с верхними и нижними слоями небольшой численности или вообще без них) выбирает для описания реального положения дел лишь четверть россиян. Между тем, *говоря об идеальной модели, более половины респондентов сегодня выбирают общество высокой социальной однородности*, в то время как модели без массовых средних слоёв выступают в роли идеальных лишь для 27% населения (см. таблицу 2), что ярко демонстрирует запрос большей части населения на снижение социальных неравенств в современной России.

Таблица 2

Идеальная и реальная модели современного российского общества в представлениях россиян, 2012–18 гг., %

Модель российского общества				
	Рис. 1	Рис. 2	Рис. 3	Рис. 4
Идеальная (2012)	9	20	31	40
Идеальная (2018)	7	20	19	54
Реальная (2012)	28	57	12	2
Реальная (2018)	31	45	16	8
Разница (2012)	-19	-37	19	38
Разница (2018)	-24	-25	3	46

Представители разных возрастных групп воспринимают как наиболее острые те типы неравенств, которые в большей степени актуальны для них самих на определённом этапе жизненного цикла.

Более половины респондентов сегодня в качестве идеальной модели выбирают общество высокой социальной однородности.

Сравнение с данными 2012 г. показывает, что представления россиян за этот период заметно трансформировались, и основной тенденцией стало *снижение толерантности к степени общественного неравенства и рост запроса на социальную однородность*. Модели «пирамиды» или немногочисленных верхних слоёв при многочисленных нижних всё также выбирает в совокупности менее 30% населения, а вот «голоса» между моделью с массовыми средними при небольших верхних и нижних слоях и моделью социальной однородности за последние шесть лет перераспределились в пользу последней (с 40 до 54%). Что же касается оценки реальной социальной структуры современного российского общества, то в этом отношении изменения были менее выраженными, хотя россияне относительно реже стали описывать её как пирамиду (снижение с 57% в 2012 г. до 47% в 2018 г.) и несколько чаще – как модели с массовым средним классом.

В итоге первые две модели продолжают представляться россиянам отражением реальной, но не идеальной модели общества, в то время как 4-ая модель всё больше отражает «несбыточный идеал», демонстрируя стремление к сглаживанию неравенств в российском обществе.

Представления о социальной структуре российского общества в мечтах и реальности выступают одним из факторов оценки власти и запросов к ней. Если отдельно выделить тех, чьи представления о реалиях современной России связаны с констатацией достаточно высокой степени неравенства (выбирающих 1-ую или 2-ую модель как реальную в [таблице 2](#)) и не соответствуют представлениям об идеальном общественном устройстве (которые отражаются в выборе ими 3-ей или 4-ой модели как идеальной), а также тех, чьи представления о реальной и идеальной модели современного общества совпадают (независимо от степени неравенства, которую они при этом фиксируют), то численность этих групп составит 57 и 15% соответственно, что свидетельствует о *высоком дисбалансе между ожиданиями и реальностью большинства населения*. Этот дисбаланс оказывает влияние в том числе на оценки ситуации в стране и её перспектив – среди представителей первой группы в большей степени выражен запрос на перемены (58 при 49% среди представителей второй), но при этом они реже верят в успешное развитие России в ближайший год (29 и 44%) и чаще предрекают для России трудные времена (35 и 26%). Сказывается расхождение реальной и идеальной моделей общества в представлениях россиян и на оценку ими власти. Среди ощущающих этот дисбаланс, связанный с излишне высокими неравенствами, ниже оказывается не только доверие к президенту (64 при 82% среди не ощущающих дисбаланса) и поддержка его на прошедших выборах, но и оптимизм по отношению к возможности

Сегодня россияне относительно реже стали описывать реальную социальную структуру общества как пирамиду (снижение с 57% в 2012 г. до 47% в 2018 г.) и несколько чаще – как модели с массовым средним классом.

Дисбаланс между ожиданиями и реальностью оказывает влияние на оценки ситуации и её перспектив: в большей степени выражен запрос на перемены, но при этом люди реже верят в успешное развитие России в ближайший год и чаще предрекают трудные времена.

достижения в стране ряда целей, связанных с сокращением неравенства. Например, в том, что даже в течение 10–15 лет государством вряд ли будет реализована задача создания массового среднего класса, уверены 35% из них (при 24% среди представителей второй группы); пессимизм по поводу создания доступной и качественной медицинской помощи испытывают 40 и 29% соответственно, а по поводу формирования равных образовательных возможностей для всех – 40 и 24%.

Правда, стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян всё же имеют в виду не равенство доходов и условий жизни (41%), а равенство возможностей (59%). Это соотношение в последнее десятилетие было достаточно устойчиво, хотя по сравнению с 1995 г. доля выбирающих равенство возможностей в противовес равенству доходов заметно сократилась, что может отражать разочарование в «правилах игры», не способствующих генерации справедливых неравенств в глазах населения (см. рис. 1). Наблюдающаяся в долгосрочном периоде тенденция роста запроса на равенство доходов свидетельствует о том, что потенциал «продуктивности» неравенств, который можно было бы использовать в целях развития страны, постепенно сокращается.

Рис. 1. Выбор в дилемме «равенство возможностей – равенство доходов», 1995–2018 гг., %

Однако в представлениях россиян пока продолжают доминировать представления о допустимости и даже желательности легитимных, справедливых неравенств. Сегодня большая доля россиян склонна скорее соглашаться, чем не соглашаться с тем, что работающие быстрее и эффективнее

Стремясь к обществу большей социальной однородности, большинство россиян всё же имеют в виду не равенство доходов и условий жизни (41%), а равенство возможностей (59%).

должны получать больше, чем занимающие те же позиции, но работающие менее эффективно (63% согласны с этим и 6% не согласны), а также с тем, что неравенство доходов справедливо, если все имели равные возможности для заработка (51 и 15%). Более высокие доходы у тех, кто получил более высокий уровень образования, считают справедливыми 45% и несправедливым – 10%. Таким образом, *эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств*, хотя и при определённых оговорках. При этом разные профессии в качестве такого основания россиянами скорее не воспринимаются (см. рис. 2).

Эффективность работы и квалификация в условиях равных возможностей продолжают оставаться в глазах россиян легитимными основаниями для формирования монетарных неравенств.

Рис. 2. Оценка справедливости различных оснований неравенств, 2018 г., %

Отметим, однако, что *достаточно высокие доли отчасти согласных со справедливостью этих оснований неравенств, а отчасти нет, свидетельствуют о неоднозначности восприятия россиянами ситуации, сложившейся в этой сфере*. Возможно, здесь сказывается недоверие россиян к тому, что такие «правила игры» действительно могут быть установлены и соблюдаться для всех, поскольку пока принципы справедливости (как будет показано ниже) на практике не выполняются.

Более того, динамика ответов на эти вопросы свидетельствует о том, что *толерантность даже к тем неравенствам, которые пять лет назад представлялись справедливыми большинству населения, постепенно снижается*. Так, в 2013 г. более высокая заработная плата у тех, кто работает быстрее и эффективнее, представлялась справедливой 74% населения (в 2018 г. – уже 63%), а у тех, кто получил более высокий уровень образования – 63% (2018 – 45%). Возникающее в условиях равенства возможностей неравенство доходов считали пять лет назад справедливым 65% россиян (2018 – 51%), а разные профессии как основание неравенства доходов – 47% (2018 – 25%). Как видно из данных, произошло снижение толерантности по всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми большинству населения в 2013 г. Это соотносится и с приведённой выше динамикой представлений населения об идеальных и реальных моделях социальной структуры – неэффективное функционирование или отсутствие «правил игры», которые в нормативной модели расцениваются как справедливые, но не выполняются на практике, приводит к растущему запросу на общее «выравнивание». С точки зрения перспектив развития страны это также говорит о *сокращении возможного потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития*.

Ещё более неоднозначной выглядит оценка россиянами *различных проявлений монетарных неравенств* – возможностей для имеющих более высокие доходы обеспечивать себе и более высокие уровень и качество жизни. Так, население достаточно толерантно относится к покупке ими лучшего жилья и скорее считают справедливым то, что они смогут дать детям лучшее образование. В отношении большей пенсии для людей с большими доходами доли согласных и несогласных со справедливостью такого положения дел сближаются, а вот в отношении возможностей для людей с высокими доходами получать медицинские услуги более высокого качества доля несогласных значительно превышает долю согласных с таким положением вещей (см. рис. 3). По всей видимости, платное образование для детей (при наличии опции бесплатного образования для всех) воспринимается значительной частью населения не столько как возможность социальной мобильности и более успешного старта, сколько как одно из направлений потребления, как и жильё, что приводит к более сдержанной оценке этого проявления неравенства; в отношении же неравенств в жизненно важной сфере медицинского обслуживания (с учётом обострения этой проблемы в данной сфере в глазах россиян) население не толерантно.

Произошло снижение толерантности по всем основаниям неравенств, представлявшихся справедливыми населению в 2013 г., что говорит о сокращении потенциала использования неравенств как продуктивного стимула для конкуренции и построения эффективной модели развития.

Рис. 3. Оценка справедливости различных проявлений монетарных неравенств, 2018 г., %

Динамика в этом отношении также демонстрирует *снижение толерантности к проявлениям неравенств в разных сферах жизни*: так, в 2013 г. покупку лучшего жилья имеющими более высокие доходы считали справедливым 52% (в 2018 г. – 46%), лучшее образование для детей из обеспеченных семей принимали как справедливое 50% (2018 – 37%), более высокую пенсию для имеющих более высокие зарплаты считали справедливой 48% (2018 – 31%), а доступ к медицинским услугами более высокого качества для имеющих большие доходы расценивали как справедливый 27% (2018 – 22%). Правда, нужно отметить, что доли считающих это несправедливым также сократились, хотя и в заметно меньшей степени – по всей видимости, в условиях расхождения нормативных моделей и практики, смещения легитимных и нелегитимных оснований неравенства россиянам становится всё сложнее оценивать, какие проявления этих неравенств можно считать справедливыми, а какие нет. *Таким образом, за последние пять лет произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов.*

Разрыв между нормативными представлениями и реальностью отражается в восприятии населением существующих неравенств не только как излишне высоких, но

В условиях расхождения нормативных моделей и практики, смещения легитимных и нелегитимных оснований неравенства россиянам становится всё сложнее оценивать, какие проявления этих неравенств можно считать справедливыми, а какие нет.

и как несправедливых. Половина россиян считают, что нынешняя система распределения частной собственности в России является несправедливой, и ещё 42% отчасти согласны с этим, отчасти нет. Говоря о том, как оцениваются сегодня в России способности и квалификация, только 16% согласны с тем, что люди получают за них достойное вознаграждение, 40% отчасти согласны, отчасти нет, и 44% не согласны с этим утверждением; оценивая собственную ситуацию, россияне настроены ещё более критично – 87% полностью или отчасти согласны с тем, что получают значительно меньше, чем заслуживают.

При этом россияне предъявляют запрос на сокращение неравенств государству. Так, 75% населения считают, что именно федеральные власти должны нести ответственность за справедливое распределение материальных благ. Более того, эта задача государства представляется большинству населения более важной, чем задача борьбы с бедностью (см. рис. 4).

Рис. 4. Оценка справедливости неравенств в российском обществе и запрос к государству на его сокращение, 2018 г., %

Дополняют эту картину представления россиян о причинах бедности и богатства в современной России. Большинство населения видит сегодня причины и бедности, и богатства в основном не в личных качествах или усилиях самого человека, а в воздействии «внешних» факторов: вины госу-

Россияне предъявляют государству запрос на сокращение неравенств. Так, 75% населения считают, что именно федеральные власти должны нести ответственность за справедливое распределение материальных благ.

дарства в первом случае и везения или социального капитала – во втором. Однако при этом заметно различаются группы с разными уровнями дохода – высокодоходные россияне чаще склонны связывать и бедность, и благополучие с усилиями самого человека, хотя и среди них половина считает, что основными всё же являются внешние факторы (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Причины бедности и богатства в современной России
в представлениях населения в целом и полярных доходных групп,
2018 г., %**

	Всё население	Низко-доходные*	Высоко-доходные**
Причины бедности			
Большинство из тех, кто находятся сегодня в бедности, оказались в такой ситуации в основном по вине государства (низкие зарплаты и пенсии, недостаточность пособий и т. п.).	63	71	51
Большинство из тех, кто находятся сегодня в бедности, виноваты сами – это следствие вредных привычек, лени, нежелания менять свою жизнь.	37	29	49
Причины богатства			
Благополучное положение в российском обществе сегодня – результат прежде всего высокого уровня образования и квалификации, эффективной работы, приложенных усилий.	38	32	51
Благополучное положение в российском обществе сегодня – в основном результат везения или наличия нужных связей.	62	68	49

*Среднемесячный душевой доход домохозяйства не превышает 0,75 медианного среднедушевого дохода домохозяйств по стране в целом.

**Среднемесячный душевой доход домохозяйства – более двух медиан среднедушевого дохода домохозяйств по стране в целом.

Насколько в этом отношении ситуация в России уникальна, является ли запрос к государству на сокращение неравенств типичным и для других стран? Ответить на эти вопросы и дополнить описанную выше картину позволяют данные последней доступной волны международного сравнительного исследования – Европейского социального исследования (European Social Survey, ESS), проведённой в 2016 г. и охватившей 23 страны-участницы, в том числе и Россию¹. В исследовании представлены несколько вопросов, оценивающих толерантность населения к неравенствам по доходам и уровню

¹ Подробную информацию об исследованиях см. на официальных сайтах (URL: <http://www.issp.org/data-download/by-topic/>; <http://www.europeanvaluesstudy.eu>; <http://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp>; <http://www.europeansocialsurvey.org>).

жизни и выявляющих общественные представления о роли государства и успешности его действий по их сокращению. Респондентов просили оценить степень своего согласия или несогласия¹ со следующими суждениями:

- правильно, что разница в доходах между людьми должна быть велика, так как велика и разница в их способностях и приложенных усилиях;
- справедливым можно считать только такое общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики;
- правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми;
- социальные пособия, льготы и услуги в Вашей стране способствуют преодолению неравенства.

Сравнение ответов показывает², что жители большинства европейских стран склонны быть более толерантными к неравенству по доходам, нежели к неравенству в уровне жизни, которое в целом не принимается большинством европейского населения как норма. Так, во всех странах, попавших в выборку (за исключением лишь Чешской Республики) более половины населения считают, что справедливым можно считать только такое общество, неравенства в уровне жизни в котором минимальны. Более того, в ряде стран (Австрия, Исландия, Испания, Португалия, Литва) такой позиции придерживается подавляющее большинство населения – почти три четверти (72%) и более. *Мнение россиян по этому вопросу менее категорично, хотя с утверждением о необходимости только лишь небольших различий в уровне жизни людей в справедливом обществе согласны, по данным исследования, более половины населения (57%), но ещё 30% не имеют чёткой позиции; при этом 14% считают, что допустима и высокая дифференциация уровня жизни.*

Что же касается *неравенства по доходам*, то по ним картина оказывается более гетерогенной. В ряде стран население скорее толерантно к высоким доходным неравенствам (среди них – Великобритания, Германия, Ирландия, Нидерланды, Польша, Эстония и Чешская Республика; более 50% населения каждой из этих стран соглашались с тем, что разница в доходах между людьми должна быть велика). Наименее толерантны к высоким доходным неравенствам жители Испании, Португалии, Финляндии и Словении (более 50% не согласны с необходимостью высоких различий в дохо-

¹ Варианты ответов – «абсолютно согласен», «согласен», «и да, и нет», «не согласен», «абсолютно не согласен».

² Автор выражает признательность Е. Д. Слободенюк за подготовку расчётов по массивам Европейского социального исследования, использованных в статье.

дах. Однако, в отличие от оценки неравенств в уровне жизни, даже в этих странах ни в одном случае эта доля не приблизилась к трём четвертям, составив максимум 56%). *Россию на общем фоне можно отнести к числу менее толерантных к доходным неравенствам среди европейских стран, хотя неприятие высоких доходных неравенств в ней выражено не столь сильно – 42 против 22% поддерживающих высокие различия в доходах (остальные 36% не имеют чёткой позиции).*

Несмотря на различия в объективных показателях неравенства в разных странах и в степени толерантности к неравенствам доходов и стандартов жизни, граждане всех европейских стран, включённых в выборку, оказались достаточно близки между собой с точки зрения запроса к государству на сокращение доходного неравенства. Согласных с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения существующих в их странах неравенств в доходах, во всех странах выборки, кроме Чешской Республики, оказывается более половины, причём в большинстве стран сторонники этой позиции составляют более 70% населения. Таким образом, запрос к государству на сокращение доходных неравенств является типичным для всех европейских стран, представляя собой «универсальный» элемент общественного договора. Россия в этом отношении подтверждает общую тенденцию – согласны с тем, что правительство должно принять меры для уменьшения разницы в доходах между людьми, 71% россиян (33% – абсолютно согласны), а не согласны 8%. Это подтверждается и приведёнными выше данными российских исследований.

При этом оценки успехов государства в этом отношении в разных странах заметно различаются. Хотя ни в одной стране из выборки доля согласных с тем, что существующие в их странах пособия, льготы и социальные услуги способствуют преодолению неравенства, не достигла 70% населения, но в 14 странах из 23-х население всё же скорее положительно оценивает роль социальной поддержки по сокращению неравенств. *Россия же на общем фоне демонстрирует наиболее негативные оценки среди всех стран-участниц исследования – 43% не согласны с тем, что социальная поддержка в стране позволяет сокращать неравенства, 26% утверждают обратное и 31% не имеют на этот счёт определённого мнения.* В этом отношении к России оказываются близки Венгрия (42% несогласных), Литва (39%), Чешская Республика (38%) и Эстония (37%). Таким образом, *жители большинства европейских стран схожи между собой в запросе к государству на сокращение доходного неравенства, но различаются в оценке успехов этого процесса – и здесь россияне при типичном для европейских стран запросе на сокращение неравенства задают полюс наиболее негативных оценок результативности работы правительства в этом отношении.*

Жители большинства европейских стран схожи между собой в запросе к государству на сокращение доходного неравенства, но различаются в оценке успехов этого процесса.

Подводя итоги, отметим, что проблема социальных неравенств остро стоит сегодня для российского общества не только с точки зрения их объективной глубины, но и с точки зрения восприятия населением этой проблемы как особенно острой. Социальные неравенства представляют собой серьёзный вызов для государства, и население видит его основным актором решения этой проблемы. Дисбаланс между «идеалом» и «реальностью» при этом опасен снижением доверия к власти и её возможностям изменить ситуацию к лучшему. В этом отношении рост разрыва между ожиданиями и реальностью, как и тот факт, что Россия отличается от европейских стран по оценкам действий государства в негативную сторону, вызывают особое беспокойство.

Динамика ситуации при этом свидетельствует, что потенциал использования неравенств как стимула продуктивности постепенно сокращается: за последние пять лет произошло снижение толерантности как к тем основаниям неравенств, которые ранее представлялись населению скорее легитимными, так и к различным проявлениям немонетарных неравенств, основанных на неравенстве доходов. Это может оказать негативное влияние на возможности решения стратегической задачи, поставленной перед страной – «прорывного» развития. С другой стороны, толерантность большинства россиян к легитимным, в их представлениях, неравенствам, основанным на различиях в квалификации, усилиях и результатах, пока всё же доминирует в российском обществе, и это может позволить реализовать продуктивную, стимулирующую роль неравенства. Однако такое развитие событий возможно только при включении в повестку дня задачи трансформации неравенств в меритократические, легитимные и продуктивные.

Библиографический список

Аникин В. А., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и неравенство в странах БРИКС: российская специфика // Общество и Экономика. № 1. С 78–144.

Гимпельсон В. Е., Монусова Г. А. 2014. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал Высшей школы экономики. Т. 18. № 2. С. 216–248.

Капелюшников Р. И. 2017. Неравенство: как не примитивизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.

Косова Л. Б. 2016. В каком обществе мы живем? Анализ факторов, определяющих массовый выбор, на примере восприятия социальной структуры // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. Т. 123. № 3–4. С. 43–52.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России: Социология, Этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Миланович Б. 2017. Глобальное неравенство. Новый подход для эпохи глобализации. М.: Изд-во Института Гайдара. 336 с.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. 2016. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 31. № 3. С. 170–185.

Пикетти Т. 2015. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем. 177 с.

Салмина А. А. 2007. Запрос россиян на сокращение неравенства и факторы его формирования в сравнении с другими европейскими странами // Власть. № 2. С. 27–37.

Стиглиц Д. 2015. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 511 с.

EBRD. 2017. Transition Report 2016–2017. Transition for all: Equal opportunities in an unequal world. European Bank for Reconstruction and Development, London.

Grusky D. 2011. The Stories About Inequality That We Love to Tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press. P. 1–13.

Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. 2016. An Economy for the 1%. How privilege and power in the economy drive extreme inequality and how this can be stopped. Oxfam Briefing Paper. Oxfam GB, Oxford, UK. URL: <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/an-economy-for-the-1-how-privilege-and-power-in-the-economy-drive-extreme-inequ-592643> [Дата посещения: 20.07.2018].

World Bank. 2016. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.527

Social Inequities and the Social Structure of Modern Russia as Perceived by the Population

Mareeva Svetlana Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Head of Center for Stratification Studies, National Research University “Higher School of Economics”; Leading researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: smareeva@hse.ru

Abstract. This article contains an analysis of the Russian population’s perception of modern Russian society’s social structure, together with those inequities which characterize the former, using as a basis materials from an all-Russian representative sociological study conducted by the Russian

Academy of Sciences' Institute of Sociology in 2018. It is revealed that the population is very sensitive to the problem of inequality: during recent years of crisis the problem has not only failed to fade into obscurity – the population has even become more sensitive to the issue. Revealed is a slow decrease in the potential for using inequality as motivation to boost productivity, since during the last five years there has been a reduction in Russian people's tolerance both towards the basis for inequality, which many were previously more inclined to consider legitimate, and towards various displays of non-monetary inequities which are based on unequal income. Given the current institutional conditions, the existing inequities are generally considered by the population to be unjust. An apparent gap between "ideal" and "actual" models of modern Russian society's social structure, as assessed by the Russian people, is indicative of an imbalance between the population's reality and expectations. All of this leads to an increasing demand for "equalizing" and revising the social structure model. On the other hand, despite an apparent negative dynamic in recent years, most Russians are still willing to tolerate legitimate (in their understanding) inequities, based on differences in qualification, effort and result, and this could be a key to inequalities bearing a productive and stimulating role after all. The population tends to direct its demand for decreasing inequality towards the government, which likens Russia to other European countries. However, given how people assess the effectiveness of how the government tends to this issue, Russia's population exhibits mostly negative evaluations. This means that social inequities currently pose a serious challenge for the government, since the outlined goals of "breakthrough" development for the country cannot be achieved without this problem being resolved.

Keywords: social inequality, social structure, perception of inequality, social justice, public demand for reducing inequality, role of state.

References

Anikin V. A., Tikhonova N. E. *Bednost' i neravenstvo v stranakh BRIKS: rossiyskaya spetsifika* [Poverty and inequality in BRICS: Notes on Russia]. *Obshchestvo i ekonomika*. 2016, no 1, pp. 78–144.

Gimpel'son V. E., Monusova G. A. *Vospriyatie neravenstva i sotsial'naya mobil'nost'* [Perception of Inequality and Social Mobility]. *Ekonomicheskiy zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2014, Vol. 18, no 2, pp. 216–248.

Kapelyushnikov R. I. *Neravenstvo: kak ne primitizirovat' problemu* [Inequality: how not to primitivize the problem]. *Voprosy ekonomiki*, 2017, no 4, pp. 117–139.

Kosova L. B. *V kakom obshchestve my zhivem? Analiz faktorov, opredelyayushchikh massovyy vybor, na primere vospriyatiya sotsial'noy struktury* [What kind of society we live in? Analysis of factors determining mass choice in case of social structures perception]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannie. Analiz. Discussii*, 2016, Vol. 123, no 3–4, pp. 43–52.

Mareeva S. V., Tikhonova N. E. *Bednost' i sotsial'nye neravenstva v Rossii v obshchestvennom soznanii* [Public perceptions of poverty and social inequality in Russia]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, Etnologiya*, 2016, Vol. 25, no 2, pp. 37–67.

Milanovich B. *Global'noe neravenstvo. Novyy podkhod dlya epokhi globalizatsii* [Global inequality: A new approach for the age of globalization]. Moscow, *Izd-vo Instituta Gaydara*, 2017. 336 p.

Ovcharova L. N., Popova D. O., Rudberg A. M. *Dekompozitsiya faktorov neravenstva dokhodov v sovremennoy Rossii* [Decomposition of income inequality in contemporary Russia]. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*, 2016, Vol. 31, no 3, pp. 170–185.

Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the twenty first century]. Moscow, *Ad Marginem*, 2015. 177 p.

Salmina A. A. *Zapros rossiyan na sokrashchenie neravenstva i faktory ego formirovaniya v sravnenii s drugimi evropeyskimi stranami* [Attitudes of the Russians towards income inequality and factors of their formation in comparison with other European countries]. *Vlast'*, 2007, no 2, pp. 27–37.

Stiglits D. *Tsena neravenstva. Chem rassloenie obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of inequality: How today's divided society endangers our future]. Moscow, *Exmo*, 2015. 511 p.

EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development, London, 2017.

Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press, 2011, pp. 1–13.

Hardoon D., Ayele S., Fuentes-Nieva R. An Economy for the 1%. How Privilege and Power in the Economy Drive Extreme Inequality and How This Can be Stopped. Oxfam Briefing Paper. Oxfam GB, Oxford, UK, 2016. URL: <http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/an-economy-for-the-1-how-privilege-and-power-in-the-economy-drive-extreme-inequ-592643> [date of visit: 20.07.2018].

World Bank. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC, World Bank, 2016.

Социология труда: жизненные планы настоящих и будущих работников

Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России

Темницкий Александр Лазаревич –
кандидат социологических наук,
доцент МГИМО (Университет) МИД России,
старший научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: a.temnitskiy@inno.mgimo.ru

Ценности жизненного успеха и их воплощение у работающего населения России

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.529

Аннотация. В статье актуализируется проблема достижения успеха в жизни работающего населения современной России. Предлагаемый подход направлен на поиск связей между представлениями об успехе и их воплощением в реальных практиках и оценках повседневной жизни. Информационной базой для анализа стали данные общероссийского опроса 4000 россиян, проведённого федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в мае 2017 г. На основе факторного анализа ценностных представлений об успехе в жизни выявлены шесть типологических категорий работников. Основное содержание статьи направлено на раскрытие связи этих категорий (факторов) с социально-демографическими характеристиками работников, моделями достижения успеха в трудовой и семейной сферах, в материальном благополучии, реализации жизненных планов и индивидуальных устремлений. Содержание связей обнаруженных факторов с построенными моделями показало, что утверждать о наполненности ценностных представлений об успехе в жизни можно лишь применительно к двум факторам из шести протестированных. Категория «новых консерваторов», возвышающая ценности интересной работы, семьи, надёжных друзей на фоне отрицания уравнилельной ценности «жить не хуже других», демонстрирует умеренный успех в работе и материальном благополучии, реализации жизненных планов. Категория «самодостаточных собственников», образованная на основе корреляций ценностей самостоятельности и важности владеть престижной собственностью на фоне отрицания ценности честно прожитой жизни, отличается от других не только более высоким размером личного дохода, наличием статусных признаков престижа (второе жильё, новый автомобиль), но и большей критичностью в оценках результатов своих достижений. Остальные факторы не получили содержательного подкрепления. В статье показано, что сочетание ценностей семьи, интересной работы, надёжных друзей с нежеланием «жить как все», воплощённое в факторе «новых консерваторов», может рассматриваться как наиболее надёжный и позитивный для личности и общества путь в достижении жизненного успеха работающего населения России.

Ключевые слова: жизненный успех, ценности, работа, семья, материальное благополучие, модели достижения, индивидуальные устремления, факторный анализ, работающее население

Понятие успеха в жизни, как и связанные с ним ценностные ориентиры, не являются продуктами русской культуры. Они завезены к нам с Запада и воплощают важнейшие ценности-цели капиталистического общества, олицетворяемые прежде всего в достижении денежного успеха. Не зря американские исследователи дают ему самое короткое и ёмкое определение: успех можно записать как «\$ucce\$\$» [Хубер 1995: 178]. Денежный успех в американском обществе формирует его ценностный консенсус, «становится общепринятой целью всякого действия» [Веблен 2011: 81], задаёт образцы поведения повседневной жизни, поскольку предполагается, что «денежный успех возможен для всех, независимо от общественного положения, и что борьба за успех является долгом каждого» [Мертон 2006: 291].

В русской духовной культуре успех относится к наименее значимым ценностям. Например, подчёркивается, что «успех-признание не только нравственно подозрителен, но даже оценивается как нечто безнравственное» [Тульчинский 1994: 14]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля термина «успех» нет, есть «успевать». Не идеология достижения успеха, а идеология служения «настолько укрепились в российском обществе, что сохранила своё значение и после революции» [Зарубина 2004: 29] и приобретает новое значение в современной России.

Постановка проблемы

Применительно к современной ситуации, инкорпорирование успеха в жизнь российского общества чаще всего обращено к молодёжи, её достигательным стратегиям. Стремление к успеху связывается с удовлетворением потребности в достижениях. Это, как правило, ориентация на будущее, на то, что требует ежедневного подтверждения, поскольку «вчерашний успех – уже не успех» [Бевзенко 2007: 149]. Ориентация на успех предполагает соревнование прежде всего с самим собой, может рассматриваться как разность между прошлым уровнем исполнения и настоящим [Абрамов 2010: 157]. Отмечая высокую степень устремлённости современной российской молодёжи на достижение успеха в жизни, исследователями чаще всего фиксируется тенденция его расхождения с соблюдением моральных принципов [Маршак, Рожкова 2015: 157], в результате чего формируется устойчивый стереотип, согласно которому жизненный успех и следование моральным нормам в современной России – вещи практически несовместимые [Петухов 2015: 28]. В исследованиях фиксируется, что «большинство молодёжи (65%) вынуждено признать, что их успех в жизни во многом зависит от умения закрыть глаза на собственные принципы –

Понятие успеха в жизни, как и связанные с ним ценностные ориентиры, не являются продуктами русской культуры. Они завезены к нам с Запада и воплощают важнейшие ценности-цели капиталистического общества, олицетворяемые прежде всего в достижении денежного успеха.

добиться успеха возможно, переступив моральные принципы и нормы» [Горшков, Шереги 2010: 9]. Молодёжью хорошо усваиваются ценности-цели, связанные с зарабатыванием денег любыми доступными путями и подкрепляемые необходимыми для этого предприимчивостью, связями и знакомствами с нужными людьми, и отторгаются ориентации на служение людям, следование долгу [Банникова, Воронина, Вишневецкий 2013: 65]. В декларировании способов достижения успеха не замечено значимых различий у представителей бедной и богатой части молодёжи. И те, и другие на первые места ставят предприимчивость и полагание на себя. Однако, например, длительное проживание в депривированных поселениях, в сельской местности заставляет приспособливаться к условиям жизни, направляет эти устремления в русло сложившихся стратегий выживания [Ярошенко 2006: 212–213].

Обращение к понятию «жизненный успех» не может, на наш взгляд, довольствоваться только изучением представлений о нём. Если по отношению к учащейся молодёжи это допустимо, так как говорить о достигнутом ещё рано, то в отношении других категорий (например, работающего населения) важно соотносить их представления об успехе с его воплощением в реальных практиках и оценках повседневной жизни, с состоявшимся уровнем материального положения, удовлетворённости разными сторонами жизни. Так, применительно к наёмным работникам, слагаемые жизненного успеха могут быть сведены к трём: хорошему доходу, уверенности в занятости и возможности изменить свою жизнь (семью) к лучшему в ближайшем будущем [Темницкий 2011: 29]. Предполагается, что и сами представления об успехе работающих граждан будут наполнены более реальным содержанием по сравнению с неработающими (студентами, пенсионерами, безработными). Они не исключают ориентаций на его достижение в будущем, но эти ориентации опираются на то, что есть, что сложилось, что реально достижимо.

Исходя из данных соображений, в качестве эмпирического объекта исследования рассматривается работающее население России, те его категории, которые на момент опроса имели оплачиваемую работу.

Информационной базой для анализа стали данные общероссийского репрезентативного опроса 4000 респондентов, проведённого федеральным научно-исследовательским социологическим центром РАН в мае 2017 г.

Интерпретация понятия «жизненный успех» не может быть однозначной, изначально сводимой к деньгам, богатству, власти. Его объём так же, как и подходы к его интерпретации и измерению, весьма многомерен. Можно следовать теории выделения терминальных и инструментальных ценностей [Rokeach 1973], и тогда активная деятельностная жизнь,

интересная работа, жизнь без материальных затруднений будут рассматриваться как терминально значимые ценности жизненного успеха, а независимость, эффективность в делах, высокая должность – как инструментальные. С учётом ситуации трансформирующегося российского общества можно определять рыночные маркеры успеха (самостоятельность, достигательность, конкурентность) в противовес маркерам традиционного общества (семья, надёжные друзья, жить не хуже других) [Ярошенко 2006]. Делаются попытки выделить коллективистские и индивидуалистские цели жизненного успеха [Латов, Латова 2018: 189].

Мы будем исходить из понимания, что жизненный успех как многомерное понятие включает главные смыслообразующие ценности-цели долговременного характера в труде, семейной и досуговой жизни, вдохновляющие человека к деятельностной активности по их достижению и закреплению, соотносясь с отношением к ним со стороны общества, других людей. Для работающего населения важно выявлять реально воплощаемые ценности жизненного успеха и ценности, остающиеся на уровне идеалов-представлений, мечты.

Операционализация приведённых выше положений предполагает поиск эмпирических референтов декларируемых ценностей жизненного успеха в сферах повседневной жизнедеятельности. Так, если в понятие жизненного успеха включается ценность интересной работы, то следует раскрыть содержание связей интересной работы как ценности с её наличием в реальной практике. Предполагается, что указания на те или иные значимые ценности жизненного успеха не являются «пустыми», если они будут сопровождаться более высоким уровнем их воплощения в оцениваемых ситуациях по сравнению с теми, для кого эти ценности не имеют особого значения. Таким образом, предлагаемый подход имеет позитивистски ориентированный характер, достоверность которого будет определяться наличием статистически значимых связей при проверке гипотез.

Понятийная и факторная структуры жизненного успеха

Основанием для анализа стали ответы респондентов на вопрос о том, что они включают в понятие «жизненный успех». Ответы на этот вопрос уже анализировались в свете реализации проекта «Столицы и регионы современной России: 15 лет спустя». Было установлено, что жители столиц и регионов сходятся в признании семьи и интересной работы как ключевых элементов жизненного успеха и расходятся в отношении остальных [Мареева 2018: 169–170].

Наш анализ других объективных факторов, оказывающих наибольшее влияние на ответы работающего населения, привёл к обнаружению высокой роли размера личного дохода и наличия высшего образования. С доходом более медианного значения (19 тыс. руб.), а также при наличии высшего образования возрастают значения как консервативных ценностей («интересная работа», «наличие надёжных друзей»), так и имеющих для российского общества инновационное значение («получение от жизни ярких впечатлений» и «возможность быть самому себе хозяином»). При этом снижается значение уравнилельной ценности: «возможности жить не хуже других». Кроме того, наличие высшего образования способствует снижению роли богатства и наличия престижной собственности в представлениях о жизненном успехе (см. таблицу 1).

Таблица 1

Ценности жизненного успеха в представлениях работающих россиян в зависимости от размера личного дохода и наличия высшего образования, %*

Ценности жизненного успеха	В целом	Размер личного дохода		Наличие высшего образования	
		Ниже медианы	Выше медианы	Нет	Есть
Наличие семьи и детей	67	67	68	65	72
Интересная работа	51	46	57	46	62
Наличие надёжных друзей	42	40	45	39	47
Уважение окружающих	37	39	35	36	39
Яркие жизненные впечатления	27	23	32	25	31
Честно прожитая жизнь	27	28	26	25	30
Возможность быть самому себе хозяином	26	22	29	27	26
Возможность жить не хуже других	26	31	24	29	21
Богатство	16	16	16	17	11
Высокая должность	14	13	16	14	15
Наличие престижной собственности (иномарка, коттедж и т. п.)	12	12	12	14	8
Быть первым во всём, что кажется важным	10	9	11	10	10
Достижение известности, популярности	6	7	5	7	5
Победа над своими врагами	5	5	5	6	4
Обладание властью	5	5	5	5	4
Количество ответивших	2741	1262	1309	1770	971

*Сумма процентов превышает 100, т. к. была возможность выбора нескольких вариантов ответа.

Характерно, что среди работников, имеющих высшее образование, две трети получают доход выше медианного, тогда как среди не имеющих – только 42%. Выявленные различия позволяют сделать предварительное обобщение: при наличии более высокого дохода и высшего образования снижается роль материальной составляющей (богатства и престижной собственности) в представлениях о жизненном успехе. Однако не было выявлено какой-то особой молодёжной специфики в иерархии ценностей жизненного успеха, за исключением того, что ценность честно прожитой жизни у молодых работников до 30 лет оказалась на 10-м месте по сравнению с 6-м в среднем по выборке.

Более чёткую картину соотношения ценностей жизненного успеха позволяет получить факторный анализ. Выявленные шесть факторов в совокупности, объясняющие 51% дисперсии значений тестируемых переменных, были признаны нами как достаточно удовлетворительные по числу и по возможности их интерпретации после процедуры вращения (см. таблицу 2).

Таблица 2

**Факторная структура ценностей жизненного успеха
у работающего населения России**

(метод главных компонент, вращение Varimax, факторные нагрузки*)

Компоненты	Факторы, %**					
	1-10,1	2-8,7	3-8,6	4-8,3	5-7,9	6-7,4
Достижение известности, популярности					0,702	
Уважение окружающих					0,422	-0,539
Наличие семьи и детей		0,385	-0,450			
Интересная работа		0,555				
Возможность быть самому себе хозяином				0,714		
Быть первым во всём, что кажется важным			0,563		0,406	
Высокая должность	0,637					
Победа над своими врагами			0,744			
Обладание властью	0,445					
Яркие жизненные впечатления						0,796
Наличие престижной собственности				0,589		
Богатство	0,693					
Наличие надёжных друзей		0,355		-0,308		
Честно прожитая жизнь				-0,510		
Возможность жить не хуже других		-0,754				

*Факторные нагрузки оценивают силу влияния (связи) каждого компонента и фактора. Диапазон изменения факторной нагрузки: от -1 (отрицательная связь) до 1 (функциональная связь). Указываются нагрузки с величиной более 0,3. Жёлтым цветом выделены положительные, красным – отрицательные значения коэффициентов корреляции.

**Указывается номер фактора и уровень его информативности в % по отношению к тестируемым компонентам.

Первый, наиболее информативный фактор (10,1%), имеющий наивысшие факторные нагрузки с ценностями богатства, высокой должности и обладания властью, может быть назван фактором *материальных прагматиков*. Все последующие факторы не различаются по уровню информативности, но имеют принципиально различное содержание.

Второй фактор, образованный на основе корреляций ценностей семьи, интересной работы и надёжных друзей на фоне отрицательных связей с уравнительной ценностью «жить не хуже других», может быть назван фактором *новых консерваторов*. Как было выявлено, ценности «семья», «интересная работа» и «надёжные друзья» образуют первую тройку ведущих ценностей в представлениях жизненного успеха. Они могут быть названы консервативными, так как сохраняют своё универсальное значение и выполняют позитивные функции в поддержке стабильности любого общества. Выявленные отрицательные корреляции с ценностью, характерной для традиционного общества («жить не хуже других») придают им новое качество, поскольку показывают, что при определённых условиях явно консервативные ценности могут быть обратными стремлению быть похожим на других и демонстрировать свой достигательный потенциал.

Третий фактор, указывающий на первостепенное значение ценностей соперничества и состязательности («победа над своими врагами» и «быть первым во всём») на фоне отрицательных связей с наличием семьи и детей, может быть назван фактором *лидеров-индивидуалистов*. Образующие данный фактор ценности являются малораспространёнными среди работающего населения России, но могут играть определяющую роль при внедрении инноваций.

Четвёртый фактор, образованный на основе корреляций ценности самостоятельности («быть самому себе хозяином») и важности владения престижной собственностью на фоне расхождения с соблюдением моральных принципов («честно прожитая жизнь») приближается к идее денежного успеха, зафиксированного в приведённых исследованиях молодёжи. С учётом образующих его главных компонент он может быть назван фактором *самодостаточных собственников*.

Третий и четвёртый факторы, несмотря на различное содержание, имеют общий принцип. Это прежде всего их явно выраженный индивидуалистический характер, ориентация на свой личный успех при игнорировании важности окружающего социума («наличие друзей, семьи»), традиционных моральных принципов («честная жизнь»). Эти факторы адекватны современной России. Напротив, выявленные пятый и шестой факторы выходят за пределы современности и приближаются к возвышению роли постиндустриальных ценностей.

Пятый фактор возвышает ценности известности и популярности, дополняемые важностью признания («уважение окружающих людей»). Его можно назвать *фактором ценителей славы и признания*.

Шестой фактор основывается на максимальном возвышении постмодернистской ценности получения ярких впечатлений от жизни на фоне отрицания ценности семьи и детей. Он может быть назван фактором *ценителей ярких впечатлений* в жизни. Все названия носят предварительный характер. Их уточнения могут быть даны по результатам анализа.

В какой мере образованные факторы наполняются реальным содержанием и фактами, подтверждающими их достижения, а в какой они остаются иллюзорными представлениями о желаемом, но далёком от реальной жизни состоянии?

Для ответа на этот вопрос было проведено ранжирование сохранённых факторов в качестве новых переменных по методу квартильного разбиения, проведена внутренняя валидизация факторов, выявлен квартиль, раскрывающий их максимальное выражение, построены модели достижения успеха в основных сферах жизнедеятельности и актуальных для оценки ситуациях (работа, семья, материальное положение, достижения в целом), раскрыта их связь с выявленными факторами.

Проверка внутренней валидности проводилась посредством построения таблиц сопряжённости выявленных факторов, сохранённых в качестве новых переменных, с исходным набором 15-ти измеряемых ценностей успеха. В результате было определено, что максимальное выражение, соотносимое с содержанием фактора, сконцентрировано в верхнем (четвёртом) квартиле. Так, например, по фактору *ценителей ярких впечатлений* выявлено, что доля выраженности этой ценности в верхнем квартиле составила 91%, тогда как в нижнем – 0,2% и, напротив, доля ценности уважения окружающих в нижнем – 84%, а в верхнем снизилась до 22%. Полученные результаты проверки позволяют в дальнейшем анализе использовать только верхний, самый выразительный квартиль результата факторного анализа.

Социально-демографические характеристики факторов

Прежде чем обратиться к содержательному анализу, определим, имеются ли какие-либо различия факторов по социально-демографическим характеристикам. Выяснилось, что фактор *материальных прагматиков* отличается от других более высокой представительностью мужчин, молодёжи, рабочих и меньшей – лиц с высшим образованием. Уже эти факты предполагают, что представления о жизненном успехе как сосредоточии богатства, высокой должности и власти обращены в будущее, являются желаемыми, возможно, отражают направленность адаптационной активности, но вряд ли они сопровождаются определёнными результатами. Фактор

новых консерваторов отличается от других меньшей представительностью мужчин, рабочих и столичных жителей, но существенно большей – лиц с высшим образованием. Характерно, что ценность семьи, участвующая в образовании данного фактора, не получила своего значимого выражения и не отличается по представительности от других факторов, за исключением *лидеров-индивидуалистов*. Последние как раз больше всего и отличаются от других меньшей долей респондентов, состоящих в браке, что не удивительно, поскольку отрицательные корреляции с наличием семьи являлись одним из факторообразующих признаков. Главным отличительным признаком фактора *самодостаточных собственников* является большая представительность в нём столичных жителей. Не замечено существенных отличий по социально-демографическим характеристикам у представителей факторов *ценители славы и признания* и *ценители ярких впечатлений*, что способствует предположению об иллюзорности (невоплотимости) данных представлений об успехе для работающего населения. Другим предварительным выводом по результатам социально-демографической характеристики выявленных факторов может стать предположение об отсутствии дифференцирующего потенциала ценности семьи, которая по своему релевантному показателю (состояние в браке) примерно в равной мере представлена во всех факторах, а, следовательно, может рассматриваться как равнодействующая ценность (см. таблицу 3).

Таблица 3

**Представительность различных
социально-демографических характеристик работающего населения
в зависимости от принадлежности к фактору (верхний квартиль – %)**

Факторы	Мужчин	До 30 лет	С высшим образованием	В браке	Рабочих	Столичных жителей
В целом по выборке	52	20	35	65	38	11
Материальные прагматики	56	26	29	63	45	10
Новые консерваторы	46	26	44	66	28	7
Лидеры-индивидуалисты	46	22	39	60	34	14
Самодостаточные собственники	48	20	38	65	35	19
Ценители славы и признания	49	18	32	66	36	9
Ценители ярких впечатлений	55	17	34	67	40	13

Рассмотрим последовательно признаки воплощения факторизованных ценностей жизненного успеха в основных сферах повседневной жизни.

Стремление к успеху, его результаты воплощаются прежде всего в достигнутом уровне жизни, материальном благополучии. Попытаемся увидеть, как ценностные представления об успехе в жизни, закреплённые в выявленных факторах, соотносятся с различными показателями материального благополучия работающего населения.

Материальное благополучие

Признаки материального благополучия находят отражение во всех факторах, но прежде всего в таких, как «материальные прагматики» и «самодостаточные собственники». Можно предположить, что возвышение ценности богатства («материальные прагматики») и наличие престижной собственности («самодостаточные собственники») как критериев успеха, если следовать логике реализации потребности в достижениях, должны сопровождаться более высокой частотой указаний на наличие таких атрибутов длительного пользования, как второе жильё (квартира, зимний дом, апартаменты), новый автомобиль-иномарка, крупные сбережения, высокие доходы, а также позитивных оценок в изменении материального положения и перспектив его улучшения в ближайший год.

Результаты дополнительного¹ анализа показали правоту данной гипотезы в отношении тех категорий респондентов, которых можно назвать «самодостаточными собственниками». Детальный анализ распределений значений по данному фактору показал, что с переходом от нижнего квартиля к верхнему происходит прирост долей респондентов, имеющих второе жильё (с 3 до 6%), автомобиля-иномарки 1–7 лет (с 17 до 27%). Напротив, у представителей фактора «материальных прагматиков» происходит, пусть и незначительное, снижение доли имеющих второе жильё, не обнаруживается связи с наличием автомобиля-иномарки. Также замечено, пусть и не столько значительное, как у «самодостаточных собственников», повышение долей респондентов, имеющих второе жильё, автомобиль-иномарку, и более значительное – имеющих сбережения, достаточные, чтобы прожить не менее года (с 8 до 13%) у «новых консерваторов». Таким образом, полученные данные ещё раз подтверждают гипотезу, что представления о жизненном успехе как сосредоточии богатства, высокой должности и власти выражают лишь устремления, но не результаты их достижения.

¹ Дополнительный анализ таблиц произведён с указанием распределений в динамике перехода от нижнего квартиля к верхнему. Поскольку такие таблицы носят громоздкий характер, представить их в статье не представляется возможным.

О достижении относительного материального благополучия можно утверждать, если по субъективным оценкам подчёркивается, что за последний год произошло улучшение материального положения и высказывается оптимистический прогноз по его улучшению в следующем году. На таком соотношении ответов была вычислена типологическая категория респондентов, в которой выделяются значения: 1) улучшения, 2) отсутствия изменений и 3) ухудшения в настоящем и ближайшем будущем. Среди работающего населения доля отметивших улучшение материального положения существенно уступает доли отмечавших ухудшение (17 и 29%). Это же характерно и для всех факторов (см. таблицу 4).

Таблица 4

**Средний размер личного дохода
и оценка изменений материального положения и его перспектив
у работающего населения в зависимости от принадлежности к фактору
(верхний квартиль – %)**

Факторы	Доход, тыс. руб.	Оценка изменений материального положения и его перспектив		
		Улучшение	Без изменений	Ухудшение
В целом по выборке	27,4	17	54	29
Материальные прагматики	28,7	19	49	32
Новые консерваторы	28,9	21	50	29
Лидеры-индивидуалисты	28,8	21	51	28
Самодостаточные собственники	30,6	17	49	34
Ценители славы и признания	26,8	18	54	28
Ценители ярких впечатлений	28,5	19	53	28
Количество ответивших	2582	243	771	412

Наименьшая разница между оценками ухудшения и улучшения материального положения зафиксирована у представителей фактора «новых консерваторов» и «лидеров-индивидуалистов». Однако это следует рассматривать скорее как проявление оптимистического настроения, поскольку размер их личного дохода уступает «самодостаточным собственникам». Последние при более высоком доходе реже указывают на улучшение материального положения и чаще – на ухудшение.

Таким образом, проведённый анализ материального благополучия во взаимосвязи с факторами жизненного успеха показал достаточный потенциал его реального достижения у тех категорий респондентов, которых мы назвали «самодостаточными собственниками», и отсутствия такового у тех, кого мы назвали «материальными прагматиками». Также были выявлены достаточные предпосылки для того, чтобы в разряд реальных достижителей успеха включить «новых консерваторов».

Среди работающего населения доля отметивших улучшение материального положения существенно уступает доли отмечавших ухудшение (17 и 29%).

Предполагается, что ещё более реалистичную картину потенциала достижения успеха может раскрыть обращение к сфере профессиональной деятельности и повседневного труда, а также оценки семейной ситуации.

Работа и семья

Из тестируемых компонентов жизненного успеха, связанных с работой, релевантным для анализа является *ценность интересной работы*, участвовавшая на первых ролях в образовании фактора «новых консерваторов». Предполагается, что данный фактор будет чаще, по сравнению с другими, связан с наличием интересной работы и чувством гордости за свою профессию. О достижении успеха в этом смысле можно утверждать при удовлетворённости содержанием труда и наличии чувства гордости за профессию. Также важно посмотреть, в какой мере ценность высокой должности как критерия жизненного успеха получает здесь своё воплощение.

Между чувством гордости за свою профессию и удовлетворённостью содержанием труда существует достаточно тесная устойчивая связь (коэф. Крамера – 0,303). Это позволило вычислить типологическую категорию респондентов, которые дали утвердительные ответы «да» на оба вопроса в отличие от всех остальных, которые не смогли этого сделать. Последним был причислен код ответа «нет». Об удовлетворённости содержанием выполняемой работы (уровнем её разнообразия) вкупе с испытываемым чувством гордости по отношению к своей профессии можно говорить применительно к одной трети работающего населения. Объективные характеристики респондентов, которые дали ответы «да», отличаются наличием более высокой занимаемой должности (среди руководителей и специалистов с высшим образованием таковых 52%), более высокого уровня образования (среди имеющих высшее образование – 48%), размером личного дохода (более 30 тыс. руб. – 37%), проживанием в областных городах и райцентрах (34%). Применительно к выявленным факторам о воплощении ценности интересной работы можно говорить только в отношении «новых консерваторов» (40%) и «лидеров-индивидуалистов» (39%). Связь между принадлежностью к «новым консерваторам» и наличием интересной работы сохраняется и при элиминировании роли высшего образования. Выявлено, что у респондентов, не имеющих высшего образования, с переходом от первой квартили к четвёртой последовательно повышается удовлетворённость содержанием труда и чувство гордости за профессию. Таким образом, указанная выше гипотеза получила своё подтверждение. Можно утверждать о воплощении в реальной ситуации ценности интересной работы, декларируемой в представлениях об успехе.

Совсем по-другому обстоит дело с *ценностью семьи*. Вычисленная по аналогичному принципу категория респондентов, считающих, что семейная ситуация по сравнению с докризисным периодом 2010–13 гг. улучшилась, и одновременно испытывающих гордость за свою семью, может рассматриваться как признак достижения в семейной сфере жизни. Её доля составляет менее одной трети (29%) от числа опрошенных работников и в большей мере присуща таким категориям, как руководители (40%), находящиеся в законном браке и имеющие более 3-х работающих членов семьи (34%). Однако применительно к выявленным факторам нельзя утверждать о различиях в оценке семейной ситуации, за исключением «лидеров-индивидуалистов», у которых отрицательная корреляция с наличием семьи вошла в состав признаков образования фактора (см. таблицу 5).

Таблица 5

Оценки содержания труда и семейной ситуации у работающего населения в зависимости от принадлежности к фактору (верхний квартиль – %)

Факторы	Удовлетворены содержанием труда и гордятся профессией		Считают, что семейная ситуация улучшилась, и гордятся семьёй	
	Да	Нет	Да	Нет
В целом по выборке	32	68	29	71
Материальные прагматики	28	72	33	67
Новые консерваторы	40	60	31	69
Лидеры-индивидуалисты	39	61	34	66
Самодостаточные собственники	32	68	30	70
Ценители славы и признания	34	66	29	71
Ценители ярких впечатлений	31	69	31	69
Количество ответивших	892	1860	783	1969

Возможно, что более высокие оценки изменений в семейной ситуации, связываемые с принадлежностью фактору «лидеров-индивидуалистов», явились результатом их более высоких оценок своих достижений в целом, стремлению завышать их без видимых на то оснований. Напомним, что этот фактор образовали ценности «победы над врагами» и «быть во всём первым». Таким образом, отсутствие видимых связей фактора «новых консерваторов», так же как и других факторов с реальными достижениями в семейной сфере, ещё раз подчёркивает равнодействующую для всех роль ценности семьи.

Достижения и индивидуальные устремления

Несомненно, что успех в жизни связывается прежде всего с различными достижениями. Предложение респондентам подвести итог реализации своих жизненных планов

позволил увидеть результаты достижения у разных социальных групп и типологических категорий. Усиливающим моментом в фиксации состояния успеха может стать чувство гордости за достигнутое. С учётом соотношения ответов на эти вопросы были вычислены две типологические категории: добившихся всего (либо многого) в реализации жизненных планов и испытывающих гордость за свои достижения и тех, кто не смог ответить об этом утвердительно (во вторую категорию также включались респонденты, считающие, что им ещё рано подводить итоги). Состояние общего успеха в реализации жизненных планов характерно для 26% работающего населения. Чаще других о своих достижениях вкуче с испытываемым чувством гордости за них утверждают руководители, специалисты с высшим образованием, военные, работники МВД, представители старшей возрастной группы работников. Достижения в частных сферах (труде, семейной ситуации) также существенно способствуют повышению состояния общего успеха. Менее выразительными оказались различия в оценках достижений в зависимости от факторной принадлежности. Сравнительно высокими оказались лишь оценки достижений у «новых консерваторов» (см. таблицу 7).

Напротив, более низкие оценки достижений были обнаружены у представителей фактора «самодостаточных собственников», что противоречит ранее обнаруженному высокому потенциалу достижения данной категории в оценках материального благополучия. Дополнительный анализ показал, что представителям фактора «самодостаточных собственников» чаще свойственно указывать на то, что им ещё рано подводить итоги.

Не являются ли в этом случае более возвышенные ответы «новых консерваторов» следствием их меньшей притязательности, успокоенности достигнутым? Постановка такого вопроса предполагает выявление связей между оценками достигнутого и потенциалом настроения на деятельностную активность. Иначе говоря, при такой направленности анализа мы делаем попытку перейти от раскрытой модели состояния успеха к модели его действенного продолжения.

В качестве показателей потенциала деятельностной активности могут рассматриваться признаки самоутверждающего поведения (ориентации на свои силы для обеспечения себя, своей семьи всем необходимым, инициативность и предприимчивость, активное отстаивание своих прав, возвышение личных интересов). По всем указанным показателям (см. таблицу 6) для работающих россиян характерно преобладание ориентации на себя по сравнению с ориентацией на других (государство, традиции, социум).

Состояние общего успеха в реализации жизненных планов характерно для 26% работающего населения. Чаще других о своих достижениях вкуче с испытываемым чувством гордости за них утверждают руководители, специалисты с высшим образованием, военные, работники МВД, представители старшей возрастной группы работников.

Для работающих россиян характерно преобладание ориентации на себя по сравнению с ориентацией на других (государство, традиции, социум).

Таблица 6

Показатели и распространённость ориентации на себя/на других по оценкам работающего населения, %*

Ориентация на себя		Ориентация на других	
Суждения			
Я смогу сам(-а) обеспечить себя и свою семью и не нуждаюсь в поддержке со стороны государства	55	Без поддержки со стороны государства мне и моей семье не выжить	45
Главное – это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, даже если оказываешься в меньшинстве	62	Главное – это уважение сложившихся обычаев, традиций	38
Нужно активно бороться за свои интересы и права	61	Нужно уметь приспосабливаться к реальности, а не тратить силы на борьбу с ней	39
Личные интересы – это главное для человека	66	Людям следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	34

*Указываются доли «скорее» и «полностью» согласных.

На основе ответов на данные вопросы был построен индекс индивидуальной устремлённости¹. О высоком уровне индивидуальной устремлённости можно говорить применительно к четверти работающих россиян (см. таблицу 7).

В наибольшей мере индивидуальная устремлённость характерна для работников с высшим образованием – 41%, инженеров – 32%, в наименьшей для военных (МВД) – 14%, работников бюджетной сферы со средним образованием – 17%. Повышает уровень индивидуальной устремлённости принадлежность к мужскому полу (29%) и к молодёжи до 30 лет (31%). Между тем он незначительно различается у работников, проживающих в столицах (27%) и регионах (24%). В большей мере повышению ориентации на самоутверждающее поведение способствуют более высокие личные доходы (выше медианы – 29%) и ощущение перспектив в изменении материального положения (28%).

По оценкам взаимосвязи факторов и уровня индивидуальной устремлённости наибольшее значение данного индекса было выявлено у «материальных прагматиков» (36%). Ранее было показано, что возвышение ими ценностей богатства, высокой должности и власти не получает реального воплощения. Более высокий уровень индивидуальной устремлённости у них

¹ Для построения индекса ответам, символизирующим ориентацию на других, присваивался код 0, ориентацию на себя -1. Максимальное значение индекса, вычисленное по методике шкалы суммарных оценок, 4, минимальное -0. Полученные значения были преобразованы в три группы: 1) низкий уровень индивидуальной устремлённости (баллы 0–1), средний (2–3 балла), высокий (4 балла).

является дополнительным объяснением тому, что возвышение богатства, высокой должности является, скорее, представлением о желаемом состоянии, чем результатом достижений. Отличающая данный фактор представительность молодых мужчин, инженеров и рабочих и их высокая ориентация на самоутверждающее поведение демонстрируют преимущественно весьма актуальную для развития общества направленность деятельностной активности данных категорий работающего населения, но не результаты достижений.

Таблица 7

Оценки достижений в реализации жизненных планов и уровни индивидуальной устремлённости у работающего населения в зависимости от принадлежности к фактору (верхний квартиль – %)

Факторы	Добились всего либо многого и гордятся своими достижениями		Уровень индивидуальной устремленности		
	Да	Все остальные	Низкий	Средний	Высокий
В целом по выборке	26	74	24	51	25
Материальные прагматики	26	74	17	47	36
Новые консерваторы	32	68	21	56	22
Лидеры-индивидуалисты	30	70	25	46	29
Самодостаточные собственники	22	78	22	50	28
Ценители славы и признания	30	70	20	52	28
Ценители ярких впечатлений	25	73	26	52	22
Количество ответивших	712	2040	658	1408	686

В заключение рассмотрим связь выявленных факторов, разработанных реальных моделей проявления успеха, а также анализируемых социально-демографических характеристик работающего населения с чувством счастья, поскольку без «привязки» к концепту счастья представления и ощущения успеха будут страдать незавершённостью. Ответы респондентов на вопрос о том, считают ли они себя счастливыми людьми, показал, что 78% отвечают на этот вопрос утвердительно (по сумме ответов «безусловно» и «скорее всего да»). Что же придаёт уверенность таким ответам? Из социально-демографических характеристик респондентов этому чувству больше всего способствует наличие высшего образования (86% из них чувствуют себя счастливыми людьми против 14% не ощущающих этого). Ещё больше чувство счастья возрастает при наличии высшего образования, дополненного более высоким доходом (выше медианного значения – 88%). Включённые в анализ две модели

Молодые мужчины, инженеры и рабочие и их высокая ориентация на самоутверждающее поведение демонстрируют преимущественно весьма актуальную для развития общества направленность деятельностной активности данных категорий работающего населения.

успеха: изменения в семейной ситуации с чувством гордости за семью и удовлетворённость содержанием труда с чувством гордости за профессию при их позитивном наполнении также способствуют произрастанию чувства счастья (88 и 90% соответственно). Обобщающая модель достижения при утверждениях, что в реализации жизненных планов удалось добиться всего или многого и испытании гордости за достигнутое, повышает чувство счастья до 90%. Но более всего способствует росту ощущений счастья достигнутый уровень материального благополучия и оптимизм в его улучшении – 96%. Что же касается связи с факторами, то лишь по одному из них удалось выявить значимый прирост чувства счастья. Ему способствует фактор «самодостаточных собственников», т. е. тех категорий, которые подчёркивают важность быть самому себе хозяином, владеть престижной собственностью – 83%.

Таким образом, чувство счастья работающих россиян имеет преимущественно материальное содержание, пропитано ценностями и достижениями, связанными с уровнем материального благополучия, что может рассматриваться как отражение процесса незавершённой адаптации.

Заключение

В качестве критерия, позволяющего определять, в какой мере выявленные факторы жизненного успеха наполняются реальным содержанием, а в какой они остаются иллюзорными представлениями о желаемом, рассматривался их потенциал различать ответы респондентов. Для раскрытия проявлений успеха были созданы модели его возможного воплощения в работе, семейной ситуации, достижении материального благополучия, реализации жизненных планов, в индивидуальных устремлениях.

Связь обнаруженных факторов с построенными моделями показала, что утверждать о наполненности реальным содержанием достигнутого успеха можно лишь применительно к двум факторам из шести протестированных. Категория «новых консерваторов», возвышающая ценности интересной работы, семьи, надёжных друзей на фоне отрицания уравнительной ценности «жить не хуже других» демонстрирует умеренный успех в работе и материальном благополучии, реализации жизненных планов. Её явным отличительным социально-демографическим признаком является большая представительность работников с высшим образованием.

О реальном воплощении можно также утверждать применительно к фактору «самодостаточных собственников». Образованный на основе корреляций ценности самостоятельности (быть самому себе хозяином) и важности владеть пре-

Ответы респондентов на вопрос о том, считают ли они себя счастливыми людьми, показал, что 78% отвечают на этот вопрос утвердительно. Более всего способствует росту ощущений счастья достигнутый уровень материального благополучия и оптимизм в его улучшении – 96%.

стижной собственностью на фоне расхождения с соблюдением моральных принципов (честно прожитая жизнь), этот фактор отличается от других не только более высоким размером личного дохода, наличием статусных признаков престижа (второе жилье, новый автомобиль), но и большей критичностью в оценках результатов своих достижений. Следует подчеркнуть, что его главным отличительным признаком является большая представительность столичных жителей.

Все остальные протестированные факторы не получили реального воплощения в оцениваемых ситуациях и могут рассматриваться как отражение ценностных представлений об успехе в жизни, но не его реальное достижение.

Отдельно следует раскрыть роль фактора «материальных прагматиков», который оказался наиболее информативным по отношению к ценностям жизненного успеха работающего населения. Категория стоящих за ним работников отличается от других более высокой представительностью молодых мужчин, рабочих без высшего образования. Возвышаемые ими ценности богатства, высокой должности, обладания властью не нашли своего реального подтверждения в оцениваемых ситуациях. Однако по показателям индивидуальной устремленности (ориентация на свои силы для обеспечения себя, своей семьи всем необходимым, инициативность и предприимчивость, активное отстаивание своих прав, возвышение личных интересов) они оказались впереди представителей остальных факторов.

В целом выполненный анализ позволяет утверждать, что сочетание ценностей семьи, интересной работы, надёжных друзей с нежеланием жить как все, воплощённое в факторе «новых консерваторов», не только наполняется отличительным содержанием, но и может рассматриваться как наиболее возможный и позитивный для личности и общества путь в достижении жизненного успеха работающего населения России.

Библиографический список

Абрамов К. В. 2010. Социально-психологические возможности молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 6. С. 143–150.

Банникова Л. Н., Воронина Л. Н., Вишневецкий Ю. Р. 2013. Новые явления в ценностных ориентациях уральских студентов // Социологические исследования. № 2. С. 58–68.

Бевзенко Л. 2007. Жизненный успех, ценность, стили жизни // Социология: теория, методы, маркетинг. № 4. С. 132–251.

Веблен Т. 2011. Теория праздного класса / Пер. с англ. Общ. ред. В. В. Мотылева. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ. 386 с.

Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010. Ценностные ориентации, нравственные установки и гражданская активность молодежи // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 5–36.

Зарубина Н. Н. 2004. Бизнес в зеркале русской культуры. М.: Анкил. 306 с.

Латов Ю. В., Латова Н. В. 2018. Ценностно-мировоззренческая специфика жителей столиц и регионов // Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир. С. 178–203.

Маршак А. Л., Рожкова Л. В. 2015. Жизненный успех в представлениях российской молодежи // Социологические исследования. № 8. С. 157–160.

Мареева С. В. 2018. Жизненные цели жителей столиц и регионов и возможность их достижения // Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя. М.: Весь Мир. С. 159–177.

Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель. 873 с.

Петухов В. В. 2015. Российская трансформация и общественная мораль // Социологические исследования. № 12. С. 28–40.

Темницкий А. Л. 2011. Пути становления эффективного работника-партнера // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). Том 3. № 1. С. 28–49.

Тульчинский Г. Л. 1994. Российский духовный опыт и проблема успеха // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Тюмень-Москва. Вып. 3. С. 12–16.

Хубер Р. 1995. Почему люди стремятся преуспеть / Пер. с англ. И. В. Бакштановской // Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Тюмень-Москва. Вып. 4. С. 171–189.

Ярошенко С. С. 2006. Поколение NEXT. Границы жизненного успеха молодых селян при капитализме // Журнал исследований социальной политики. Том 4. № 2. С. 205–214.

Rokeach M. 1973. The nature of human values. N.Y.: Free Press. 438 p.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.529

Life Success Values and Their Fulfillment for Russia's Working Population

Temnitsky Alexander Lazarevich

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Moscow State University of International Relations of the MFA of the Russian Federation; Senior Researcher, Institute of Sociology Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: a.temnitskiy@inno.mgimo.ru

Abstract. This article actualizes such an issue as members of modern Russia's working population attaining success in life. The proposed approach is aimed towards searching for links between descriptions of success and their fulfillment in actual practices and evaluations of everyday life. Data from an all-Russian survey conducted by the Russian Academy of Sciences' federal sociological science and research center in May of 2017, with 4000 Russians polled in total, was used as an informational basis for analysis. Six typological categories of workers were identified based on a factor analysis of value perceptions of success in life. The content of this article is primarily focused on revealing the link between these categories (factors) and workers' socio-demographical characteristics, models for achieving success in the field of labor and family, in terms of material prosperity, fulfilling life goals and personal aspirations. The content of the links between the factors discovered and the models constructed reveals that only two factors among the six tested can be considered to bear actual substance in terms of success in life. People belonging to the "new conservative" category, who elevate such values as an interesting job, family, trustworthy friends, while denying such an egalitarian value as "living just as well as everyone else", showcase modest success in work, material prosperity and fulfilling their goals in life. The category "self-sustained proprietors", which is based on the correlation between values of independence and the importance of owning prestigious property while denying such a value as "going through life while staying honest", is separated from other categories not only by a higher level of personal income together with prestigious attributes (such as a second home or a new car), but also by a higher degree of criticism when it comes to one's accomplishments. The remaining factors were not substantiated. This article reveals that the combination of such values as family, an interesting job, trustworthy friends and a reluctance to "live just like everyone else", embodied in the "new conservative" category, can be considered the most reliable and positive path both for an individual and for society in terms of achieving life success for Russia's working population.

Keywords: life success, values, work, family, material well-being, models of achievement, individual aspirations, factorial analysis, working population.

References

Abramov K. V. Sotsial'no-psikhologicheskie vozmozhnosti molodezhi [Socio-psychological opportunities for young people]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, 2010, no 6, pp. 143–150 (in Russ.).

Bannikova L. N., Voronina L. N., Vishnevsky Yu. R. Novye yavleniya v tsennostnykh orientatsiyakh ural'skikh studentov [New phenomena in value orientations among students of Ural]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013, no 2, pp. 58–68 (in Russ.).

Bevzenko L. Zhiznenny uspek, tsennost', stili zhizni [Life success, value, life styles]. *Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing*, 2007, no 4, pp. 132–251 (in Russ.).

Gorshkov M. K., Sheregi F. E. TSennostnye orientatsii, нравstvennye ustanovki i grazhdanskaya aktivnost' molodezhi []. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2010, no 1, pp. 5–36 (in Russ.).

Khuber R. Pochemu lyudi stremyatsya preuspet'. [Why do people strive to excel]. *Etika uspekha. Vestnik issledovateley, konsul'tantov i LPR, Tyumen'-Moskva*, 1995, no 4, pp. 171–189 (in Russ.).

Latov Yu. V, Latova N. V. Tsennostno-mirovozzrencheskaya spetsifika zhiteley stolits i regionov [Values and ideological specificity of residents of capitals and regions]. *Stolitsy i regiony v sovremennoy Rossii: mify i real'nost' pyatnadtsat' let spustya*. Moscow, Ves' Mir, 2018, pp. 178–203 (in Russ.).

Marshak A. L., Rozhkova L. V. Zhiznenny uspek v predstavleniyakh rossiyskoy molodezhi [Life success in the representations of Russian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 8, pp. 157–160 (in Russ.).

Mareeva S. V. Zhiznennye tseli zhiteley stolits i regionov i vozmozhnost' ikh dostizheniya [Life goals of residents of capitals and regions and the possibility of their achievement]. *Stolitsy i regiony v sovremennoy Rossii: mify i real'nost' pyatnadtsat' let spustya*. Moscow, Ves' Mir, 2018, pp. 159–177 (in Russ.).

Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura [Social theory and social structure]. Moscow, AST, Khranitel', 2006. 873 p. (in Russ.).

Petukhov V. V. Rossiyskaya transformatsiya i obshchestvennaya moral' [Russian transformation and public morality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015, no 12, pp. 28–40 (in Russ.).

Rokeach M. The nature of human values. New York, Free Press, 1973. 438 p.

Temnitskiy A. L. Puti stanovleniya effektivnogo rabotnika-partnera [Ways of becoming an effective employee-partner]. Journal of Institutional Studies (Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy), 2011, Vol. 3, no 1, pp. 28–49 (in Russ.).

Tul'chinskiy G. L. Rossiyskiy dukhovnyy opyt i problema uspekha [Russian spiritual experience and the problem of success]. Etika uspekha. Vestnik issledovateley, konsul'tantov i LPR. Tyumen'-Moskva, 1994, no 3, pp. 12–16 (in Russ.).

Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [Theory of an idle class]. V. V. Motyleva, red. Izd. 3. Moscow, LIBROKOM, 2011. 386 p. (in Russ.).

Yaroshenko S. S. Pokolenie NEXT. Granitsy zhiznennogo uspekha molodykh selyan pri kapitalizme [Generation NEXT. The boundaries of the life success of young villagers under capitalism]. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki, 2006, Vol. 4, no 2, pp. 205–214 (in Russ.).

Zarubina N. N. Biznes v zerkale russkoy kul'tury [Business in the mirror of Russian culture]. Moscow, Ankil, 2004. 306 p. (in Russ.).

Социология труда: жизненные планы настоящих и будущих работников

Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности

Мозговая Алла Викторовна –
кандидат философских наук, ведущий научный
сотрудник, руководитель сектора проблем риска
и катастроф, Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва

E-mail: mozgovai@yandex.ru

Яишников Александр Юрьевич –
кандидат социологических наук,
менеджер проектов, ЗАО «Бизнес Аналитика МК»,
Москва

E-mail: yaishnikov@mail.ru

Способность к трудоустройству как ресурс профессиональной адаптации личности¹

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.530

Аннотация. Краткий анализ проблемной ситуации, суть которой состоит в «несостыковке» потребностей рынка труда с подготовкой профессионалов, позволил обосновать тот факт, что одним из важнейших направлений выхода из кризиса является формирование у студентов способности к трудоустройству, названной специалистами «трудоустраиваемостью». Эта компетенция позиционируется как социальный ресурс, востребованный всеми субъектами социального взаимодействия: рынком труда, институтом образования, специалистом. По мнению авторов статьи, перспективным представляется анализ «трудоустраиваемости» как ресурса профессиональной адаптации выпускников вузов. В статье предложена структура и перечень показателей указанной выше компетенции. Некоторые выводы о том, насколько характеристики интересующей исследователей компетенции сформированы, о потенциале их «ресурсности» для успешной профессиональной адаптации сформулированы по результатам анализа данных опроса студентов нескольких университетов одной из южных областей России. Установлены как те составляющие компетенции, которые являются ресурсом адаптации в профессиональной сфере, так и те, что представляют собой проблему для будущего трудоустройства. Позитивная самооценка респондента, от каких бы факторов она ни зависела, фактически обуславливает высокий уровень профессиональной подготовки на всех этапах, успеваемость, общественную активность и уверенность в лёгком и оперативном трудоустройстве после окончания университета. Адаптивные способности респонденты оценивают достаточно высоко, что даёт основания для оптимистических прогнозов относительно формирования у них способности к трудоустройству и профессиональной адаптации. Отношение к учебному процессу у большинства респондентов серьёзное, что свидетельствует об ответственном отношении к своему профессиональному становлению. Решающим фактором, определяющим желание работать по университетской профессии, выступает социальный статус, затем уже доход. Несформированными являются такие характеристики, как трудолюбие и работоспособность, ориентация на непрерывное образование, языковые навыки и умение работать на компьютере. Выявлена определённая тенденция, характерная для тех, кто намерен трудоустроиться по университетской профессии: у профессионально определившихся студентов бóльшая часть структурных компонентов компетенции «трудоустраиваемость» формируется успешнее, чем у тех, кто не намерен работать по специальности. Результаты анализа данных и выводы представляют интерес для исследователей и для субъектов того пространства, в котором сходятся интересы личности, института профессионального образования и рынка труда.

Ключевые слова: компетенция «трудоустраиваемость», риск, профили ресурсов, профессиональная адаптация

¹ В статье частично использованы ранее нигде не опубликованные материалы подготовленной и защищённой в ФНИСЦ РАН в 2017 г. кандидатской диссертации А. Ю. Яишникова (научный руководитель А. В. Мозговая).

Система высшего профессионального образования как социальный институт выполняет важнейшую функцию социализации личности. В процессе обучения в университете индивид обретает навыки адаптации в определённой профессиональной сфере, совершенствует полученные ранее и формирует новые «надпрофессиональные» компетенции – личностные критерии оценки приемлемости тех или иных норм поведения, жизненных ценностей и мировоззренческих установок.

Обоснование исследовательской проблемы

Профессиональная некомпетентность специалиста, с одной стороны, представляет собой результат недостаточной включённости студента в процесс обучения, отсутствия заинтересованности в той области знания, по которой обучается; с другой стороны, профессиональная некомпетентность является прямым следствием недостаточной реализации институтом образования функции передачи будущим специалистам профессиональных знаний и навыков деятельности.

Потребность современного общества в высоких технологиях и инновациях обуславливает социальный запрос на специалистов определённой квалификации и познавательно-профессиональных амбиций. Отсюда и соответствующие социальные ожидания от института высшего образования, и проблемы, связанные с «несостыковкой» потребностей рынка труда с подготовкой профессионалов.

Модернизация российского высшего образования в соответствии с подписанным Россией Болонским соглашением направлена на снятие целого ряда неопределённостей, минимизацию рисков и преодоление многих проблем. Основное требование к качеству подготовки преподавателей и студентов – наличие знаний и навыков, формирование компетенций, позволяющих адекватно реагировать на динамичные изменения в современном мире в целом и в сфере занятости населения в частности.

В рамках Болонского процесса был разработан комплекс концептуальных направлений реформирования: «компетентный подход, студентоцентрированное обучение, академическая мобильность, способность к трудоустройству и коммуникативная компетентность» [Бурукина 2012: 89]. Наименее разработанным направлением реформ высшего образования, вызывающим исследовательский интерес, представляется формирование способности к трудоустройству при общем признании, что «именно вузы призваны помогать студентам идентифицировать и чётко формулировать навыки для успеш-

Профессиональная некомпетентность является прямым следствием недостаточной реализации институтом образования функции передачи будущим специалистам профессиональных знаний и навыков деятельности.

Наименее разработанным направлением реформ высшего образования, вызывающим исследовательский интерес, представляется формирование способности к трудоустройству.

ной трудоустраиваемости, которые формируются в образовательном процессе и других видах деятельности» [Болонский процесс... 2007: 7].

Категория «трудоустраиваемость» трактуется как «совокупность компетенций, знаний, умений, навыков, понимания и личностных характеристик, которая обеспечивает выпускникам вузов карьерные перспективы по избранной профессии, вносит вклад в развитие экономики и общества» [Болонский процесс... 2009: 84].

Трудоустраиваемость, по оценкам аналитиков, становится одной из наиболее значимых целей многих европейских университетов. «Трудоустраиваемость выпускников высшей школы как ценность сегодня декларируют 91% руководителей европейских вузов, подчёркивающих, что именно этот феномен должен во многом определять разработку и реструктурирование учебных планов. Кроме того, это те области, в которых представители самых разных заинтересованных сторон могут совместно работать над тем или иным аспектом проблемы» [Оплетина 2011: 116–117].

Требуется обоснование и разработка способов, методов, техник, определение субъектов решения задачи формирования компетенции «трудоустраиваемость». Ряд специалистов отмечают, что «трудоустройство приобретает новый характер, поэтому, чтобы оно было успешным, оптанту следует формировать у себя новую компетенцию – трудоустраиваемость» [Болотина, Басалай, Михайлов 2016: 16], то есть акцентируют внимание на *субъектности* самого студента при безусловном признании роли вуза. Однако большинство признаёт тот факт, что «трудоустраиваемость, являясь динамичным, непрерывным качеством личности, выступает стержневым компонентом профессиональной адаптивности и социализации» [Минин, Новоклинова 2012: 9], в частности, в период обучения в вузе. В этой связи перспективным представляется анализ компетенции «трудоустраиваемость» как ресурса профессиональной адаптации.

Мы проанализировали доступные источники, в которых в разных контекстах рассматриваются индикаторы компетенции «трудоустраиваемость». Предлагаются зачастую одни и те же формулировки под различными обобщающими понятиями: социально-поведенческие характеристики, психологическая готовность, личные качества, «надпрофессиональные» навыки, социальная и профессиональная компетентность и др. Исходя из того понимания «трудоустраиваемости», которое воспроизведено выше, мы сформировали перечень показателей, поддающихся эмпирической интерпретации и оценке различными методами, включая социологические. Этот перечень приводится ниже. Подчеркнём, что он открыт и по мере продвижения исследований может и будет дорабатываться и структурироваться.

Исходя из понимания «трудоустраиваемости» сформирован перечень показателей, поддающихся эмпирической интерпретации и оценке различными методами, включая социологические.

Личностные качества: честность, энтузиазм, здравый смысл, чувство юмора, позитивная самооценка, умение управлять эмоциями, позитивное отношение к миру и другим людям, наличие жизненных целей, ориентация на достижения и признание, продвижение в профессии.

Социально-поведенческие навыки: умение проявлять инициативу, ответственное отношение к делу, коммуникабельность, умение общаться, работать в команде, умение переводить знания в технологии, в конкретные предложения, наличие мотивации на непрерывное обучение в течение всей жизни, повышение квалификации, владение навыками самостоятельного получения новых знаний, умение адаптироваться к переменам, способность к рефлексии, интерес к миру.

Понимание принципов, норм и навыков делового общения (культуры): положительное отношение к профессии, знание и принятие ценностей профессии, навыки письменного и устного общения, владение современными информационными технологиями, навыки постановки задач и решения проблем, умения в области организации и планирования трудовой деятельности, принятие ответственности за своё профессиональное становление.

Некоторые выводы о том, насколько характеристики интересующей нас компетенции сформированы, о потенциале их «ресурсности» для успешной профессиональной адаптации сформулированы по результатам анализа данных опроса студентов нескольких университетов одной из южных областей России, проведённого в 2014 г. Стратегия исследования была разведывательной, формирование выборки производилось по методу «снежного кома», опрос осуществлен в интернете (CAWI). Выборка составила 107 респондентов. Для разведывательного формата объём выборки вполне адекватен и позволяет анализировать двойные связи параметров признаков.

В опросе участвовали 41 (38%) респондент мужского пола и 66 (62%) – женского. Возраст респондентов от 17 до 26 лет. Доля состоящих в браке составляет 27%.

Факторы формирования способности к трудоустройству

Имеющаяся у нас база данных позволяет обосновать выводы и сформулировать некоторые суждения и прогнозы относительно ряда показателей компетенции «трудоустраиваемость». Эмпирические индикаторы отбирались авторами данной статьи в соответствии с методологическим представлением о способности к трудоустройству как совокупности индивидуальных знаний, навыков, умений, личностных

характеристик, обеспечивающих востребованность на рынке труда и достойную занятость, способствующих саморазвитию и профессиональному продвижению.

По блоку «*личные качества*» доступными для анализа оказались такие показатели, как степень позитивности самооценок респондентов; ориентация на достижения и признание; выбор профессии в соответствии с личными интересами, ориентация на саморазвитие; трудолюбие, работоспособность; установка на активное освоение учебного и социального пространства.

Суждения относительно перспектив занятости мы интерпретировали как самооценки и выяснили, что подавляющее большинство респондентов (74%) отличаются позитивным настроем и считают, что легко смогут найти работу по той специальности/профессии, которой обучаются в университете. Почти четверть опрошенных (22%) ориентированы на профессиональный успех и карьерный рост, выбрав самостоятельно престижную профессию, пользующуюся высоким спросом на рынке труда. Почти столько же (24%) профессию выбрали в соответствии со своими интересами, ориентируясь на перспективу развития своих способностей, что также может интерпретироваться как высокая (позитивная) самооценка. Доля респондентов с позитивным мироощущением в сумме чуть меньше половины от всей совокупности. Остальные оказались либо полностью безразличными к важному жизненному выбору (32%), что говорит об отсутствии жизненной стратегии, либо доверились советчикам (22%).

Значимым оказалось выявление жизненных условий, которые могли способствовать формированию позитивных настроений респондентов. В дополнительный анализ из базы данных представилось возможным включить следующие показатели: тип места проживания до университета; тип учебного заведения, где респондент получил среднее образование; самооценки уровня профессиональной подготовки; успеваемость, образование родителей, материальное положение семьи, участие в общественной жизни университета, желание работать по профессии, оценка перспектив занятости.

Дополнительный анализ не выявил существенных различий между представителями двух совокупностей опрошенных, различающихся «градусом» мироощущения, по таким жизненным условиям, как место проживания (город/село); образование, полученное до поступления в университет (общеобразовательная средняя школа/гимназия); материальная обеспеченность. Фиксируется несколько более высокий уровень образования родителей в семьях респондентов, склонных к безразличному настрою, по сравнению с позитивно настроенными. Респонденты с высокой самооценкой отличаются и более высокой оценкой уровня своей профессиональной подготовки,

Респонденты с высокой самооценкой отличаются и более высокой оценкой уровня своей профессиональной подготовки, успеваемости; они активнее участвуют в общественной жизни.

успеваемости; они активнее участвуют в общественной жизни. Отметим, что среди них меньше доля желающих работать по университетской профессии: 47 против 60% среди безразличных, и выше доля тех, кто считают, что работу найдут очень быстро после окончания университета: 82 против 68%. Эти данные подтверждают отмеченную специалистами тенденцию трактовки компетенции «трудоустраиваемость» как совокупности инструментов, ресурсов, умений, практик, которые позволяют адаптироваться на рынке труда в самом широком понимании этого социального феномена. Иными словами, будучи сформированной, такая компетенция позволяет адаптироваться не только по базовой специализации, но и по другим.

Трудолюбие и работоспособность в период получения профессиональных знаний можно измерить через отношение к учебному процессу. В нашем исследовании доля респондентов с такими качествами составила четверть совокупности – это те, кто к учёбе относятся ответственно, учатся с удовольствием, с отдачей сил. К сожалению, более трети респондентов (36%) ограничиваются минимальными усилиями, а значительная доля опрошенных – 36% реализуют себя вне учебного процесса, на занятиях практически ничего не делают. При этом значительная доля опрошенных (41%) учатся вполне успешно, почти треть (29%) – удовлетворительно, и треть респондентов практически не успевают (30%). Почти половина респондентов совмещают обучение в университете с подработкой: как постоянной, так и временной, от раза к разу.

Социальная активность в различных сферах гражданской и политической жизнедеятельности нам представляется определённого рода «тренировкой» формирования гражданской ответственности. Примечательно, что доля участвующих в политической жизни и деятельности различных субкультурных объединений составляет более половины опрошенных. Почти четверть респондентов общественной работой вообще не занимаются ни на уровне группы, ни на уровне курса, а 45% дают высокие оценки своему участию в решении общих проблем университетской студенческой общности.

По блоку «социально поведенческие навыки» возможным представился замер таких показателей, как: коммуникативность, умение общаться; ориентация на работу в команде; умение переводить знания в конкретные предложения и действия; ориентация на непрерывное обучение, повышение квалификации; умение адаптироваться к переменам, к новым обстоятельствам, к новой среде; умение оценивать перспективы профессионального роста.

Самооценки коммуникативных навыков респонденты представили через суждения относительно лёгкости вербального общения. 35% опрошенных не умеют совсем или очень слабо владеют навыками общения (коммуникации). Напротив,

Доля участвующих в политической жизни и деятельности различных субкультурных объединений составляет более половины опрошенных. Почти четверть респондентов общественной работой вообще не занимаются ни на уровне группы, ни на уровне курса, а 45% дают высокие оценки своему участию в решении проблем университетской студенческой общности.

почти столько же (36%) считают, что умеют вести беседу, контактировать с окружающими. Умение работать в команде до определённой степени воспитывается на умении общаться с университетским ближайшим окружением, в учебной группе, прежде всего. 41% респондентов однозначно оценивают свои отношения в группе как плохие, 32% – как хорошие.

Применять университетские знания в повседневной реальности научились более половины респондентов, что может быть интерпретировано как довольно высокий уровень развития навыков преобразования абстрактного знания в решение конкретных задач, что работодателем также высоко оценивается при отборе соискателей на рабочее место.

В рамках концепции реформирования отечественной системы высшего профессионального образования важным показателем сформированности компетенции «трудоустроенность» является ориентация специалиста на непрерывное обучение и повышение уровня профессионализма и квалификации. Как показывают исследования, работодатель также высоко оценивает стремление сотрудников к саморазвитию. Интересно, что почти 70% опрошенных не намерены повышать университетский уровень образования. Тем не менее, на второе высшее, аспирантуру и т. п. ориентированы более четверти респондентов. В прожективной ситуации будущей занятости 23% респондентов демонстрируют нежелание повышать уровень своей подготовки, который может предложить работодатель. На минимум усилий для повышения квалификации в компании работодателя согласны более половины опрошенных (54%). Нацелены на развитие в профессии 23% респондентов, что реально немало.

Об адаптивных ресурсах на базе данных, имеющих в нашем распоряжении, мы можем судить по самооценкам респондентов. Свои физические ресурсы адаптации к новым обстоятельствам жизни, к новой среде 44% респондентов оценивают высоко, 38% – низко. Психологические ресурсы адаптации к университетской среде высоко оценивают 47%, низко – 38%. Эти самооценки подтверждаются контрольным вопросом на измерение способности к адаптации: доли считающих, что в целом быстро и легко адаптируются к новому коллективу, к новой деятельности, и тех, кто, трудно и долго адаптируются, одинаковые – по 40% тех и других.

Умение оценивать перспективы своего трудоустройства – одно из важных составляющих интересующей нас компетенции. Определить, каким образом и насколько осознанно такая оценка производится, мы не имеем возможности, однако зафиксируем следующие позиции респондентов: порядка 23% опрошенных негативно оценивают свои перспективы, т. е. считают, что очень сложно будет трудоустроиться после окончания университета. Более 31% думают, что будут длительное время

Применять университетские знания в повседневной реальности научились более половины респондентов, что может быть интерпретировано как довольно высокий уровень развития навыков преобразования абстрактного знания в решение конкретных задач.

Порядка 23% опрошенных негативно оценивают свои перспективы трудоустройства после окончания университета. Более 31% думают, что будут длительное время находиться в статусе безработного. Позитивно оценивают перспективы своей занятости только 22% респондентов. Примерно столько же (24%) вообще не собираются работать.

находиться в статусе безработного. Позитивно оценивают перспективы своей занятости только 22% респондентов. Примерно столько же (24%) вообще не собираются работать.

По блоку «понимание и освоение принципов, норм, навыков делового общения» в базе данных отобрано несколько показателей: положительное отношение к профессии; принятие ценностей профессии; владение современными информационными технологиями; принятие ответственности за своё профессиональное становление; владение иностранными языками.

Хотят работать по университетской профессии 54% респондентов. При этом 42% опрошенных считают, что оконченный университет будет проблемой для трудоустройства; столько же (45%) – что университет престижный и обеспечивает хорошее трудоустройство. Примерно такое же соотношение наблюдается и в распределении оценок влияния полученной профессии на трудоустройство.

Подавляющее большинство респондентов (около 90%) отмечают, что выбрали интересную область знаний, но работать по профессии намерены 54%. При этом примерно такая же доля опрошенных (52%) не имеют представления о профессиональном кодексе профессии, 65% не разделяют ценности, нормы, идеалы избранной профессии. Респонденты очень высоко оценивают материальные возможности профессии и возможности для личностного развития (более 80%). На уровне оценок желания работать по профессии оказались оценки её перспектив для обретения высокого социального статуса и профессионального (карьерного) роста. По всей видимости, именно эти факторы определяют желание респондентов работать по университетской профессии.

Владение современными информационными технологиями при трудоустройстве становится всё более востребованным. Оказалось, что 11% опрошенных вообще не пользуются компьютером. Подавляющее большинство имеют опыт работы с минимальным набором так называемых базовых программ, пользуются скайпом и периодически играют в компьютерные игры. Продвинутых пользователей всего 2%.

Минимальные навыки общения на иностранном языке (читают со словарем) имеют 16% опрошенных; 65% могут говорить и понимают, остальные не имеют никаких языковых навыков.

Принятие ответственности за своё профессиональное становление на университетском этапе мы интерпретируем через активность в учебном процессе. Участвуют с разной степенью активности в дискуссиях и обсуждениях, могут вести полемику 85% опрошенных. Остальным 15% респондентов, по их оценкам, учебный процесс не интересен.

Выполненный анализ продемонстрировал, что одним из значимых ресурсов трудоустраиваемости и адаптации на рынке труда выступает желание работать по университетской

11% опрошенных вообще не пользуются компьютером. Подавляющее большинство имеют опыт работы с минимальным набором так называемых базовых программ, пользуются скайпом и играют в компьютерные игры. Продвинутых пользователей всего 2%.

профессии. Прежде чем формулировать аналитическое резюме с оценкой выполнения цели, заявленной в начале статьи, проанализируем эмпирические данные по показателю «желание работать по профессии».

Ресурс трудоустраиваемости

В начальном разделе статьи была представлена группировка компонентов «трудоустраиваемости» и перечень показателей, встречающихся в исследовательской литературе. В данном разделе предложены оригинальная, разработанная авторами структура компетенции «трудоустраиваемость» и ряд показателей этой компетенции. Для оценки методической продуктивности предлагаемых показателей был выполнен сравнительный анализ двух совокупностей респондентов. Массив опрошенных был перегруппирован по следующему критерию: нежелающие работать по вузовской профессии (46% – 49 человек) и имеющие такое желание (54% – 58 человек). Обе подвыборки принадлежат к типу малых выборок (объем таких выборок начинается с 30 единиц наблюдения) и по требованиям математической статистики допускают взаимное сравнение по ряду показателей.

Все эмпирические индикаторы были сведены в пять блоков показателей, имеющих отношение к компетенции «трудоустраиваемость»: 1) аскриптивные ресурсы (стартовые возможности); 2) познавательная активность; 3) практические навыки; 4) адаптационные и коммуникативные ресурсы; 5) умения оценить рынок труда и профессиональная идентичность. По каждому блоку в ходе сравнительного анализа конструировались «профили», позволяющие зафиксировать показатели, по которым существенным образом отличаются желающие работать по профессии, и те, кто не намерен работать по полученной в университете профессии. Посредством такого сравнения мы намеревались выявить показатели, имеющие положительную связь с интересующей нас компетенцией.

По блоку *аскриптивных ресурсов (стартовых возможностей)* выявлен ряд различий между анализируемыми группами. Среди желающих работать по профессии выше доля тех, кто до поступления в вуз проживали в городе и заканчивали школу с углублённым изучением предметов. Нежелающие работать по профессии чаще заканчивали школу без предметной специализации, оценивают материальное положение своей семьи как удовлетворительное и до поступления в вуз проживали в сельской местности. Таким образом, наблюдается связь между желанием работать по профессии и местом проживания, типом учебного заведения, оконченного до поступления в вуз: предметная ориентация в городских школах способствует

более осознанному выбору профессии, а тем самым и более ответственному отношению к формированию базовых профессиональных компетенций.

Анализ профилей показателей по блоку «*познавательная активность*» показал, что желающие работать по профессии учатся на «отлично» и с удовольствием, а нежелающие работать по профессии имеют задолженности, часто пересдают экзамены и зачёты. Прослеживается взаимное влияние устойчивой профессиональной ориентации и позитивного отношения к учёбе и высокой успеваемости.

По блоку *практических навыков* зафиксированы следующие различия: желающие работать по профессии в большей степени реализовали себя как специалисты своего дела: применяют знания, полученные в вузе; трудоустроены по профессии и собираются дальше работать в этом направлении; пользуются компьютером (т. е. способны работать с ним). Нежелающие работать по профессии заняты в основном в сферах физического и обслуживающего труда. В целом практические компетенции у обеих групп представляются недостаточными, но в зоне большего риска всё-таки те, кто не желают работать по избранной в вузе специальности. Дальнейший анализ покажет, является ли это следствием неверной оценки рынка труда.

Профили *адаптационных и коммуникативных ресурсов* показывают, что среди нежелающих работать по профессии выше доля участвующих в патриотических клубах, они же демонстрируют хорошую физическую адаптивность к вузовской среде, коммуникативные навыки, имеют достаточно широкий круг общения (со студентами вуза). Коммуникативные и адаптационные ресурсы желающих работать по избранной профессии сформированы слабо и без глубокой рефлексии причин такого положения и, соответственно разработке программ корректировки, могут обусловить провал формирования значимых для работодателя составляющих компетенции «трудоустраиваемость».

Резюме

Как признано специалистами, суть компетенции «трудоустраиваемость» заключается в обеспечении занятости и карьерных перспектив специалиста на рынке отраслей, вносящих вклад в развитие экономики и общественное благосостояние. Целесообразно «стянуть» выводы из осуществлённого выше анализа именно на эти существенные характеристики исследуемой компетенции. Конкретно попытаемся оценить, насколько ряд составляющих компетенции «трудоу-

Профили адаптационных и коммуникативных ресурсов показывают, что среди нежелающих работать по профессии выше доля участвующих в патриотических клубах, они же демонстрируют хорошую физическую адаптивность к вузовской среде, коммуникативные навыки.

страиваемость» сформирован у респондентов и насколько они могут выполнить функцию ресурса адаптации в профессиональной среде.

Позитивная самооценка респондента, от каких бы факторов она ни зависела, фактически обуславливает высокий уровень профессиональной подготовки на всех этапах, успеваемость, общественную активность и уверенность в лёгком и оперативном трудоустройстве после окончания университета, причём вне зависимости от университетской профессии.

Достаточно высоко у респондентов развиты навыки перевода знаний в повседневные умения, практики, в частности в сфере вторичной занятости, т. е. совмещения обучения в университете с работой.

Адаптивные способности респонденты оценивают достаточно высоко, что даёт основания для оптимистических прогнозов относительно формирования у них способности к трудоустройству и профессиональной адаптации. Отношение к учебному процессу у большинства респондентов серьёзное, что свидетельствует об ответственном отношении к своему профессиональному становлению.

Такие характеристики личности, как трудолюбие и работоспособность, у респондентов либо развиты слабо, либо не находят проявления. То же наблюдается относительно коммуникативных навыков и способностей работы в команде. Такие результаты представляют интерес не только для исследователей, но и для субъектов того пространства, в котором сходятся интересы личности, института профессионального образования и рынка труда.

Респонденты в большей степени заинтересованы не в повышении уровня образования, а ориентированы на минимальные затраты на повышение квалификации уже в процессе трудовой деятельности, скажем так, – на площадке, предлагаемой работодателем, и без отрыва от работы.

Решающим фактором, определяющим желание работать по университетской профессии, выступает социальный статус, затем уже доход. С профессиональным кодексом и ценностями профессии респонденты знакомы слабо. Языковые навыки и компьютерная подготовка находятся на начальных стадиях освоения.

Дифференцированный анализ данных для тех, кто намерены работать по университетской профессии, и для нежелающих по ней работать, выявил ряд специфических отличий, которые на анализе общего массива не фиксируются, а для исследователей и управленцев могут быть значимы.

Выявлена определённая тенденция, характерная для тех, кто намерены трудоустроиться по университетской профессии. Ориентация на работу по профессии у них формируется на предшествующем университету этапе обучения в школе

Такие характеристики личности, как трудолюбие и работоспособность, у респондентов либо развиты слабо, либо не находят проявления. То же наблюдается относительно коммуникативных навыков и способностей работы в команде.

Ориентация на работу по профессии у тех, кто намерены трудоустроиться по университетскому диплому, формируется в школе с углублённым изучением предметов. Далее профессиональная ориентация проявляется в самостоятельном выборе вуза с помощью оценок рейтингов вузов.

с углублённым изучением предметов. Далее профессиональная ориентация проявляется в самостоятельном выборе вуза с помощью оценок рейтингов вузов. На вузовском этапе наблюдается успешная профессиональная социализация: высокая успеваемость и учёба с удовольствием; развитие установок на удовлетворение жизненных потребностей через профессию в целом и отдельных составляющих – социального статуса, хорошего заработка, профессиональной подготовки; круг общения формируется в рамках профессионального сообщества (учебной группы); знания, навыки, полученные в вузе, применяются в жизни; пользуются компьютером в профессиональной деятельности (учёбе). Более того, наблюдается переход к послевузовскому этапу профессиональной самореализации, т. е. трудоустройству по избранной специальности ещё в период обучения.

В целом нежелающих работать по профессии можно назвать студентами, ищущими себя. Такой поиск начинается с предшествующего университету этапа после окончания школы без предметной специализации (где отсутствует первоначальная профессиональная ориентация). В основе поискового поведения лежит мотивация восходящей социальной мобильности, не связанная с конкретной профессией или специальностью; выбор основан на субъективной оценке престижности. Для респондентов этой группы характерно удовлетворительное материальное положение семьи, проживающей в сельской местности. Компенсация отсутствующей первоначальной профессиональной ориентации происходит с использованием хороших коммуникативных навыков, широкого круга общения (в пределах своего вуза), участия в работе патриотических клубов и текущем трудоустройстве в основном в сферах физического и обслуживающего труда. Столь широкий охват сфер применения собственных способностей и отсутствие первоначальной профессиональной ориентации негативно сказывается на успеваемости (часто пересдают экзамены и зачёты). При этом респонденты демонстрируют хорошую физическую адаптивность к вузовской среде.

Проведённый анализ, помимо описанных фактологических данных, позволяет сформулировать проблему, требующую целевых исследований. Речь идёт о том, что компетенция «трудоустраиваемость» воспринимается респондентами как отражающая способность к адаптации не только в той профессиональной среде, которая соответствует университетскому диплому, но и в любой другой. Насколько нам известно, часть специалистов в области социологии образования считают такую тенденцию опасной. Представляется, что тенденция содержит как риски, так и преимущества. Оценка зависит от цели субъекта процесса: личность, институт образования, работодатель.

Проблема, требующая целевых исследований: компетенция «трудоустраиваемость» воспринимается респондентами как отражающая способность к адаптации не только в той профессиональной среде, которая соответствует университетскому диплому, но и в любой другой.

Библиографический список

Болонский процесс: Глоссарий (на основе опыта мониторингового исследования). 2009 / Авт.-сост.: В. И. Байденко, О. Л. Ворожейкина, Е. Н. Карачарова, Н. А. Селезнева, Л. Н. Тарасюк / Под науч. ред. В. И. Байденко и Н. А. Селезневой. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов. 142 с. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/про/20120408235619.pdf> [Дата посещения: 25.10.2017].

Болонский процесс на пути к Лондону / Под науч. ред. В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, РосНОУ. 2007. 264 с.

Болотин И. С., Басалай С. И., Михайлов А. А. 2016. Трудоустройство и трудоустраиваемость выпускников вузов России: прошлое и настоящее // Социология образования. № 2. С. 16–29.

Бурукина О. А. 2012. Современная система координат профессиональной подготовки в неязыковом вузе // Научный вестник МГИИТ. № 3. С. 87–96.

Минин М. Г., Новоклинова А. В. 2012. Трудоустраиваемость как психолого-педагогическая категория // Вестник ФГОУ ВПО МГАУ. № 4/1. С. 33–35.

Оплетина Н. В. 2011. Трудоустраиваемость выпускников вузов как показатель качества образования // Социальная стратегия российской системы образования: Материалы международной научной конференции – Третьих Санкт-Петербургских социологических чтений, 14–15 апреля 2011 / Отв. ред. А. В. Воронцов. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена. С. 116–117.

Петрушенко Т. К. 2015. Образовательные риски в системе социализации молодежи // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления. Материалы международной научно-практической конференции (г. Белгород, 19–20 ноября 2015 г.) / Отв. ред. Ю. А. Зубок. Воронеж: ООО «ПТ». С. 579–584.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.530

The Ability to Secure a Job as a Resource for Personal Professional Adaptation

Mozgovaya Alla Viktorovna

Candidate of Philosophical Sciences, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: mozgovai@yandex.ru

Yaishnikov Alexander Yuryevich

Candidate of Sociological Sciences, Manager of the projects, "Business Analitika MK", Moscow, Russia. E-mail: yaishnikov@mail.ru

Abstract. A quick analysis of a problematic situation, constituted by an inconsistency between demand on the labor market and the situation with professional training, allowed substantiating the fact that one of the most critical means of overcoming crisis involves teaching students the ability to secure a job. Such a competency is made out to be a social resource demanded by all subjects of social interaction – the labor market, the institute of education and specialists. According to the authors of this article, analyzing one's ability to secure a job, with such an ability presenting itself as a resource for the professional adaptation of college graduates, is a prospective matter. The article suggests a certain structure and a list of parameters for the aforementioned competency. Formulated are certain conclusions as to how well-developed are the features of the competency in question, and concerning the capacity of their resource potential for successful professional adaptation, based on analyzing data from a survey conducted among college students from one of Russia's southern regions. Determined are those components of this competency which can be considered a resource for adaptation in the professional field, and those components which might pose a problem for future employment. A positive self evaluation from a respondent, regardless of which factors it depends on, practically determines a high level of professional training at all stages, as well as a high level of achievements, civil activity and confidence in the prospect of finding a job quickly and with no issues after graduating. Respondents tend to highly value the ability to adapt, which gives reason for an optimistic outlook on them developing the ability to secure a job and adapt professionally. Most respondents displayed a serious attitude towards their education, which indicates a responsible approach towards establishing themselves as professionals. The key factor determining one's desire to pursue a trade in their college specialty turns out to be social status, with income being secondary. Certain characteristics turned out to be unformed, such as diligence and working capacity, the intent to constantly educate oneself, language skills and the ability to work on a computer. Revealed is a certain tendency inherent to those who intend to find a job based on their college specialty: those students who are decided on their career path see more effective development of the majority of structural components for the ability to secure a job, as compared to those students who do not intend to secure a job based on their specialty. The results of data analysis and the conclusions of this article bear interest both for researchers and for subjects of the space where the interests of the individual, the institute of professional training and the labor market all align.

Keywords: business competence, risk, resources' profiles, professional adaptation.

References

Bolonskiy protsess: Glossariy (na osnove opyta monitoringovogo issledovaniya) [Bolon Process glossary (based on the monitoring study experience)]. V. I. Baydenko i N. A. Seleznevoy, red. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, 2009, 142 p. URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/npo/20120408235619.pdf> [date of visit: 25.09.2019].

Bolonskiy protsess na puti k Londonu [Bolon Process on the Way to London]. V. I. Baydenko, red. Moscow, Issledovatel'skiy tsentr problem kachestva podgotovki spetsialistov, RosNOU, 2007. 264 p.

Bolotin I. S., Basalay S. I., Mikhaylov A. A. Trudoustroystvo i trudoustraivayemost' vypusnikov vuzov Rossii: proshloe i nastoyashchee [Working place and business competence of Russian Universities graduates: Post and Future]. Sotsiologiya obrazovaniya, 2016, no 2, pp. 16–29.

Burukina O. A. Sovremennaya sistema koordinat professional'noy podgotovki v neyazykovom vuze [Modern system of professional education coordinates in the non-language university]. Nauchnyy vestnik MGIIT, 2012, no 3, pp. 87–96.

Minin M. G., Novoklinova A. V. Trudoustraivayemost' kak psikhologo-pedagogicheskaya kategoriya [Workability as a psychological-pedagogical category]. Vestnik FGOU VPO MGAU, 2012. no 4/1, pp. 33–35.

Opletina N. V. Trudoustraivayemost' vypusnikov vuzov kak pokazatel' kachestva obrazovaniya [Workability of graduates as the indicator of education quality]. Sotsial'naya strategiya rossiyskoy sistemy obrazovaniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – Tret'ikh Sankt-Peterburgskikh sotsiologicheskikh chteniy, 14–15 aprelya 2011. A. V. Vorontsov, red. Saint-Petersburg, RGPU im. A. I. Gertsena, 2011, pp. 116–117.

Petrushenko T. K. Obrazovatel'nye riski v sisteme sotsializatsii molodezhi [Educational risks in the system of youth socialization]. Riski v izmenyayushchey sotsial'noy real'nosti: problema prognozirovaniya i upravleniya. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Belgorod, 19–20 noyabrya 2015). Yu. A. Zubok, red. Voronezh, OOO «PT», 2015, pp. 579–584.

Н а у ч н ы е ф о р у м ы

Конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» в Ингушетии

Левченко Наталья Валерьевна –
научный сотрудник, Центр политической
социологии и политологии,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

Конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа» в Ингушетии

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.532

10–13 мая 2018 г. в г. Магас Республики Ингушетия состоялась VI Международная научно-теоретическая конференция «Гуманитарные и социально-политические проблемы модернизации Кавказа», которая проходила при поддержке Министерства образования и науки РФ и Ингушского государственного университета с целью обобщения результатов научных исследований, связанных с поиском решений проблем модернизации Кавказа. Конференция проводится с 2011 г., руководителем оргкомитета является доктор философских наук, профессор, ректор Ингушского государственного университета А. М. Мартазанов, а идейным вдохновителем и инициатором – директор института социальных исследований ИнГГУ, завкафедрой «Социология и политология», доктор политических наук, профессор И. М. Сампиев. Традиционно встреча учёных проходила в Джейрахском районе Ингушетии, в лечебно-оздоровительном комплексе «Армхи», однако в этом году организаторы решили её провести непосредственно в самой столице Ингушетии. Первоначально в конференции принимали участие чуть более 20 представителей научных учреждений, теперь их численность достигла практически 80 человек. В ходе конференции работали три секции: «Социальное и политическое развитие Кавказа: состояние и перспективы»; «Гуманитарные проблемы модернизации Кавказа: культурные традиции и инновации. История и идентичность на Кавказе»; «Языки, литература и культура кавказских этносов на родине и в диаспорах». В конференции приняли участие отечественные и зарубежные учёные: историки, географы, политологи и социологи.

В приветственном слове ректор Ингушского государственного университета призвал научное сообщество использовать достоверные данные и ответственно подходить к работе, чтобы избежать любых искажений существующих гуманитарных, политических и социально-экономических проблем кавказского макрорегиона, а также подчеркнул важность сохранения традиций на Кавказе.

И. М. Сампиев отметил, что основные проблемы, выносимые на обсуждение в ходе конференции, характерны не только для Кавказа, но актуальны и для других регионов России.

А. З. Адиев (РЦЭИ ДНЦ РАН) посвятил доклад особенностям развития различных аспектов социальной идентичности жителей Республики Дагестан.

Богатырёва М. Р. (БашГУ) обратила внимание участников на ситуацию на рынке труда Республики Ингушетия, подчеркнув, что на сегодня в регионе фиксируется самый высокий уровень безработицы по стране.

Особый интерес вызвал доклад С. А. Липиной (СОПС ВАВТ, РАНХиГС), в котором отмечены перспективы расширения интеграционных экономических связей республик Северного Кавказа России и стран Большого Кавказа в свете обеспечения экономической безопасности государств.

В докладе А. И. Тетуева (КБНЦ РАН) были представлены общественно-политические процессы в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии в период перестройки и трансформации российского общества.

В рамках секции «Гуманитарные проблемы модернизации Кавказа: культурные традиции и инновации. История и идентичность на Кавказе» Р. И. Сефербеков (ИИАЭ ДНЦ РАН) представил анализ современного состояния существующих проблем и тенденций развития праздничного календаря горожан Дагестана в постсоветский период.

Об исторических этапах и современных проблемах художественной культуры у даргинцев рассказал М. Ю. Кубанов (ДНЦ РАН), отметив, что на современном этапе развития общества часть ремёсел даргинцев отмирает.

Е. Ф. Кринко (ФГБУН ЮНЦ РАН) затронул проблему административно-территориальных преобразований на Северном Кавказе в советский период.

С особым интересом был заслушан доклад А. К. Амирхановой (ИИАЭ ДНЦ РАН), посвящённый особенностям бракосочетания в Дагестане в условиях глобализации.

В выступлении З. Б. Рамазановой (ИИАЭ ДНЦ РАН) были затронуты аспекты особенностей обрядовой пищи, которая несёт смысловое значение. Как отметил докладчик, центральная идея обрядовой еды заключалась в обеспечении жизненных благ путём принесения жертвы.

В продолжение темы выступила М. К. Мусаева (ИИАЭ ДНЦ РАН) с докладом об обрядах жизненного цикла: свадьба, рождение, смерть и похоронно-поминальные ритуалы, которые соблюдаются дагестанцами в современной урбанистической среде.

В ходе работы секции «Языки, литература и культура кавказских этносов на родине и в диаспорах» интерес вызвал доклад М. Д. Шаймерденовой (ЕНУ им. Л. Н. Гумилёва), в кото-

ром рассматривались особенности киноиндустрии в целом и в Казахстане в частности; отмечено, что киноиндустрия занимает особое место среди гуманитарно-социальных проблем.

З. Х. Гучетль (АРИГИ им. Т. М. Керашева) посвятила своё выступление современному состоянию адыгейского языка, поиску путей его сохранения и развития.

Работа секций сопровождалась активными дискуссиями, каждому докладу уделялось пристальное внимание. В обсуждениях принимали участие как молодые, так и более опытные учёные, обмениваясь при этом межрегиональным опытом.

Культурная программа конференции заключалась в посещении ингушских башенных комплексов Эгикхал и Ний, храма Тхаба-Ерды и других средневековых достопримечательностей Таргимской котловины Джейрахского района.

По итогам научно-практической конференции был принят меморандум, в котором отмечено, что в условиях трансформации общества возрастает роль объективной экспертной оценки, и моральный долг научного сообщества – распространение принципов культуры и традиций кавказских народов: демократии и самоуправления, народной дипломатии, социальной ответственности, уважения, добрососедства, межкультурного диалога и пр.

По завершению встречи учёные выразили благодарность в адрес ректора ИнГу, профессора И. М. Сампиева и остальных членов оргкомитета конференции.

Подводя итог, можно отметить, что обсуждение социально-политических и гуманитарных проблем модернизации Кавказа проходило в тёплой и дружественной обстановке. Конференция носила междисциплинарный характер и способствовала укреплению доброжелательных и плодотворных связей между учёными различных национальностей.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.532

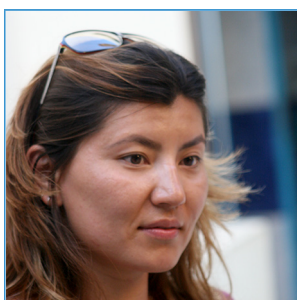
Conference «Humanitarian and Socio-Political Problems of Modernization of the Caucasus» in Ingushetia

Levchenko Natalya Valeryevna

Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia. E-mail: natalya_levchenk@mail.ru

Н а у ч н ы е ф о р у м ы

Всероссийский научно-практический семинар «Семья и социальное благополучие в контексте мобильности» во Владивостоке

Бийжанова Элиза Камчыбековна –
научный сотрудник, Центр региональной
социологии и конфликтологии,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: biyshanova@isras.ru

Всероссийский научно-практический семинар «Семья и социальное благополучие в контексте мобильности» во Владивостоке

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.533

Современный мир с его динамично развивающимися процессами всё чаще актуализирует проблему сохранения традиционных ценностей, среди которых семья остаётся ключевым и наиболее устойчивым элементом в сознании россиян и постоянно находится в фокусе интересов как российских, так зарубежных учёных. Постоянное внимание к проблемам современной семьи, отношение властей к её сохранению в традиционном виде, представления молодёжи о роли семьи в развитии современного общества выражаются в регулярных исследованиях и обсуждениях на различных площадках. Таковым стал и Всероссийский научно-практический семинар, прошедший во Владивостоке 26–27 апреля 2018 г. в Дальневосточном федеральном университете (ДВФУ) на тему «Жизнь на чмо-данах: мобильность семьи и социальное благополучие». Организатором выступила Школа искусств и гуманитарных наук ДВФУ при финансовой поддержке филиала Фонда Розы Люксембург (Германия) в Российской Федерации. Данное мероприятие проводилось впервые и вызвало интерес учёных из различных регионов России: от Бурятии до Дагестана. Однако, несмотря на географический разброс учёных, мероприятие было относительно немногочисленным, что сделало его ещё более интересным, поскольку такой формат позволил не просто выслушать мнения коллег, но и действительно развить более глубокую дискуссию и рассмотреть подходы к изучению проблем современной семьи и мобильности с различных точек зрения.

Семинар можно условно разделить на три блока обсуждений. Первый блок сфокусировался на мобильности и социальном благополучии современных российских семей: через призму теории и практики управления эти проблемы рассматривались в докладах Ю. В. Голиусовой (ИС ФНИСЦ РАН), О. Г. Исуповой (ИД НИУ ВШЭ), Д. Д. Бадараева (ИМБТ СО РАН), Е. А. Ерохиной (ИФП СО РАН), Е. Ю. Костиной (ШИГН ДВФУ), Н. А. Орловой (ШИГН ДВФУ) и др.

Особый интерес вызвал доклад О. Г. Исуповой, посвящённый анализу государственной семейной политики РФ в сфере поддержания и повышения рождаемости.

Также было показано историческое развитие семейной политики в зарубежных странах. К сожалению, как показали исследования автора, в России, несмотря на некоторый рост, уровень рождаемости по-прежнему не дотягивает даже до уровня воспроизводства населения. На вопрос, что может послужить толчком для повышения рождаемости, Ольга Генриховна ответила, что это скорее социально-психологические факторы, требующие дальнейшего пристального изучения, поскольку по данным её исследований, особенно в сравнении с развитыми западными странами, экономические факторы не оказывают существенного влияния на репродуктивные установки людей.

Также хотелось бы отметить доклад Д. Д. Бадараева, который показал взаимосвязь между браками и разводами и социальным благополучием в регионе. На основе данных исследований, было выявлено, что в целом большинство респондентов связывают понятия «счастье», «брак» и «любовь» – это подтверждает мнение о том, что в российском обществе традиционные ценности актуальнее политико-экономических. Вместе с тем, исследования докладчика подтвердил тезис О. Г. Исуповой о низком уровне рождаемости и естественном приросте населения даже в национальных республиках, где традиционно всегда наблюдался более высокий уровень рождаемости и сильна установка на многодетность.

Второй блок сосредоточился на проблемах семьи и молодёжи не только в контексте социальной, но и пространственной мобильности. Данная тема была проанализирована более локально, на основе конкретных региональных исследований. Её рассмотрели на различных примерах: жизненные стратегии молодой семьи, студенческая мобильность, мобильность молодёжи российского приграничья, карьерная мобильность, роль семьи в образовательной миграции молодёжи. С докладами выступили А. З. Адиев (РЦЭИ ДНЦ РАН), Е. П. Галкина (УлГУ), М. И. Кадничанская (УлГУ), П. Е. Сушко (ИС ФНИСЦ РАН, ГАУГН), И. Г. Кузина (ШИГН ДВФУ), А. С. Прокофьева (ШИГН ДВФУ), Э. К. Бийжанова (ИС ФНИСЦ РАН).

Можно выделить доклад А. З. Адиева, показавшего на примере Республики Дагестан особенности социальной мобильности студенческой молодёжи, а также её различия между сельской и городской молодёжью. Так, согласно данным исследования автора, сельская молодёжь больше ориентирована на родителей в своём выборе будущей специальности и трудоустройства по месту жительства, т. е. в пределах республики, тогда как городская склоняется к выбору вузов в других регионах, причём с возможностью остаться в данном регионе или уехать в более социально-экономически развитые, где, по их мнению, будет больше перспектив для самореализации и развития. Однако стоит отметить, что Дагестан является одним из лидеров российских регионов, в котором прирост насе-

ния выше, чем отток из республики. Тем не менее, темпы миграционной убыли населения остаются высокими, особенно молодого, трудоспособного, а зачастую и высококвалифицированного, что не может не вызывать беспокойства за качество населения, остающегося в регионе.

Также стоит отметить доклад П. Е. Сушко о карьерной мобильности политически активной молодёжи. На основе биографических интервью с респондентами в возрасте от 18 до 35 лет, автор выявил, что карьерная мобильность в политической сфере существенно отличается от мобильности в других сферах деятельности: более высокой конкуренцией, слабой оформленностью и неопределённостью требований к кандидатам, необходимостью иметь более высокую способность к планированию и соблюдению внутригрупповых социальных норм. Также стоит отметить, что полученные данные показали, что если в начале политической карьеры у молодёжи присутствовали альтруистические цели и желание «служить народу», то по мере продвижения по карьерной лестнице на первый план выходят собственные интересы.

Третий блок рассматривал проблемы семьи в контексте социокультурного пространства городов и пригородов. В этом контексте были рассмотрены: повседневность семей трудовых мигрантов в региональном аспекте, мотивы и практики «оседания» семей в пригородах, жизнь семьи на фронтире, детская мобильность в городской среде в представлениях взрослых, родительские форумы как источник эмпирических данных и др. Здесь были представлены аналитические доклады Е. Е. Абросимовой (ЦНИПП ВГУЭС), А. Ю. Ардальяновой (ШИГН ДВФУ), А. Г. Филиповой (ШИГН ДВФУ), А. С. Бреславского (ИМБТ СО РАН), К. В. Григоричева (ИГУ), И. В. Купряшкина (ШИГН ДВФУ), Е. А. Купряшкиной (ШИГН ДВФУ), А. В. Винокуровой (ШИГН ДВФУ).

Интересен доклад А. С. Бреславского, анализировавшего проблемы вынужденной миграции сельских семей в город на примере Улан-Удэ. В ходе исследования автором было выявлено, что процесс оттока населения из сельской местности актуализирует необходимость постоянного внимания к проблеме «обезлюживания» этих территорий, а жизнь в черте города не всегда доступна сельским жителям и тем более целым семьям. Выходом может стать субурбанизация пригородного пространства, поскольку, с одной стороны, город и городская социальная инфраструктура находятся в относительной близости, с другой – более доступны цены на жильё и т. д.

Также хотелось бы отметить доклад А. В. Винокуровой, в котором показаны повседневные практики семей мигрантов в Приморье, их адаптация в принимающем обществе, а также способы сохранения этнокультурных традиций в инокультурном пространстве. Так, в процессе

адаптации наблюдается изменение традиционного статуса женщины в семье как хранительницы очага и домохозяйки, поскольку зачастую женщина становится основным добытчиком, что в целом не свойственно для семей восточного и азиатского типов.

Приятной неожиданностью стало присутствие на мероприятии представителей российского филиала Фонда Розы Люксембург – главы филиала Керстин Кайзер и проектного менеджера Ольги Игнатовой. Они не ограничились ролью наблюдателей, а принимали активное участие в обсуждениях, а также приводили примеры немецких практик по тем или иным вопросам в ходе дискуссий. К. Кайзер особо подчеркнула важность совместного диалога для поиска решений сложившихся проблем, а также необходимость взаимодействия на межрегиональном и всероссийском уровнях академических и научных центров России.

Несмотря на небольшой круг участников, мероприятие было организовано на очень высоком уровне, а расхождение точек зрения по некоторым вопросам обсуждения не мешало созданию дружеской атмосферы. Особенно порадовала тёплая солнечная погода, позволившая участникам осмотреть кампус ДВФУ, расположенный на острове Русский, посетить «Ворошиловскую батарею» (филиал Военно-исторического музея Тихоокеанского флота) и другие достопримечательности острова Русский и города Владивосток.

Участники семинара выразили искреннюю надежду, что мероприятия такого формата будут проводиться чаще, поскольку они позволяют раскрыть обсуждаемую проблематику гораздо шире и детальнее.

DOI: 10.19181/vis.2018.26.3.533

All-Russian Scientific and Practical Seminar “Family and Social Wellbeing in the Context of Mobility” in Vladivostok

Biyzhanova Eliza Kamchybekovna

Research Fellow, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Moscow, Russia. E-mail: biyzhanova@isras.ru

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор:
Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:
Полина Михайловна Козырева,
Ирина Альбертовна Халий

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдииков

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 19 октября 2012 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>